

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities



RSUH/RGGU BULLETIN
№ 2 (12)

Academic Journal

Series:
Philosophy. Social Studies. Art Studies

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ
№ 2 (12)

Научный журнал

Серия
«Философия. Социология. Искусствоведение»

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т гео-политики, Ун-т Париж-ВШП, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Неземайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сакаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Редакционная коллегия серии

Ж.Т. Тощенко, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Л.Н. Вдовиченко, зам. гл. ред., д-р социол. н., проф. (РГГУ), В.А. Колотаев, зам. гл. ред., д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.И. Резниченко, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), О.В. Китайцева, отв. секретарь, канд. социол. н., доц. (РГГУ), И.А. Звезгинцева, д-р искусствоведения (ВГИК), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), В.В. Виноградов, д-р искусствоведения (ВГИК), Н.М. Великая, д-р полит. н., проф. (РГГУ), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), В.Д. Губин, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), Е.Н. Ивахненко, д-р филос. н., проф. (РГГУ), О.В. Калугина, д-р искусствоведения, проф. (РГГУ), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), С.А. Коначева, д-р филос. н., доц. (РГГУ), Л.Ю. Лиманская, д-р искусствоведения, проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Т.Г. Малинина, д-р искусствоведения (МГАХИ), А.В. Марков, д-р филол. н., доц. (РГГУ), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сакаки (Ун-т Чуо, Япония), Н.В. Сиповская, д-р искусствоведения (Гос. институт искусствознания), В.И. Фомин, д-р искусствоведения, проф. (ВГИК), Н.А. Цыркун, д-р искусствоведения, (ВГИК), С.Ю. Штейн, канд. искусствоведения, доц. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: А.И. Резниченко, д-р филос. наук, проф. (РГГУ); Е.А. Колосова, канд. социол. наук, доц. (РГГУ); И.О. Шевченко, канд. ист. наук, доц. (РГГУ); А.В. Кученкова, канд. социол. наук, доц. (РГГУ); В.А. Колотаев, д-р филол. наук, проф. (РГГУ); А.В. Марков, д-р филол. наук, доц. (РГГУ); С.Ю. Штейн, канд. искусствоведения, доц. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Социология: теоретические и эмпирические исследования

Р.И. Анимисов, Е.А. Касьянова

Эффективность государственного регулирования нестандартной занятости в Российской Федерации 9

А.В. Кученкова

Прекаризация занятости в сфере спорта: условия и мотивация труда тренеров по воздушно-спортивному эквилибру 23

Е.А. Колосова

Самозанятость в сфере услуг: особенности трудовых отношений 35

В.В. Солодников, Н.В. Солодникова

Изучение потребительской социализации детей: обзор зарубежного опыта 43

И.О. Шевченко

Зачем нужны отцы: размышления детей о важности отцов и их роли в семье 65

Искусствоведение

Е.С. Ершова

Сцены награждения в эпоху Древнего царства: к вопросу о становлении древнеегипетской «системы хвалы» 74

Л.Ю. Лиманская

Пирро Лигорио и развитие европейской археологической мысли XVI века 89

<i>Р.Р. Мусина</i>	
К проблеме современного бытования традиционного искусства	102
<i>О.В. Пискарева</i>	
Формирование типологии зданий железнодорожных вокзалов во второй половине XIX века	112
<i>С.Ю. Штейн</i>	
Системный подход в искусствоведении	122
 Философия	
<hr/>	
<i>Н.В. Пуминова</i>	
«Трактат о душе» Кассиана Саковича: на пересечении философских традиций	135
<i>А.Г. Гачева</i>	
Апокатагастис в русской религиозно-философской мысли последней трети XIX – первой трети XX в. Статья вторая. От начала века к русской эмиграции первой волны	146
<i>Д.Е. Коровин</i>	
Экклезиологический аспект теологического нарратива в ранних работах С. Хауэрваса	160

CONTENTS

Sociology. Theoretical and empirical researches

- Roman I. Anisimov, Ekaterina A. Kasyanova*
The efficiency of state regulation of non-standard employment 9
- Anna V. Kuchenkova*
Employment precarization in sports. Work conditions
and labor motivations of air-sports gymnastics trainers 23
- Elena A. Kolosova*
Self-employment in the service sector. Peculiarities of labor relations 35
- Vladimir V. Solodnikov, Nadezhda V. Solodnikova*
Children's consumer socialization research. Foreign data overview 43
- Irina O. Shevchenko*
Fathers, why are they needed? Children's reflection on the importance
of fathers and their role in the family 65

Art Studies

- Elena S. Ershova*
Rewarding scenes in the Old Kingdom. Towards the development
of the "honour system" in the Ancient Egypt 74
- Lyudmila Yu. Limanskaya*
Pirro Ligorio and the development of the European archaeological
thought in the 16th century 89
- Railya R. Musina*
Towards an issue of contemporary functioning of traditional art 102

Olesya V. Piskareva

Formation of the typology of railway station buildings
in the second half of the 19th century 112

Sergey Yu. Schtein

System approach in art studies 122

Philosophy

Natalia V. Puminova

“Treatise on the Soul” by Kassian Sakowicz.
At the crossroads of philosophical traditions 135

Anastasia G. Gacheva

Apocatastasis in Russian religious and philosophical thought of 1870–1930s.
The second article. From the beginning of 20th century to Russian
emigration of the first wave 146

Dmitry E. Korovin

Ecclesiological aspect of theological narrative
in early works of S. Hauerwas 160

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.334.2

DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-9-22

Эффективность государственного регулирования нестандартной занятости в Российской Федерации

Роман И. Анисимов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ranisimov@list.ru*

Екатерина А. Касьянова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Medvedevakate93@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены основные подходы к изучению нестандартной занятости в мировой и отечественной науке. На основе вышеизложенного делается вывод о долгосрочности этого явления. Проблема нестандартной занятости актуализируется в настоящее время в государственной социальной политике. Органами власти как на федеральном, так и на региональном уровне предпринимаются законотворческие и общественные инициативы, направленные на регулирование нестандартной занятости. В статье, на примере законов и инициатив рассмотрены основные пути государственного регулирования нестандартной занятости. Для работодателей это – создание льготных условий для ведения бизнеса. Для наемных работников – пропаганда и уменьшение социальных обязательств государства перед ними.

В статье на основе статистических и социологических данных проведен анализ эффективности государственных инициатив и сделан вывод об их неэффективности.

Причинами неэффективности государственной политики в области регулирования нестандартной занятости выступают, во-первых, слабость российской фискальной системы, во-вторых, классовый характер российского общества, при котором преимущества нестандартной занятости аккумулируются у класса работодателей, а издержки – у наемных работников, являющихся большинством российского общества.

Ключевые слова: Нестандартная занятость, государственная политика, работодатели, наемные работники, прекариат.

Для цитирования: Анисимов Р.И., Касьянова Е.А. Эффективность государственного регулирования нестандартной занятости в Российской Федерации // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 9–22. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-9-22

The efficiency of state regulation of non-standard employment in the Russian Federation

Roman I. Anisimov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; ransimov@list.ru*

Ekaterina A. Kasyanova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; medvedevakate93@mail.ru*

Abstract. The article deals with the main approaches to the study of non-standard employment in the world and Russian science. Based on the above, a conclusion is made about the continuity of this phenomenon. Moreover, the issue of non-standard employment is being actualized in the state social policy currently. The authorities, both at the Federal and regional levels, are taking legislative and public initiatives aimed at regulating non-standard employment. The article considers main measures taken by the state to regulate non-standard employment, through an example of existing laws and initiatives. For the employers that means a creation of favorable conditions for doing business. For the employees – promotion and reduction of state's social commitments towards them.

The analysis of state initiatives efficiency is made in the article on the basis of statistical and sociological data, and the conclusion is made about their inefficiency.

The reasons for the inefficiency of the state policy regarding regulation of non-standard employment are: first – the weakness of Russian fiscal system, secondly – the class character of Russian society, which accumulates benefits of non-standard employment with the class of employers and its penalties – with that of employees, who form the majority of Russian society

Keywords: non-standard employment, state policy, employers, employees, precariat

For citation: Anisimov RI, Kasyanova EA. The efficiency of state regulation of non-standard employment in the Russian Federation . *RSUH/ RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;2:9-22. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-9-22

Введение

Нестабильность становится неотъемлемой характеристикой современности [1, 2]. Нестабильными становятся сами основания социальной жизни, казавшиеся неизменным, – семья, школа, труд, государство, гражданство, идентичность, и на их месте возникает что-то новое, не укладывающееся в рамки классических социологических теорий. Рост нестабильности в трудовой сфере заставил социологов обратить внимание на нестандартную занятость как фактическую данность трудовых отношений в современном социуме. Возникли новые стратификационные концепции, основным дифференцирующим признаком которых является градация по шкале «стабильность – нестабильность». Здесь прежде всего речь идет о работе Г. Стэндинга «Прекариат – новый опасный класс» [3]. В России над проблемой нестабильной занятости работает группа исследователей Высшей школы экономики под руководством О.И. Шкаратана [4–6], исследователи Всероссийского центра уровня жизни под руководством В.Н. Бобкова [7], профессор З.Т. Голенкова (Институт социологии РАН) [8], чл.-корр. РАН Ж.Т. Тощенко [9]. Исследователи, оценивая количество нестандартно занятых, в зависимости от выбранной методологии, по-разному определяют их численность. Например, В.Н. Бобков полагает, что 85% наемных работников так или иначе имеют признаки неустойчивости [7 с. 25], О.И. Шкаратан 27% работающего населения России относит

к прекариату [4 с. 109], Ж.Т. Тощенко полагает, что в России доля прекаризованных работников составляет 30–40% от численности трудоспособного населения [9 с. 4]. Таким образом, можно утверждать, что нестабильная трудовая занятость актуализирована в социологическом научном сообществе. Существуют различные концепции определения нестабильности, и в соответствии с этим исследователи получают различные количественные оценки прекариата (от лат. *precarium* – нестабильный, негарантированный и «пролетариат») – социального слоя работников с временной или частичной занятостью. В связи с этим определением под прекариатом понимаются все работники с нестандартной занятостью. Под стандартной занятостью понимаются официально трудоустроенные лица, работающие у одного работодателя в его помещении. Трудовые отношения стандартно занятых работников оформлены в виде бессрочных договоров. Таким образом, ключевым параметром определения стандартно занятого работника является наличие бессрочного договора. Все остальные работники могут быть отнесены к прекариату, т. е. к слою, имеющему нестабильные трудовые отношения. Сам прекариат, в свою очередь, разделяется на две большие группы: лиц, работающих по срочным договорам, и лиц, работающих без оформления трудовых отношений (неформально занятые).

Проблема нестандартной занятости признается Российским государством. Нестандартная занятость негативно влияет на собираемость налогов и, соответственно, затрудняет выполнение социальных обязательств государства. Однако в научной литературе, на наш взгляд, государственная политика и ее эффективность в области нестандартной занятости изучена слабо. В данной статье мы рассмотрим основные законопроекты, реализуемые Российским государством в области нестандартной занятости, и дадим оценку их эффективности. Это является основной целью нашей статьи.

Законодательные инициативы в отношении работников, оформленных по срочным договорам

Как было отмечено выше, нестандартно занятые работники делятся на две группы. Первая группа – работники, работающие по срочным договорам, вторая группа – занятые в неформальном секторе.

Относительно первой группы государственная политика строится в интересах работодателя.

Так, в рамках трудового законодательства произведен ряд мер, позволяющих работникам иметь более гибкий график рабочего времени и при этом трудиться официально. К таким мерам можно отнести принятие ТК РФ в 2001 году, в котором по сравнению с ранее действовавшим КЗОТ существует большое разнообразие форм трудовых отношений, а именно:

- возможность оформления срочных контрактов;
- в ч. IV, разд. XII закреплены особенности регулирования труда таких категорий работников, как: работающие по совместительству и заключившие трудовой договор на срок до двух месяцев, работающие вахтовым методом; особенности регулирования труда работников, работающие у работодателей – физических лиц; особенности труда надомников и других, что не было закреплено в КЗОТ;
- режим рабочего времени был дополнен ненормированным рабочим днем и работой в режиме гибкого рабочего времени.

Эти меры ухудшают положение работника на рынке труда и делают его более зависимым от работодателя. Внедрение этих нововведений в трудовое законодательство должно было привести или к существенному увеличению количества работников, работающих по срочным договорам, или к росту забастовок, стачек и других форм протестной активности, направленных против введения срочных договоров. Однако ни того, ни другого не произошло. Так, в 2002 г. по срочным договорам работало 2 млн 234 тыс. чел. [10], в 2015 г. – 2 млн 681 тыс. чел. [11 с. 31]. Т. е. мы видим, что произошло несущественное увеличение численности работников, оформленных по срочным договорам. И такое положение не было достигнуто путем борьбы работников за свои права. Так, в 2000 г., за год до принятия нового ТК, забастовки проходили на 817 предприятиях, в 2001, в год принятия нового ТК, – на 291, а в 2002 г. – только на 80 предприятиях [12]. Эти цифры свидетельствуют о том, что трудовое законодательство мало влияет на реальную деятельность и работодателей, и работников. И для тех, и для других не имеют значения нормы, прописанные в нем, т. к. при увольнении работника в России форма его договора имеет самое последнее значение (работников вынуждают писать заявление на увольнение по собственному желанию или применяют к нему ложные дисциплинарные взыскания и увольняют «по статье»). Поэтому и работодатели не изменяют статус договоров с бессрочных на срочные и работники не протестуют против новой редакции трудового кодекса. Для государства форма договора также не является важной

темой, более важной для него является сбор налогов, особенно в условиях финансового кризиса. В связи с этим особый интерес для государственных органов представляет вторая группа нестандартно занятых, а именно неофициально трудящиеся работники.

Законодательные инициативы в отношении неформально занятых

Интерес государства к этой группе работников прежде всего связан с налогообложением. Государство в условиях нехватки материальных ресурсов пытается увеличить сбор налогов, выводя «из тени» работающее население. В этой сфере политика государства направлена на две группы (работодателей и наемных работников) и, соответственно, имеет две различающиеся стратегии.

Первая стратегия – это создание льготных условий для работодателей, выходящих «из тени». Вторая стратегия, направленная на наемных работников, заключается прежде всего в пропаганде «белой зарплаты» и уменьшении социальных обязательств государства перед работниками, работающими в неформальном секторе экономики.

Для вывода работодателей из неформальной сферы государством было создан ряд законодательных актов. Прежде всего это:

- поправки к ст. 2 ФЗ «О занятости населения», которые конкретизируют правовой статус самостоятельно работающих лиц. Прежде на законодательном уровне не давалось определения данной категории граждан, не был регламентирован особый тип деятельности. Иными словами, самостоятельно работающие граждане теперь не расплывчатое понятие, в которое каждый вкладывает свой смысл, а имеют четкое законодательное определение;
- поправки к ГК РФ от 14.07.2017 г., к так называемому «Закону о самозанятых гражданах России» регламентируют условия, порядок налогообложения и юридический статус самозанятых граждан. Лицам, самостоятельно ведущим трудовую деятельность и объявившим о своем решении выйти «из тени», предоставлена в текущем году налоговая амнистия. Предполагается, что человек, обратившийся в надзорный орган по учету неформально занятых и сообщивший о том, что получает доход, освобождается от его налогообложения;

- если самостоятельно работающий гражданин встал на учет, то он освобождается от взносов во внебюджетные фонды (п. 3 ст. 422 НК РФ). Льготы распространяются на лиц, добровольно вставших на учет и не привлекающих в своей деятельности наемный труд. Государственный внебюджетный фонд – фонд денежных средств, образуемый вне федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации и предназначенный для реализации конституционных прав граждан на пенсионное обеспечение, социальное страхование, охрану здоровья и медицинскую помощь;
- была разработана патентная система налогообложения самозанятых. Для них были созданы условия, по которым самостоятельно работающим гражданам не требуется регистрация в качестве ИП. Достаточно уплатить единовременный налог и можно легально заниматься своей деятельностью. Фиксированный платеж зависит от вида деятельности, аванс осуществляется в начале налогового периода. Согласно внесенным дополнениям к гл. 26.5 НК РФ, установлен порядок расчета стоимости патента и правила страховых отчислений самозанятых лиц. Гражданам придется авансом погашать взносы на пенсионное и медицинское страхование. Общая сумма в размере 5% от МРОТ на дату расчета является пониженной ставкой для лиц, занимающихся самостоятельной трудовой деятельностью.

Являются ли действенными данные законодательные акты? Прежде всего рассмотрим закон о самозанятых. На официальном сайте ФНС России публикация с информированием россиян о начале учета граждан в качестве самозанятых появилась 11.05.2017 г. [13]. К сожалению, нам не удалось найти официальной информации о количестве обратившихся самозанятых на сегодняшний день, однако, по оценкам экспертов, эта цифра не превысила 40 человек по всей стране [14].

После вступления в силу закона о необходимости оформления патентов для самозанятых за их оформлением обратилось порядка ста человек, даже несмотря на то, что подавшие заявку на оформление патентов в течение 2017 г. были освобождены и от уплаты налога, и от взносов в различные фонды.

Рассмотрев основные законопроекты, выводящие «из тени» работодателей, проанализируем государственные инициативы, направленные на неофициально трудоустроенных работников.

Здесь стоит отметить масштабную пенсионную реформу, проводимую государством с 2001 и получившую свои последние поправки в 2015 г. Суть реформы заключается в том, что теперь будущая пенсия работника напрямую зависит от его официального дохода, декларируемого работодателем. По мнению чиновников, такой подход к расчету будущей пенсии трудоспособного населения должен побудить в неформально занятых желание быть официально трудоустроенным.

Также на рассмотрении правительства находится законопроект, предлагающий увеличить размер минимального пособия по безработице почти вдвое. Увеличение возможно за счет более адресного его назначения и за счет ограничения круга его получателей. Требуется осуществлять более жесткий контроль над получателями пособия и исключать из их числа тех, кто на самом деле трудится «в тени».

Помимо этого, на федеральных каналах развернулась широко-масштабная рекламная кампания, призывающая работников трудиться только в организациях с «белой» зарплатой.

Отдельно хочется отметить, что борьба с неформальной занятостью ведется не только на государственном уровне, но и на региональном:

- Ульяновская область, 2014 г. Постановление о денежном вознаграждении граждан, «оказавших содействие в раскрытии фактов налоговых правонарушений и нарушений законодательства о труде». Заявителю положено пять тысяч рублей, если информация подтвердится.
- Брянская область, 2015 г. В налоговых органах и в администрациях муниципальных образований размещены «ящики доверия». Каждый может анонимно указать работодателя, использующего труд работников без оформления. Информация передается в госинспекцию труда для проведения проверок.
- Брянская область, июль 2017 г. Стартовала акция «Достойный труд – достойная жизнь». Ее цель – привлечь общественное внимание к проблеме «серых» зарплат и объяснить, чем чревата такая работа. Многие отказываются от оформления трудовых отношений, не подозревая, что лишают себя соцгарантий, таких как оплаченные «больничные» и отпуска и произведенный расчет при увольнении, фактически соглашаются на полное отсутствие соцгарантий, связанных с рождением ребенка, возможный отказ в получении банковского кредита или визы, подвергают себя угрозе привлечения к ответственности за незадекларированные доходы.

- Брянская область, июль 2017 г. Здесь прошла профсоюзная акция «Скажи “НЕТ” зарплате в конвертах». Горожане ответили на вопросы анкеты и получили бюллетени, в которых описаны негативные последствия получения зарплаты в «конвертах».
- Орловская область, 2016 г. В фойе мэрии Орла установили экспериментальный ящик для анонимного сбора информации о недобросовестных работодателях. Организованы «горячие линии». Результат: в 2016 г. в регионе выявили свыше 21 тысячи неформально занятых граждан, из них более 11,7 тысячи заключили трудовые контракты.

Привели ли эти инициативы к изменению ситуации? Нет, не привели, неформальный сектор экономики России продолжает увеличиваться. Так, в 2012 г. в неформальном секторе было занято 12 млн 601 тыс., в 2015 уже 14 млн 827 тыс. чел. [11 с. 91]. Т. е. работодатели, несмотря на все государственные инициативы, все равно продолжают увеличиваться.

Не оказала существенного влияния на неформально занятых работников и пропаганда «выхода из тени». В 2017 г. была проведена серия глубинных интервью с неформально трудоустроенными работниками малого предприятия, занимающегося производством и продажей питьевой воды (было опрошено 10 чел.). Цель проводимых интервью состояла в выявлении социального настроения неформально трудоустроенных работников. Форма трудоустройства, стиль работы и взаимоотношение с государственными органами в данной организации являются типичными для малых предприятий России, поэтому мы полагаем, что данные, полученные от опрошенных респондентов, с большой степенью вероятности распространяются на всех работников, занятых в малых предприятиях.

Анализ интервью позволил сделать вывод о том, что работников не беспокоит отсутствие официального трудоустройства.

Интервьюер: Как вы относитесь к отсутствию официальной занятости? Вас это беспокоит?

Респондент: Да какая разница, оформлен, не оформлен, платят – и хорошо.

Интервьюер: Если по каким-то причинам ваша работа вас не устраивает, то хотели бы вы уйти на другое место? Если да, то куда? Сменить организацию или сферу деятельности, профессию? Планируете ли вы найти официальную работу?

Респондент: Нет, менять не планирую, здесь хорошо платят, и коллектив, вряд ли я найду что-то лучше [15 с. 1].

Респонденты не испытывают чувства ответственности перед обществом и государством, и таким образом, неуплата налогов не является в России в представлении респондентов девиацией, за которую стыдно.

Интервьюер: Неофициальная занятость подразумевает, что государство недополучает налоги, как вы к этому относитесь?

Респондент: Да плевать я хотел на государство это, оно на меня плюет, и я на него [16 с. 2].

Интервьюер: Неофициальная занятость подразумевает, что государство недополучает налоги, как вы к этому относитесь?

Респондент: Никак не отношусь. Не обеднеют [17 с. 3].

Интервьюер: Неофициальная занятость подразумевает, что государство недополучает налоги, как вы к этому относитесь?

Респондент: (Смеется.) Хорошо я к этому отношусь. У меня на пенсию же тоже ничего не капает, так что все при своих. Думаю, так [18 с. 4].

Относительно собственного финансового положения в старости, которое в настоящее время напрямую зависит от отчислений в пенсионный фонд, опрошенные респонденты также не высказывают опасений.

Интервьюер: Испытываете ли вы страх за свое финансовое состояние в старости?

Респондент: Нет, сейчас копеечку заработаю, а как не смогу уже работать, поеду домой, там все свое и деньги-то не нужны почти, сыт и так будешь [19 с. 5].

Интервьюер: Испытываете ли вы страх за свое финансовое состояние в старости?

Респондент: Нет, не испытываю [20 с. 6].

Интервьюер: Испытываете ли вы страх за свое финансовое состояние в старости?

Респондент: Нет, в любом случае что-нибудь придумаем [21 с. 7].

Таким образом, в области регулирования неформальной занятости меры, принимаемые государством, малоэффективны. Статистика отражает рост неформальной занятости в России. Социологическое исследование показало, что неформально трудоустроенные работники не испытывают тревог и опасений из-за своего статуса и воспринимают свое положение как нормальное.

Заключение

В основной части статьи был сделан вывод о малоэффективности государственной политики в области регулирования нестандартной занятости. Разберем основные причины этой неэффективности.

На наш взгляд, прежде всего это связано со слабостью российских фискальных органов, которые мало контролируют частные предприятия российской экономики. Российские налоговые органы в основном контролируют только организации бюджетной сферы или предприятия, находящиеся в государственной собственности, т. е. те хозяйствующие субъекты, которые так или иначе получают государственное финансирование. Все остальное легко уходит «в тень». Неотвратимость наказания за неуплату налогов в России отсутствует, а издержки, затрачиваемые предприятиями на работу «в тени» меньше, чем на работу «по-белому», поэтому и увеличивается неформальный сектор российской экономики.

Эти факторы, на наш взгляд, являются лишь следствием более глубокой причины, которая заключена в классовой сути российского общества. В классовой системе государство является выразителем и защитником интересов господствующего класса, а именно владельцев частной собственности, давая им возможность путем бездействия и слабости контроля за деятельностью частных предприятий быть выгодоприобретателями от нестандартной занятости. Издержки от такой деятельности перекладываются на все общество в целом (т. е. на наемных работников, представляющих большинство российского общества). Им уменьшают социальное обеспечение, для них растет неопределенность, конкретизируемая в срочных договорах, официальной пропагандой на них же кладется ответственность за работу «за зарплату в конвертах», т. к. они на нее согласились, т. е. в конечном итоге наемные работники «сами виноваты», что согласились на эти условия.

Таким образом, нестандартная занятость при современной социально-экономической системе будет сохраняться и увеличиваться. Для ее уменьшения необходимо прежде всего переориентировать вектор государственной политики с обслуживания частных предпринимателей на защиту интересов большинства граждан Российской Федерации – наемных работников.

Статья выполнена при поддержке гранта отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ № 16-33-01008.

The article was supported by the grant of the Department of Humanities and Social Sciences of RFBR, no. 16-33-01008.

Литература

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.
2. *Beck U.* Risikogesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
3. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Маргинем Пресс, 2014.
4. *Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н.* Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.
5. *Гасюкова Е.Н.* Особенности прекаризации российского рынка труда // Вестник РГТЭУ. 2014. № 12 (91). С. 42–54.
6. *Гасюкова Е.Н.* Прекаризация: концептуальные основания, факторы и оценки. Мир и Россия // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 6 (44). С. 28–46.
7. *Бобков В.Н., Вередюк О.В., Колосова Р.П., Разумова Т.О.* Занятость и социальная прекаризация в России: введение в анализ: монография. М.: ТЕИС, 2014.
8. *Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В.* Прекариат как новое явление в современной структуре / Наемный работник в современной России / отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.
9. *Тощенко Ж.Т.* Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.
10. Распределение численности работающих по найму на основной работе по видам трудового договора 2006 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B06_61/IssWWW.exe/Stg/02-15.htm (дата обращения 20 мая 2018).
11. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). Стат. сб. М.: Росстат, 2016. 146 с.
12. Забастовки. Россия в цифрах 2004 // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B04_11/IssWWW.exe/Stg/d010/i010560r.htm (дата обращения 20.05.18).
13. ФНС России начала постановку на учет самозанятых граждан // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/6761597/ (дата обращения: 27.02.2018).
14. Самозанятые граждане – выйти из тени // Сайт телеканала ОТР. URL: <https://otr-online.ru/programmi/prav-da/-69307.html> (дата обращения: 27.02.2018).
15. Архив автора. Интервью № 1.
16. Архив автора. Интервью № 2.
17. Архив автора. Интервью № 3.
18. Архив автора. Интервью № 4.
19. Архив автора. Интервью № 5.
20. Архив автора. Интервью № 6.
21. Архив автора. Интервью № 7.

References

1. Bauman Z. Individualized society. Inozemtseva VL., ed., transl. from Engl. Moscow: Logos Publ.; 2002. (In Russ.)
2. Beck U. Risikogesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
3. Standing G. The precariat: the new dangerous class. Moscow: Marginem Press Publ.; 2014. (In Russ.)
4. Shkaratan OI., Karacharovskii VV., Gasyukova EN. The precariat: theory and empirical analysis (based on materials of surveys in Russia, 1994–2013). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015;12:99-110. (In Russ.)
5. Gasyukova EN. Features of precarization of the Russian labor market. *Vestnik Plekhanov Russian University of Economics*. 2014;12(91):42-54. (In Russ.)
6. Gasyukova EN. Precarious work. Conceptual foundations, factors and evaluation. *Mir i Rossiya. Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. 2015;6(44):280-46. (In Russ.)
7. Bobkov VN., Veredyuk OV., Kolosova RP., Razumova TO. Employment and social precariousness in Russia. Introduction into analysis. Monograph. Moscow: TEIS, 2014. (In Russ.)
8. Golenkova ZT., Goliusova YuV. Precariat as a new phenomenon in modern structure. V: Golenkova ZT., ed. *An employee in modern Russia*. Moscow: Novyi khronograf Publ.; 2015. 368 p. (In Russ.)
9. Toshchenko ZhT. Precariat-a new social class. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011;6:3-13. (In Russ.)
10. Distribution of employed in the main job by type of employment contract 2006. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. [Internet]. [data obrashcheniya 20 may 2018]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B06_61/IssWWW.exe/Stg/02-15.htm. (In Russ.)
11. Labor force, employment and unemployment in Russia (based on the results of sample labor force surveys). Stat. Abstr. Moscow: Rosstat Publ.; 2016. 146 p. (In Russ.)
12. Strikes. Russia in the Figures 2004. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. [Internet]. [data obrashcheniya 20 may 2018]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B06_61/IssWWW.exe/Stg/02-15.htm. (In Russ.)
13. The Federal Tax Service of Russia began with a registration on the self-employed citizens. Federal'naya nalogovaya sluzhba. [Internet]. [data obrashcheniya 27 feb. 2018]. URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/6761597/ (In Russ.)
14. Self-Employed citizens-out of the shadows. OTR TV channel website [Internet]. [data obrashcheniya 27 feb. 2018]. URL: <https://otr-online.ru/programmi/pravda/-69307.html>. (In Russ.)
15. The archive of the author. Interview № 1.
16. The archive of the author. Interview № 2.
17. The archive of the author. Interview № 3.
18. The archive of the author. Interview № 4.
19. The archive of the author. Interview № 5.
20. The archive of the author. Interview № 6.
21. The archive of the author. Interview № 7.

Информация об авторах

Роман И. Анисимов, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; ranisimov@list.ru

Екатерина А. Касьянова, магистрант 1 года обучения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; medvedevakate93@mail.ru

Information about the authors

Roman I. Anisimov, PhD in Sociology, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; ranisimov@list.ru

Ekaterina A. Kasyanova, 1st year master student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; medvedevakate93@mail.ru

Прекаризация занятости в сфере спорта: условия и мотивации труда тренеров по воздушно-спортивному эквилибру

Анна В. Кученкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, a.kuchenkova@rggu.ru*

Аннотация. Исследование посвящено изучению характера условий трудовой деятельности тренеров по воздушно-спортивному эквилибру (ВСЭ) как типичных неустойчиво занятых работников в частном секторе сферы спорта. Эмпирической базой исследования выступают результаты интервью с тренерами по ВСЭ.

Выделены особенности прекаризации занятости тренеров по ВСЭ (полизанятость, неформальные трудовые отношения, отсутствие социальных гарантий, неполная занятость). Раскрыта специфика субъективного восприятия условий трудовой деятельности.

Установлены факторы, обуславливающие отношение к нестандартной, неформальной занятости: является ли тренерская работа основным видом занятости или дополнительной подработкой (формой вторичной занятости); наличие опыта столкновения с несоблюдением трудовых прав, непредоставлением социальных гарантий при официальном трудоустройстве.

Определены преимущества и недостатки трудовой деятельности тренеров, работающих в условиях прекаризации занятости. Выявлены типичные представления о будущем трудовом пути и возможностях профессионального развития.

Ключевые слова: прекаризация занятости, условия труда, тренер, спорт

Для цитирования: Кученкова А.В. Прекаризация занятости в сфере спорта: условия и мотивы труда тренеров по воздушно-спортивному эквилибру // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 23–34. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-23-34

Employment precarization in sports. Work conditions and labor motivations of air-sports gymnastics trainers

Anna V. Kuchenkova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, a.kuchenkova@rggu.ru*

Abstract. The article examines the peculiarities of working conditions of air sports gymnastics (ASG) trainers as typical unsustainably employed workers in the private sector of the sports sphere. Results of interviews with the air sports gymnastics trainers form an empirical basis of the study.

The peculiarities of precarious employment of (ASG) trainers (poly-employment, informal labor relations, lack of social guarantees, temporary, part-time employment) are identified and the specifics of working conditions subjective perception are revealed.

It establishes factors determining an attitude to informal employment: whether the work of the trainer is the main employment or additional work-off (a form of secondary employment); it also states cases of non-observance of labor rights, not granting of social guarantees at official employment.

The advantages and disadvantages of the work in precarious conditions are determined. Typical notions of the future labor path and opportunities for professional development are revealed.

Keywords: precarization of employment, labour conditions, trainer sport

For citation: Kuchenkova AV. Employment precarization in sports. Work conditions and labor motivations of air-sports gymnastics trainers. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;2:23-34. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-23-34

Введение

На протяжении последних десятилетий активно разворачивается научная дискуссия о флексибилизации, прекаризации и неустойчивости занятости как ключевых особенностях развития современного рынка труда [1–3], содержащих для работника не только выгоды (гибкий график, возможность выполнять работу из дома, отсутствие дресс-кода и др.), но и существенные риски (отсутствие социальных

и правовых гарантий, нестабильный заработок и пр.). Исследования процессов прекаризации на российском рынке труда в большей степени опираются на данные массовых опросов, ставя задачи оценить масштабы этих изменений [4]. Однако распространение нестандартных форм занятости – процесс, трансформирующий представления о карьере и профессиональном развитии. В этой связи требуются исследования отдельных категорий работников, занятых в условиях прекаризации, с целью изучения их установок и представлений о своем трудовом пути.

В настоящее время нестандартная, неустойчивая занятость встречается в различных отраслях и сферах деятельности, в том числе в спорте. В частности, это касается тренеров, работающих в частном секторе. Типичными нестандартно и неустойчиво занятыми являются тренеры по воздушно-спортивному эквилибру (ВСЭ). К этому направлению относят выполнение акробатических, гимнастических, хореографических программ и номеров на различных снарядах: воздушных (кольцо, полотно, канат, ремни), вольностоящих (куб, мачта) и стационарных (мачты, пилона, маллакхамб). Положение данного спорта в России еще достаточно неустойчивое, ВСЭ пока не признан официальным в России. Существующие несколько федераций конкурируют между собой, отсутствуют единые правила проведения соревнований и система оценок.

Если спортсмен или тренер работает по трудовому договору, то он защищен ТК РФ. Если же он работает на условиях нестандартной, неформальной занятости, то он может подвергаться тем же рискам, что и работники, занятые на схожих условиях в других сферах. В этой связи актуализируется потребность в изучении особенностей положения тренеров, работающих в частном секторе на условиях неформальной занятости, их представлений о возможностях профессионального развития в условиях прекаризации трудовой деятельности (нестабильности, негарантированности). В задачи данного исследования входит выявление особенностей занятости, мотивов и условий труда тренеров (на примере направления ВСЭ), а также изучение специфики восприятия ими своего трудового пути.

Эмпирическая база и методы

Исследование носит разведывательный характер и опирается на данные серии глубинных интервью с тренерами по ВСЭ (как типичных работников сферы спорта, трудящихся в условиях прекаризации). Сбор данных осуществлен В.И. Суменковой [5].

В марте–апреле 2017 г. были опрошены 10 человек, работающих тренерами в сфере воздушно-спортивного эквилибра. Опыт работы информантов в качестве тренера по ВСЭ варьируется от 11 мес. до 8 лет. Все опрошенные – девушки в возрасте 24–30 лет (что типично для рассматриваемого вида деятельности). Двое не замужем, восемь проживают с партнером (в зарегистрированном или гражданском браке), у двоих из них есть дети. У всех информантов уровень образования выше среднего (оконченное или неоконченное высшее, у одного – среднее специальное), но специальности не связаны со сферой спорта, фитнеса, хореографии или циркового искусства.

Гайд интервью содержал три основных блока вопросов о трудовой деятельности в прошлом, настоящем и будущем, в т. ч. о предыдущем опыте работы, мотивах выбора ВСЭ в качестве сферы занятости, об условиях труда и удовлетворенности работой, о возможностях профессионального развития, планах относительно трудовой деятельности. Гайд, транскрипт одного из интервью, а также описание некоторых результатов представлены в выпускной квалификационной работе [5]. В данной статье мы сосредоточимся на особенностях условий занятости, мотивах трудовой деятельности тренеров по ВСЭ, их представлениях о возможностях по выстраиванию собственного профессионального и трудового пути.

Работа тренером по ВСЭ как вид занятости

Условия работы тренеров по ВСЭ отличаются от общепринятого представления о «стандартной занятости», подразумевающей работу по найму на неопределенный срок (по бессрочному договору) на полный рабочий день. Отклонения от описанного стандарта позволяют относить рассматриваемую группу работников к категории **не-стандартно занятых**. Рассмотрим подробнее их условия труда.

Во-первых, тренеры по ВСЭ работают в условиях **полизанятости**, имея одновременно два-три вида или места работы. Тренерская деятельность может выступать в качестве вторичной, дополнительной для тех, кто работает в других сферах, не относящихся к спорту, или занят предпринимательством (открыл свою школу или студию по ВСЭ). Совмещение основной занятости с работой тренером позволяет реализовывать профессиональные интересы и заниматься любимым делом: «*это не моя работа, это мое хобби, которое приносит определенный, небольшой доход*» (И1, 26 лет, стаж работы тренером 7 мес.), «*приятные бонусы, почему бы и нет*»

(И7, 25 лет, стаж 4 мес.). Если тренерская работа – основная, то, как правило, приходится работать в нескольких школах одновременно (от двух до пяти) или иметь дополнительную занятость в других сферах (репетиторство, выступления на мероприятиях в качестве артиста и др.). В этом случае работа в нескольких местах является скорее вынужденным шагом для обеспечения необходимого уровня доходов. Поэтому сама по себе работа тренером по ВСЭ в одной организации не позволяет получить достаточный объем работы и заработка.

Во-вторых, тренеры по ВСЭ зачастую работают по устной договоренности, без заключения трудового соглашения, контракта, тем самым их можно отнести к категории **неформально занятых**. Интервьюируемые тренеры подтверждали распространенность такой практики трудоустройства в их сфере деятельности. Вместе с тем они отмечали, что возможно и официальное оформление, но преимущественно в крупных школах/студиях.

Отношение тренеров по ВСЭ к работе по устной договоренности неоднозначное: *«если рассматривать эту работу [тренером] как основную, то да, это большой минус, а если как хобби, то меня это не огорчает»* (И1, 26 лет, стаж 7 мес.). Те, для кого работа тренером – дополнительная подработка, вторичная занятость, отмечают важность наличия основной официальной работы: *«официальная занятость всегда должна быть, она дает стабильность, социальные гарантии... это очень важно... без официальной занятости будет шаткое положение»* (И2, 26 лет, стаж 10 мес.); *«капает стаж, капает пенсия, я могу спокойно брать справки для визы... документально подтвердить следующему работодателю свой прошлый опыт»* (И6, 26 лет, стаж 1,5 года).

В случае если работа тренером по ВСЭ является основным видом занятости, отсутствие официально оформленных трудовых отношений воспринимается по-разному: либо устраивает и не беспокоит (*«пока мне все равно, потому что пенсия еще не скоро... я работаю именно на опыт. Я пытаюсь определиться со сферой своей деятельности, пытаюсь развиваться, но со временем я буду думать об официальном трудоустройстве»*) (И6, 26 лет, стаж 1,5 года), либо вызывает негативные переживания (*«грусть не столько потому, что у меня нет документа, а скорее от того, что в нашей стране все так устроено, что ты не можешь работать официально, поэтому я смирилась»*) (И3, 25 лет, стаж 4 года).

Согласие работать по устной договоренности, отсутствие ожиданий и беспокойства по этому поводу часто обусловлены низким качеством «официальных» рабочих мест, на которых приходилось

трудиться ранее. Типичным примером рассуждений является: *«была трудоустроена официально... При этом я не получала никаких прав, которые мне предоставляет моя трудовая книжка. То есть мои отпуска, больничные не были оплачены... решила перейти с официального трудоустройства на неофициальное. Чтобы хотя бы сохранить свой налог»* (И3, 26 лет, стаж 4 года), *«было официальное трудоустройство. У нас там не было официальных отпусков, зарплата неофициальная, но трудоустройство официальное. Отчисления есть, но они идут по минималке, по МРОТу»* (И4, 28 лет, стаж 1 год). Если при официальном трудоустройстве человек не мог пользоваться положенными правами и социальными гарантиями, то существенно сокращается количество преимуществ работы по трудовому договору, осязаемая выгода пропадает: *«из того, что мне обычно предлагают, что официально, что неофициально, одно и то же»* (И6, 26 лет, стаж 1,5 года). В этом случае границы между официальной и неофициальной занятостью размываются, а переход от одного к другому не является болезненным.

Вместе с тем информанты подчеркивали, что если бы при официальном трудоустройстве все права соблюдались и были бы социальные гарантии, то они предпочли бы такую стабильную занятость: *«если бы у меня был хороший соцпакет, я бы сказала да, конечно... Вот сейчас мне все равно. Я пока еще не была на такой работе, на которой очень круто официально работать»* (И7, 25 лет, стаж 4 мес.).

В целом оптимистичный взгляд на условия собственной занятости, демонстрируемый тренерами, может быть обусловлен молодым возрастом, пребыванием в начале трудового пути, отсутствием необходимости содержать и обеспечивать семью, пока относительно небольшим трудовым опытом, отсутствием столкновений с трудными жизненными ситуациями.

Условия трудовой деятельности тренеров по ВСЭ

Заработок тренеров в школах/студиях не включает базовой фиксированной части и зависит от объема работ (количества отработанных часов). Если работа тренером является основным видом занятости, то информанты отмечают невысокие совокупные доходы, даже при работе одновременно в четырех–пяти школах. В этом случае количество отработанных часов может достигать 23–26 в неделю (что ниже 30–35 и соответствует **неполной занятости**). Если тренерская деятельность – дополнительная, вторичная занятость,

то занимает она существенно меньше времени (до 4–6 часов в неделю – преимущественно в вечернее время или выходные), являясь дополнительным источником дохода, размеры которого воспринимаются как справедливые относительно потраченного времени.

В целом информанты не выражают высокого уровня удовлетворенности размерами своих доходов, отмечают их нестабильность, отсутствие существенных накоплений: *«если бы я на свои только деньги жила, я нисколько бы не смогла продержаться»* (И6, 26 лет, стаж 10 мес.), *«стабильности пока не ощущается, но мы не отчаиваемся»* (И1, 26 лет, стаж 7 мес.). Одновременно они не испытывают беспокойства, что потеряют работу тренером, уверены, что без труда смогут устроиться в другие школы/студии.

В качестве **преимуществ** и положительных аспектов своей работы тренеры по ВСЭ выделяют: возможность заниматься любимым, интересным делом (*«главное, что в удовольствие, отвлекает меня от будней»* – И1, 26 лет, стаж 7 мес.; *«нашла дело, которое мне нравится»*, – И5, 24 года, стаж 3 года); возможность видеть результаты своего труда (*«нравится сам процесс обучения, смотреть на успехи моих учеников»* – И1, 26 лет, стаж 7 мес.), наблюдать за ростом своих учеников, их победами, развитием (*«приятно, когда они участвуют в соревнованиях, завоевывают победы, места»* – И4, 28 лет, стаж 1 год); возможность для саморазвития (*«я сама над собой работаю... достаточно интересно и полезно для моего развития»* – И1, 26 лет, стаж 7 мес.); благоприятный психологический климат в коллективе, доброжелательные отношения с коллегами и руководством, теплая, дружеская атмосфера, доверие; активный характер работы (*«работа не сидячая»* – И5, 24 года, стаж 3 года), возможность поддерживать себя в хорошей физической форме; свободный стиль одежды и манера общения.

Сочетание перечисленных характеристик позволяет испытывать удовлетворенность работой: *«для меня тяжело сидение в офисе с утра до вечера, отсутствие творчества, интерактивности... вот сейчас я получаю те же деньги, но, можно сказать, с удовольствием»* (И6, 26 лет, 10 мес.). Тем самым ключевыми **мотивами** трудовой деятельности в качестве тренера по ВСЭ являются интерес к этой работе, желание зарабатывать, занимаясь любимым делом, возможность профессионального развития и самосовершенствования.

Среди **недостатков** трудовой деятельности и условий труда тренеры по ВСЭ отмечают: недостаточный объем работы, небольшую загруженность (*«хотелось бы больше учеников, часов»* – И1, 26 лет, 7 мес.); отсутствие единых профессиональных стандартов и единой федерации (*«куча раздробленных, феодальная Русь у нас*

просто!» – И3, 25 лет, 4 года); негативное отношение в обществе к этому виду спорта; риски и вред для здоровья, физическая усталость; отсутствие медицинской страховки и финансовой защищенности в трудной жизненной ситуации («когда я была 4 месяца в послеоперационном периоде и не могла позволить себе работу, я не получала никакой материальной компенсации» – И3, 25 лет, 4 года); необходимость подстраиваться под клиентов, если они не нравятся («некоторые очень сильно раздражают на занятии» – И5, 24 года, 3 года); плохие условия занятий, оснащение инвентарем («сделать сложный трюк страшно, потому что нет никакой страховки» – И5, 24 года, 3 года), отсутствие в студиях организованных по возрасту и уровню групп; нестабильная оплата труда.

Работа тренером по ВСЭ обычно «вырастает» из хобби. Результаты интервью свидетельствуют, что у тренеров, как правило, есть высшее или среднее образование по специальностям, не связанным со спортом. Однако занятие ВСЭ как любителя могут перерасти в профессиональную деятельность: «работу тренером я нашла, когда начала тренироваться» (И2, 26 лет, 10 мес.), «стала понимать, что моя работа мне не нравится» (И5, 24 года, 3 года).

В перспективе такая занятость может остаться хобби, дополнительной подработкой: «хотела бы вернуться на основную работу, а зал оставить чисто как хобби» (И1, 26 лет, 7 мес.), «это работа не до конца жизни... т. е. это тоже такой шаткий фактор, что касается работы тренером» (И2, 26 лет, 10 мес.). В этом случае работа тренером рассматривается преимущественно как временная занятость, на которую пока есть время и желание.

Если же тренеры готовы посвятить свою жизнь воздушно-спортивному эквилибру, то будущий трудовой путь в этой сфере ассоциируется у них в первую очередь с профессиональным ростом, развитием, большими заработками, известностью: «я бы не применила к тому именно понятие карьеры, это развитие» (И4, 28 лет, 1 год).

В качестве перспектив трудовой деятельности тренеры видят несколько вариантов. Первый – стать востребованным тренером: «когда люди о тебе слышат положительные отзывы и потом к тебе конкретно идут на занятия, соответственно, ты растешь в своей карьере» (И2, 26 лет, 10 мес.), «высшая ступень карьеры это когда ты становишься сверхпопулярным тренером, ты берешь много денег за уроки» (И6, 26 лет, 10 мес.). Второй вариант – участвуя в соревнованиях, одерживая победы, воспитывая учеников, стать известным, популярным спортсменом, артистом, исполнителем:

«можно приобрести звездное имя и ездить с мастер-классами по разным студиям...» (И2, 26 лет, 10 мес.) или постановщиком, хореографом. Третий вариант – открыть собственную студию / школу, создать бренд одежды и т. п.

Тренеры по ВСЭ в условиях прекаризации занятости

Одна из распространенных классификаций работников, используемая при изучении рынка труда и занятости, подразумевает выделение как минимум трех групп: формальные наемные (работающие на предприятии, в организации по трудовому договору, соглашению), неформальные наемные (работающие на предприятии, в организации, но без официального оформления трудовых отношений) и самозанятые (работающие не на предприятии или в организации). В соответствии с этой классификацией тренеры по ВСЭ преимущественно представляют группу неформальных наемных работников, поскольку трудятся в школах/студиях, но по устной договоренности. Вместе с тем их положение и условия труда схожи с положением самозанятых. Однако специфика рода деятельности тренеров по ВСЭ требует наличия специализированного оборудования, помещения и не позволяет реализовывать тренерские услуги вне школ/студий, без «посредника» в лице организации.

Исследования показывают [1, 6], что именно неформальные наемные работники находятся в наименее выгодном положении по сравнению с формальными наемными или самозанятыми. С одной стороны, неформальные наемные, как и самозанятые, сталкиваются с большими угрозами и рисками стабильности, гарантированности своей занятости, чем формальные наемные; с другой, заработки неформальных наемных в среднем ниже, чем у других категорий работников [7]. В этой связи согласие на работу в статусе неформально занятого может носить вынужденный характер, либо предоставлять для работника весомые преимущества. В случае с тренерами по ВСЭ увлечение этим спортивным направлением, хобби перерастает в работу, способ получения заработков. Это сближает их с таким типом самозанятых как «хобби-фрилансеры», для которых характерно «стремление к творческой самореализации, а главной ценностью является удовлетворение не только от результата, но и от процесса работы» [8 с. 60].

Пребывая в статусе неформальных наемных, тренеры по ВСЭ имеют сходства с самозанятыми профессионалами (фрилансерами), не только по мотивам выбора в пользу нестандартной занято-

сти, но и по стратегиям профессионального развития. Описанные выше представления тренеров по ВСЭ о возможных траекториях своего профессионального развития соотносятся с вариантами развития трудового пути, реализуемого самозанятыми (фрилансерами) в других сферах деятельности. Так, в качестве типичных стратегий профессионального развития фрилансеров выделяют [9]: стратегию «свободного агента» (самозанятость – основной вид деятельности, источник доходов), адаптации (совмещение работы в качестве фрилансера с основной занятостью или уходом за ребенком), путь к предпринимательской деятельности. Все три стратегии представлены и среди тренеров по ВСЭ. Вместе с тем данные интервью свидетельствуют, что выбор в пользу стратегии «свободного агента» или предпринимателя связан с большей готовностью связать себя с областью ВСЭ, а также готовностью работать в условиях нестандартной, нестабильной занятости. В свою очередь, стратегия адаптации ближе тем, кто склонен ценить «стандартные» условия труда, гарантированную занятость и не намерен от неё отказываться.

Заключение

Особенности условий занятости тренеров по ВСЭ (по устной договоренности, без трудового договора, контракта; наличие возможности регулировать график и объем работы и др.) позволяют относить их к категориям неформально и нестандартно занятых. Отсутствие правовых гарантий в сфере труда, постоянной, регулярной загруженности работой, не позволяющей иметь гарантированный стабильный заработок, свидетельствуют о неустойчивости занятости тренеров по ВСЭ.

Работа в качестве тренеров по ВСЭ в условиях прекаризации занятости обуславливает представления о возможных траекториях профессионального развития. При отсутствии единого, стандартизированного варианта карьеры тренера по ВСЭ выстраивание трудового пути происходит путем ориентации на одну из трех целей: высокое профессиональное спортивное мастерство (позволяющее работать артистом, постановщиком), открытие собственного бизнеса (школы/студии), сохранение занятости тренером в качестве вторичной, хобби. Вместе с тем горизонты планирования профессиональной траектории тренеров крайне узкие, в условиях неопределенности и неустойчивости в сфере труда профессиональная траектория становится скорее результатом ситуативных решений, нежели реализации долгосрочных стратегий.

Статья выполнена в рамках гранта «Прекариат – новый социальный класс российского общества» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 16-33-01008 а2.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Precariat – a new social class of Russian society”, no. 16-33-01008 а2.

Литература

1. *Анисимов Р.И.* Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 45–53.
2. *Бобков В.Н., Квачев В.Г., Локтюхина Н.В.* Неустойчивая занятость: экономико-социологический генезис понятия // Вестник ВГУ. Серия «Экономика и управление». 2016. № 4. С. 81–86.
3. *Шевчук А.В.* О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 44–54.
4. *Гасюкова Е.Н.* Прекаризация: концептуальные основания, факторы и оценки. Мир и Россия // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 6 (44). С. 28–46.
5. *Суменкова В.И.* Нестандартная занятость в сфере спорта: особенности и мотивы трудовой деятельности тренеров: выпускная квалификационная работа по направлению «Социология». М., РГГУ, 2017. 101 с.
6. *Зудина А.А.* Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 3. С. 27–63.
7. *Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.* Нормально ли быть неформальным?: пре-принт WP3/2012/09. М., 2012. 56 с.
8. *Харченко В.С.* Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 54–63.
9. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 1 (24). С. 72–100.

References

1. Anisimov RI. Labor in an era of uncertainty. *Sotsiologicheskie issledovaniya* 2017;11:45-53. (In Russ.)
2. Bobkov VN., Kvachev VG., Loktyukhina NV. Unstable employment. The economic and sociological genesis of the concept. *Economics and Management Series. Vestnik VSU*. 2016;4:81-6. (In Russ.)
3. Shevtchuk AV. On Future of the Labor and the Future without Labor. *Obshchestvennyye nauki i so vremennost'*. 2007;3:44-54. (In Russ.)

4. Gasukova YeN. Prekarizatsiya. Conceptual grounds, factors and estimates. World and Russia. *Problemniy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. 2015;6:28-46. (In Russ.)
5. Sumenkova VI. Non-standard employment in sports: features and labor motivations in the work of trainers. Graduate work in the field of sociology (bachelor). Moscow, 2017. 101 p. (In Russ.)
6. Zudina AA. Informal employment and subjective social status. An example of Russia. *Economicheskaya sociologiya*. 2013;14(3):27-63. (In Russ.)
7. Gimpelson VE., Kapelyushnikov RI. Is it normal to be informal?: preprint WP3/2012/09. Moscow, 2012. 56 p. (In Russ.)
8. Khartchenko SV. Way of life of Russian free-lancers – a sociological analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014;4:54-63. (In Russ.)
9. Strebkov D., Shevchuk A. Labor Trajectories of Self-Employed Professionals. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2015;24(1):72-100. (In Russ.)

Информация об авторе

Анна В. Кученкова, канд. социол. наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; a.kuchenkova@rggu.ru

Information about the author

Anna V. Kuchenkova, PhD in Sociology, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; a.kuchenkova@rggu.ru

Самозанятость в сфере услуг: особенности трудовых отношений

Елена А. Колосова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, the_shmiga@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей трудовых условий работников сферы услуг как самозанятых работников. Эмпирической базой исследования выступают результаты интервью с работниками сферы услуг (флористами, аниматорами).

Выделены особенности трудовой занятости (наличие свободного графика, отсутствие тотального контроля, возможность выбора заказов и др.). Раскрыта специфика субъективного восприятия условий труда в выбранной сфере.

Определены преимущества и недостатки трудовой деятельности в сфере услуг в условиях самозанятости. Выявлены некоторые представления о будущей трудовой деятельности и возможных путях профессионального становления.

Ключевые слова: прекаризация, самозанятость, труда, сфера услуг

Для цитирования: Колосова Е.А. Самозанятость в сфере услуг: особенности трудовых отношений // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 35–42. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-35-42

Self-employment in the service sector. Peculiarities of labor relations

Elena A. Kolosova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, the_shmiga@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of peculiarities of labor conditions for service workers as self-employed workers. The results of interviews with service workers (florists, animators) form an empirical basis of the study.

The peculiarities of labor employment (availability of free schedule, absence of total control, choice of orders, etc.) are identified and the specifics of the subjective perception of working conditions in the chosen sphere are revealed.

The advantages and disadvantages of labor activity in the sphere of services in conditions of self-employment are determined. Some notions of the future work activity and possible ways of professional development are revealed.

Keywords: precarious, self-employment, labor, service sector

For citation: Kolosova EA. Self-employment in the service sector. Peculiarities of labor relations. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;2:35-42. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-35-42

Введение

В последние десятилетия шел активный процесс изменений в сфере труда – формирование знаний и информации. Современные направления социально-экономического развития ориентированы на создание соответствующих определенному уровню условий труда с целью укрепления человеческого потенциала как ведущего фактора экономического и социального развития общества. В современной экономической ситуации неустойчивые (неопределенные) формы труда вытесняют защищенную и стабильную трудовую деятельность, расширяя сферу неформальных трудовых отношений [1 с. 135]. Одновременно несколько замедлился переход на высокотехнологичное производство не только старых сегментов на

рынке труда, но и даже новых. В таких условиях в ходе структурной массовой безработицы, текучести всей социальной сферы, росте разнообразных рисков появился значительный своеобразный слой – прекариат.

Дестабилизация в сфере трудовых отношений порождает переживание «ненадежности (работы, имеющихся прав и средств к существованию), неуверенности (в их сохранении и будущей стабильности) и отсутствия безопасности» [2 с. 173].

Эмпирическая база и методы

Исследование включает серию глубинных интервью, проведенных с представителями сферы услуг. Сбор данных осуществляли Ивлева В.А., Мироненко С.А. В марте–апреле 2017 г. были опрошены 20 человек, работающих в сфере услуг (аниматоры, флористы). Среди опрошенных большинство девушки (11), молодых людей чуть меньше (среди аниматоров преобладают мужчины: 7 из 10, среди флористов – девушки: 8 из 10). Возраст опрошенных 20–30, что определяется занимаемым видом деятельности. 11 не замужем/не женаты, четверо живут в гражданском браке, у четверых есть дети. У большинства респондентов уровень образования выше среднего (оконченное (минимум бакалавриат) или неоконченное высшее, у троих – среднее специальное), но специальности в основном не связаны сферой занятости. Гайд интервью содержал три основных блока вопросов о трудовой деятельности в прошлом, настоящем и будущем, в том числе об условиях труда и мотивах выбора данного способа трудоустройства.

Специфика самозанятости в России

Самозанятость, наряду с нестабильной занятостью, характеризуется риском лишиться работы и заработка, получать недостаточные для воспроизводства рабочей силы доходы или сохранить рабочее место лишь номинально, а фактически остаться без работы.

Для неустойчивой занятости, к которой относится самозанятость, типично несоблюдение работодателем законодательных требований в части социально-экономических гарантий, представляемых работникам. Среди возможных последствий неустойчивой занятости можно назвать «снижение уровня жизни работающего населения, безработицу, неэффективное выполнение трудовых функций, развитие теневого сектора экономики» [3 с. 203]

Уровень самозанятости в России один из самых низких, по мнению ряда экспертов [4, 5] и по сравнению с развитыми странами ниже примерно в два раза; кроме того, оставляет желать лучшего и инновационный потенциал отечественной самозанятости. К самозанятым относятся не состоящие в штате организаций работники, самостоятельно реализующие на рынке товары и услуги, произведенные личным трудом, которые будут рассмотрены в данной статье.

Обращение к самостоятельности в работе, полагает И.П. Попова, может рассматриваться как ресурс развития гибкой занятости. Поскольку занятые неполное рабочее время работники, по сути, могут представлять собой некий «резерв», позволяющий организации быстро реагировать на новые цели и задачи, оптимально сконцентрировать трудовые ресурсы в нужном направлении, эффективно контролируя степень трудового вклада сотрудников [6].

Значение неформального сектора для российской экономики весьма неоднозначно. С одной стороны, очевидна его положительная роль в решении проблем занятости и доходов населения, расширении рынка товаров и услуг, создании базы для развития малого бизнеса. Так, неформальный сектор в значительной степени сдерживает резкое падение уровня жизни населения и рост безработицы. Кроме того, он предоставляет бывшие еще недавно дефицитными товары и услуги, а также позволяет многим выбрать удобный режим работы. Но неформальный сектор порождает ряд острых социальных проблем. Прежде всего, он создает дополнительные условия для развития криминальной среды. Кроме того, для занятых в неформальном секторе отсутствуют реальные социальные гарантии, контроль за условиями труда. Происходит отток квалифицированных и перспективных работников из формального сектора, что отрицательно сказывается на его работе.

Самозанятость в сфере услуг

Стоит отметить, что сектор услуг развивается, и, согласно статистическим данным Росстата, в формальном секторе экономики, связанном с социальными и персональными услугами, в 2015 году было занято 4,3% от всех занятых в формальном секторе. По данным Росстата по неформальной занятости, в секторе социальных и персональных услуг произошли незначительные изменения с 4,6% в 2013 году, 5,2% в 2014 году и, наконец, 5,4% в 2015 году [7 с. 101].

Занятость в неформальном секторе, особенно в таких сферах, как мелкая торговля, оказание различных услуг частным лицам, приводит к частичной утрате квалификации, профессиональных навыков. Нерегулярный характер занятости приводит к отвыканию от систематической работы. Все это в конечном итоге ведет к депрофессионализации и люмпенизации значительной части занятых в неформальном секторе, особенно молодежи.

Для части работников данный вид занятости – это стратегия адаптации, временная работа с гибким графиком, приносящая дополнительный доход (студенты, матери, ухаживающие за маленькими детьми). Наряду с этим существует группа убежденных совместителей, которые нацелены на улучшение своего материального положения.

В сфере услуг нередко самозанятость переходит в форму вторичной занятости, но при этом носит во многом вынужденный характер и обусловлена недостаточным уровнем заработной платы по основному месту работы.

Более половины населения крупных городов пользуется услугами современной индустрии развлечений. Одним из самых популярных мест проведения досуга россиянами являются торгово-развлекательные центры. Индустрия досуга включает парки развлечений; развлекательные зоны в торговых центрах (кинотеатр, детский городок, боулинг, бильярд, аттракционы, дискотека, фуд-корт, фитнес-клуб и пр.); специализированные развлекательные центры (кино, дискотека, боулинг, бильярд, игровой центр, каток, роллердром, керлинг, спортивный бар и т. д.), кинотеатральные комплексы, музеи, театры и цирки, заведения общественного питания, аттракционы и другое.

В Москве набирает популярность такое явление, как приглашение на детское мероприятие людей, которые будут проводить развлекательную программу, – детских аниматоров. В данной сфере существует разделение работающих на тех, кто трудоустроен официально (по контракту), и тех, кто работает в свободном режиме (самозанятых).

К основным мотивам выбора данной сферы занятости можно отнести следующие: 1) поиск места для заработка денег; 2) поиск работы, которая бы пересекалась с творческой сферой; 3) поиск работы, где нужно часто общаться с клиентами.

Одной из важных составляющих профессионального становления является повышение квалификации и постоянное самообразование в той сфере, где человек работает. Возможности и желание повышать свой профессиональный уровень будут отличаться в за-

висимости от формы трудоустройства, поскольку в каждой из форм есть свои условия и требования к образованию и квалификации.

На вопрос о том, необходимо ли специализированное образование в сфере услуг (в частности в сфере аниматорства), более половины респондентов утверждали, что подобные курсы лишь отнимают время. Было высказано и другое мнение, что специализированное образование полезно и даже выгодно, поскольку при выборе между двумя одинаковыми работниками предпочтение отдадут тому, у которого есть сертификат.

Стоит отметить, что неформальная занятость позволяет самостоятельно выбирать заказы, с которыми работник хочет трудиться, в то время как при формальной занятости заказы распределяются начальством без учета личных предпочтений работников.

В гайд глубинного интервью был включен блок вопросов, касающихся видения респондентами своего ближайшего будущего. Включение в анализ планов на будущее позволяет оценить устойчивость текущего трудового статуса и, следовательно, определить место самостоятельной занятости в трудовой биографии человека.

Выяснилось, что далеко не все респонденты (меньшинство) видят себя в будущем в качестве «чистых» самозанятых, некоторые опрошенные планируют совмещать самостоятельную занятость с основной занятостью. Малая часть планирует заняться развитием своего собственного бизнеса с привлечением наемного персонала. Страх за свое финансовое состояние в старости испытывает половина опрошенных.

Совместители уверены, что если по основному месту работы они платят налог, то «все в порядке», с доходов от самостоятельной занятости платить налог не обязаны. Самозанятые, для которых этот вид деятельности является основным, в целом согласны, что государство недополучает налоговых сборов и это плохо сказывается на экономике страны, но утверждают, что на оплату налогов им не хватает денег. Таким образом, значительное большинство опрошенных не выплачивают налоги с доходов от своей деятельности в качестве самозанятых.

Среди осознанно и самостоятельно выбравших самозанятость в качестве трудовой деятельности меньшинство считает, что они ошиблись в оценке финансовых перспектив и своих способностей конкурировать на рынке услуг. Однако все выбравшие самозанятость выбрали стратегию гибкой занятости сами, считая, что это им выгодно. Они испытывают удовлетворение от своей способности справляться с нестабильностью и риском. Уровень оплаты для них

важен, но не менее важна и возможность самореализации. Возможно, поэтому они хотят такую гибкость как в своей жизни, так и на работе, которую выбирают сами для себя. При этом все респонденты особо отмечают креативный характер этой деятельности, практически всех радует возможность самостоятельно регулировать свое время, выбор занятости, заказы и т. д.

Заключение

К положительным сторонам самостоятельной занятости относят отсутствие начальственного контроля, указаний, требований, навязанной трудовой дисциплины. Кроме того, самостоятельная занятость выполняет компенсаторную функцию в рамках стратегий адаптации незащищенных групп на рынке труда: студентам она помогает приобрести первый трудовой опыт, а ухаживающим за маленькими детьми матерям – не выпасть из профессиональной жизни.

Кроме того, самозанятые нередко занимаются совместительством и пытаются реализоваться за пределами основной работы (как правило, более формализованной) и удовлетворяют свои творческие амбиции и различные другие интересы, имея при этом дополнительный заработок.

Самозанятых в сфере услуг отличает стремление к творческой деятельности, стремление общаться с клиентами, самосовершенствоваться в этой области, получать новые знания и навыки. В итоге те, кто вовлечен в самостоятельную занятость, а это, как правило, молодежь, не перешагнувшая 30-летний рубеж, получают бесценный жизненный опыт, навыки самоорганизации и чувство ответственности не только за свою жизнь, но жизни других людей.

Статья выполнена в рамках гранта «Прекариат – новый социальный класс российского общества» Российского фонда фундаментальных исследований, грант №16-33-01008 а2.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Precariat – a new social class of Russian society”, no. 16-33-01008 а2.

Литература

1. Колосова Е.А. Неопределенность занятости интеллигенции: смыслообразующая неоднородность по различным основаниям // XIX Международная теоретико-методологическая конференция «Смыслы жизни российской интеллигенции». Москва, 26 апреля 2018 года. М.: РГГУ, 2018. С. 135–139.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
3. Панов А.М. Проявления неустойчивой занятости в странах мира // Экономика труда. 2016. Т. 3. № 2. С. 199–210.
4. Вишневецкая Н.Т. Самозанятость в переходных экономиках // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 10. С. 58–67.
5. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. 2015. № 1. С. 72.
6. Попова И.П. Самостоятельность в работе: тенденции десятилетия // Мир России. 2008. № 4. С. 135–141.
7. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы) – 2016: Стат. сб. М.: Росстат, 2016. 146 с.

References

1. Kolosova EA. Uncertainty in the employment of intelligentsia. A meaning-making heterogeneity on various grounds. V. *XIX International Theoretical and Methodological Conference “Sense of life of the Russian intelligentsia”*. Moscow, April 26, 2018. Moscow: RGGU Publ.; 2018. p. 135-39. (In Russ.)
2. Bauman Z. Individualized society. Moscow: Logos Publ.; 2005. 390 p. (In Russ.)
3. Panov AM. Manifestations of unsustainable employment in the world. *Ekonomika truda*. 2016;3:199-10. (In Russ.)
4. Vishnevskaya NT. Self-employment in transitional economies. *World Economy and International Relations*. 2013;10:58-67. (In Russ.)
5. Strebkov D., Shevchuk A. Labor Trajectories of Self-Employed Professionals. *Mir Rossii*. 2015;24:72-100. (In Russ.)
6. Popova I.P. (2008) Self-reliance in work: tendencies of the decade. *Mir Rossii*. 2008;4:135-141. (In Russ.)
7. Labor force, employment and unemployment in Russia (based on the results of sample labor force surveys) 2016. Moscow: Rosstat Publ.; 2016. 146 p.

Информация об авторе

Елена А. Колосова, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; the_shmiga@mail.ru

Information about the author

Elena A. Kolosova, PhD in Sociology, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; the_shmiga@mail.ru

Изучение потребительской социализации детей: обзор зарубежного опыта

Владимир В. Солодников

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Solodnikovv@mail.ru*

Надежда В. Солодникова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nadia.v.solodnikova@yandex.ru*

Аннотация. В последние годы внимание российских социологов привлек процесс потребительской социализации детей и подростков, в отношении которого накоплен значительный массив зарубежных исследовательских данных. Проведенные исследования преимущественно сосредоточены в рамках когнитивного и бихевиористского подходов, а также построения интегративных моделей (с акцентом на интеракционизм). В статье с учетом названных подходов приводятся результаты зарубежных исследований, тематизированные по трем аспектам (основные агенты, процессуальные параметры и факторы, определяющие результат потребительской социализации). Делается вывод об актуальности ее социологического изучения, и намечаются перспективные направления исследований.

Ключевые слова: (теоретические подходы, агенты, процесс и факторы) потребительской социализации, дети, подростки

Для цитирования: Солодников В.В., Солодникова Н.В. Изучение потребительской социализации детей: обзор зарубежного опыта // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 43–64. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-43-64

Children's consumer socialization research. Foreign data overview

Vladimir V. Solodnikov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Solodnikovv@mail.ru*

Nadezhda V. Solodnikova

*Russian State University for the Humanities,
Russia, nadia.v.solodnikova@yandex.ru*

Abstract. In recent years Russian researchers started exploring the process of consumer socialization of children and teenagers which was extensively studied abroad and thus led to the accumulation of a significant body of data on the issue. Those studies were mostly based on cognitive, behavioral approaches and on building integrated models (based mostly on interaction theory). This article contains results of foreign studies (within described approaches) that concentrate on three aspects (main agents, procedural parameters and factors determinating the consumer socialization results). It is concluded that sociological research of the topic becomes more relevant today and upcoming study trends are named.

Keywords: (theoretical approaches, agents, process and factors of) consumer socialization, children, teenagers.

For citation: Solodnikov VV., Solodnikova NV. Children's consumer socialization research: foreign data overview. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;2:43-64. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-43-64

Введение

Социализация личности является одним из традиционных разделов учебников по социологии и социальной психологии. Социология при этом обычно акцентирует «процесс становления личности, постепенное усвоение ею требований общества, приобретение социально значимых характеристик сознания и поведения, которые

регулируют ее взаимоотношения с обществом», отмечая, что социализация «начинается с первых лет жизни... (а) по некоторым аспектам продолжается всю жизнь» [1 с. 237].

Социальные психологи стремятся подчеркнуть роль собственной активности личности, определяя процесс ее социализации как «двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны – процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду» [2 с. 273].

Помимо агентов, этапов и механизмов социализации личности специального внимания заслуживают ее отдельные виды. В настоящее время российские исследователи стремятся изучать особенности политической [3] или спортивной социализации [4] и т. п.

На наш взгляд, не менее актуальным сегодня становится исследование потребительской социализации, прежде всего на начальном этапе жизненного пути [5]. Так, по некоторым зарубежным данным [6 с. 96], в 2009 г. в Великобритании рынок детских товаров оценивался в 99 млрд фунтов стерлингов. Есть основания полагать, что фактически дети начинают усваивать базовые представления о символах брендов задолго до того, как смогут говорить. Так, к поступлению в школу они могут перечислить до 200 брендов. Более того, пятилетки используют бренды, чтобы категоризировать людей по их социальным ролям.

Отправной точкой анализа потребительской социализации, на наш взгляд, является уточнение отношений между такими близкими понятиями, как потребительская, экономическая и финансовая социализация. Экономическая социализация является наиболее общим понятием и представляет собой процесс и результат включенности человека в мир экономических отношений общества, в котором он живет [7 с. 16]. Финансовая социализация имеет более прикладную направленность и связана с усвоением навыков, знаний и связей, необходимых для успешного функционирования личности на рынке [8 с. 31].

Аналогично этому прикладной характер экономических знаний личности отражен в понятии потребительской социализации. Согласно наиболее известному определению Дж. Уорда (G. Ward), она представляет собой освоение знаний, навыков и взглядов, необходимых для формирования эффективного поведения в качестве потребителя на рынке [9 с. 510].

Таким образом, потребительская социализация, в отличие от экономической, в большей степени ориентирована на описание повседневности, а в отличие от финансовой – позиционирует актора только в качестве потребителя.

Исходя из этого, дальнейшее изложение будет посвящено систематизации накопленного зарубежного (теоретического и эмпирического) опыта изучения потребительской социализации детей.

Потребительская социализация детей как объект исследования за рубежом

Активное изучение потребительской социализации началось в 1970-х гг. прежде всего в США. Толчком к развитию этой области знаний послужило решение Федеральной торговой комиссии США (1971) ограничить рекламу для детей и подростков, что, в свою очередь, определило направление исследований [10 с. 183]*.

На ранних этапах изучения взаимоотношений детей и рекламы сформировались две основные точки зрения: 1. Детей следует ограждать и защищать от воздействия коммерческой рекламы исходя из их «блага», психического здоровья и т. п. (патерналистский взгляд); 2. Дети самостоятельны, имеют право на доступ к информации, в т. ч. носящей коммерческий характер, являющейся неотъемлемой характеристикой современного глобального мира, в котором им предстоит взрослеть (либеральный подход). Иногда его обозначают как «агентивный» (agentive approach). Согласно ему, дети считаются не просто покорными жертвами капитализма, а творческими потребителями товаров и медиа [12 с. 77].

Вместе с тем в последнее время значительная часть ученых стремится найти «третий путь». При этом они исходят из того, что прежде всего необходимо углубленное понимание процессов социализации (в т. ч. связанных с потреблением) современных детей.

* В России Федеральный закон «О рекламе» был принят в 1995 году. С 2010 г. в числе прочего закон запрещает рекламу алкоголя, табака и табачных изделий несовершеннолетним. В 2012 в этот закон внесено дополнение: теперь вся информационная продукция (видео-, аудио-, печатная) должна быть маркирована согласно возрасту аудитории, на которую она рассчитана (0+, 6+, 12+, 16+ или 18+ лет). В его редакции 2017 г. специально отмечается недопустимость в рекламе дискредитации родителей/воспитателей и формирования у детей комплекса неполноценности в связи с отсутствием рекламируемого товара или их внешней непривлекательностью (ФЗ «О рекламе 2017 г.» (№ 38-ФЗ редакция 2017)), ст. 6. [11].

Тогда с опорой на такое понимание следует, с одной стороны, регулировать/ограничивать коммерческую рекламу, целевой аудиторией которой выступают дети и подростки; а с другой – формировать у ребенка адекватное для своего возраста восприятие рекламной информации и при необходимости – умение противостоять манипуляциям.

Дж. Брунер и Х. Хасти (J.S. Bruner & H. Haste) смогли уточнить данное Дж. Уордом определение потребительской социализации. Потребительская социализация была интерпретирована как такой процесс, в ходе которого дети формируют систему координат для интерпретации опыта и согласованных значений (*negotiate meaning*) в терминах конкретной культуры (цит. по: [13 с. 31]). Такое понимание потребительской социализации исходит из предположения, что дети погружены в культуру массового потребления, активно участвуя в нем в рамках принятых социокультурных форм, поскольку институциональные условия (*institutional backgrounds*): семья, школа, религия и пр. и их властная структура – создают язык и культурные значения в каждом отдельном обществе [13 с. 32].

Приняв приведенное выше определение потребительской социализации, по Дж. Уорду (с учетом сделанных позднее уточнений), в качестве рабочего, в дальнейшем мы последовательно рассмотрим зарубежные теоретические подходы, использовавшиеся для анализа этого процесса, проиллюстрировав их полученными эмпирическими данными.

Зарубежные теоретические подходы к анализу потребительской социализации

На ранних этапах изучения этого процесса некоторые авторы выделяли шесть теоретических подходов к его изучению (социально-антропологический, психоаналитический, нормативно-биологического созревания, генетический/конституциональный, теории научения и когнитивный). Позднее наиболее популярными стали последние два подхода. Рассмотрим их подробнее.

1. Когнитивный подход основывается на *теории Ж. Пиаже* [14] и предполагает, что развитие (прежде всего когнитивное) ребенка является процессом его адаптации к внешнему миру. Ребенок выступает в качестве активно развивающегося актора, в итоге достигающего эрудиции взрослого человека [12 с. 76]. Д. Роддер Джон, проанализировав данные исследований, проведенных за 1975–1999 гг., о потребительской социализации детей и опираясь на

достижения школы Ж. Пиаже, сформулировала собственную периодизацию этого процесса, насчитывающего три основных этапа [10 с. 186–187]:

а. *Этап восприятия (perceptual)* (3–7 лет): дети принимают решения на основе видимых одномерных характеристик объектов (этап дооператорного интеллекта, по Ж. Пиаже). Среди исследователей сформировался консенсус в отношении того, что до пятилетнего возраста реклама воспринимается ребенком как забава, развлечение. К 6–7-летнему возрасту приходит понимание различного содержания основной телепередачи и рекламы, которая ее прерывает [15 с. 116].

б. *Аналитический этап* (7–11 лет): на этом этапе происходит резкое увеличение объема обрабатываемой информации, появляется понимание символов, а следовательно, – знание об абстрактных понятиях, например о рекламе, брендах и категориях товарных продуктов. Дети на этом этапе развития могут рассуждать не только на основе воспринимаемых свойств товара, но и с учетом собственного предыдущего опыта (этап конкретных операций, по Ж. Пиаже). Дети к этому возрасту догадываются о двух функциях рекламы (информирующей и убеждающей). К 10–11 годам практически все дети понимают убеждающую функцию рекламы. Кроме того, важным является практическое применение этого понимания, являющееся ключевым элементом рекламной грамотности [15 с. 120]. Так, в рамках этого подхода свое исследование освоения роли потребителя и стратегий покупательского поведения провела К. Коди [12]. Согласно полученным результатам, девочки 11–12 лет, находящиеся на границе между детством и подростковым возрастом, понимают, что через год-полтора от них будут ожидать подросткового поведения, и апробируют схемы покупательского поведения, не имея ни ресурсов, ни желания что-либо приобретать.

в. *Рефлексивный этап* (11–16 лет): на этом этапе развивается понимание таких рыночных концептов, как брендинг и цена. Потребность сформировать собственную идентичность и соответствовать ожиданиям референтной группы приводит к акцентированию социальных аспектов потребления, принятию покупательских решений и предпочтению того или иного бренда (этап формальных операций, по Ж. Пиаже). А. Наирн описывает исследование, в котором детей разного возраста просили установить соответствие между брендами джинсов, велосипедов, обуви и видеоигр и социальным типом человека, их владельца. У более старших детей эти связи оказались выражены четче (следствие когнитивного развития

и собственного опыта). Был сделан вывод о том, что с перцептивного уровня (знания названий брендов) происходит переход к символическому уровню (приписыванию владельцам брендовых вещей определенного социального статуса).

2. Альтернативной точкой зрения на потребительскую социализацию является *бихевиоризм*, в частности, *теория социального научения* (А. Бандура, Р.Х. Уолтерс, Б. Скиннер, К.Л. Халл). В рамках этого подхода основной упор делается на усвоение новых моделей поведения через наблюдение и подражание, в том числе другим потребителям: родителям, сверстникам, медийным персонажам и пр. Этот подход дает возможность анализировать как реальное потребительское поведение (например, процесс сравнения цен и товаров), так и формирование у детей более абстрактных понятий (таких как покупательская способность и налоги). В рамках этого подхода ключевая роль в понимании процессов потребительской социализации отводится социальному окружению ребенка. При этом основными параметрами этого окружения являются: его содержательные характеристики (взгляды основных агентов социализации на рынок, рекламу, потребление и т. п.) и тип подкрепления (позитивного и/или негативного), получаемого ребенком извне [17 с. 60–61].

Вместе с тем, согласно У. Дойс и Дж. Магни (W. Doise, G. Mugny), тот факт, что дети наблюдают за «значимыми другими» и подражают им, не объясняет новые схемы потребительского поведения ребенка, появившиеся независимо от практик, принятых в семье и среди сверстников. Подражание взрослым или более опытным детям – только условие когнитивного развития ребенка. Научение через подражание ('modelling exposure') не учитывает креативные способности детей, реализуемые в собственной «надситуативной» активности (цит. по: [13 с. 30]).

3. А. Берти и А.С. Бомби (A. Berti & A.S. Bombi) предложили *интеракционистскую модель* потребительской социализации ребенка (где он считается активным деятелем), в рамках которой был проведен ряд исследований, например посвященных поведению подростков в магазинах [17].

В рамках этого же подхода Дж. Игли сформулировал модель, согласно которой ребенок должен освоить различные социальные роли, и среди прочих – роль потребителя. На практике экономическую информацию дети получают из четырех источников: от родителей (на основе жизненного уклада родительской семьи в целом), сверстников, рекламы и самих товаров. Основными результатами собственной активности ребенка являются знания о том, как

устроен рынок, каковы ключевые факторы выбора товара и основные этапы совершения покупки (цит. по: [13 с. 28]).

Комбинация описанных выше когнитивной, бихевиористской и интеракционистской (ролевой) концепций потребительской социализации позволила Д. Лассару и К. Ролан-Леви [18] связать между собой четыре основные переменные классических теорий социализации: агенты социализации; процесс социализации посредством научения (в частности, через подражание или опосредованное обучение); индивидуальные переменные, отражающие особенности социальной структуры (пол, возраст, социальный класс и т. п.); результат процесса потребительской социализации – адекватная реализация роли потребителя/покупателя.

Предложенная модель потребительской социализации в значительной степени позволяет обобщить накопленные зарубежные эмпирические данные. Рассмотрим их последовательно.

Агенты потребительской социализации

На сегодняшний день принято выделять три группы агентов потребительской социализации: традиционные (семья, сверстники, школа); профессиональные (маркетологи, коммуникационные/рекламные агентства); виртуальные (интернет-сообщества, социальные сети, сайты) (цит. по: [13 с. 34]). Эта область достаточно подробно изучена эмпирически.

Группа исследователей из Индии, проанализировав вторичные данные, пришла к выводу, что наибольшее влияние на потребительскую социализацию оказывает **родительская семья**. Было выявлено, что особенности потребительской социализации ребенка зависят, главным образом, от родительского стиля воспитания.

Наиболее влиятельные агенты потребительской социализации из всех членов родительской семьи – **матери**. Более того, качество этого процесса зависит от социального и экономического статуса матери. Выявлено, что дети матерей, занятых полный день, обладают более богатым опытом повседневных покупок, чем дети матерей-домохозяек или работающих неполный день. Этот тезис подтверждается данными исследования полных семей с двумя работающими родителями [19]. Что же касается роли отца, то в области потребительской социализации она очень ограничена [20 с. 2].

Исследования, проведенные в Индии, показывают, что матери считаются основными воспитателями, а отцы (и деды) – авторитетными фигурами, которым надо подчиняться. Влияние сверстников

максимально в подростковом возрасте. В Индии подростки знают о новых продуктах и брендах больше, чем родители, соответственно, играют важную роль в выборе бренда при покупке [20 с. 2].

Э. Флоури изучала связь между **включенностью родителей в процесс воспитания** (parental involvement) и материальными (потребительскими) ценностями детей в Великобритании. Соответствующие ценности определялись автором как «ориентация, в рамках которой материальные ценности и деньги важны для личного счастья и социального прогресса» [21 с. 744].

В результате выяснилось, что более «материалистичны» (ориентированы на ценности потребления) дети:

- получавшие бесплатные обеды;
- воспитываемые в родительской семье с нарушением количественной структуры (одним родителем, приемным(и)/разведенными родителем(-ями) и пр.);
- с конфликтующими родителями;
- более старшего возраста;
- с эмоциональными/поведенческими проблемами и затрудненным целеполаганием;
- с невключенностью матерей в воспитание. Включенность отцов в воспитание, по оценкам детей, не значимо влияла на «материализм» их установок (в противовес включенности матерей), но при низкой поддержке сверстников эта связь оказывалась существенной [21 с. 748–749].

В целом автор приходит к выводу, что психологическое здоровье и включенность родителей в процесс воспитания значимо влияют на формирование материалистских (потребительских) ценностей детей.

Вместе с тем выявлен и обратный процесс [19]: дети влияют на покупки родителей, причем не только «детских» товаров (продукты питания, игрушки), но и на покупки для всей семьи (крупная бытовая техника, планирование отпуска).

Исследования **ровесников как агентов социализации** показывают, что их влияние сильно для группы до 14 лет и снижается к концу подросткового возраста. Кроме того, ровесники играют значительную роль в формировании привычек потребления, а также знаний о моде, стиле жизни и товарных брендах. Они больше влияют на покупку предметов публичного потребления, чем частного, а также предметов ежедневного пользования – в противовес предметам длительного пользования [20 с. 2].

Вместе с тем в целом группа сверстников в литературе рассматривается преимущественно с точки зрения стремления подрост-

ков принадлежать к определенной молодежной (суб)культуре, стать частью референтной группы. Например, Р. Рассел и М. Тайлер [17] акцентируют внимание на давлении, которое ощущают на себе девочки-подростки в качестве потребителей.

Владение товарами определенных брендов становится причиной принятия, популярности/отвержения, стигматизации в группе сверстников. Так, для англичан 8–12 лет одно время обладание спортивной одеждой Nike было признаком «крутости» в среде сверстников, усиливая давление на родителей купить именно эту марку [6 с. 113].

Не обнаружено информации о влиянии сиблингов на детское потребление. Так, в исследовании С. Кумар [19] не выявлено статистически значимой зависимости между количеством детей в семье и индексом детско-родительского взаимодействия при покупках.

Функционирование **средств массовой информации** в качестве агента (потребительской) социализации изучались с точки зрения понимания различий между телепрограммой и рекламой на ТВ. Было выявлено, что дети до 4–5 лет не понимают концепт рекламы, а к 7–8 годам – все еще не до конца понимают ее побуждающую (к покупке) функцию. Детей побуждают к покупке товара, скорее, ассоциации с праздником и счастьем, чем информация, относящаяся непосредственно к продукту. Понимание рекламных тактик формируется в подростковом возрасте: чем старше дети, тем больше они знают о маркетинговых приемах и тем сильнее становится их скептическое отношение к рекламе [10 с. 188–191].

Выявлена положительная связь между вниманием к рекламным роликам и восприятием получаемой информации как правдивой: дети, считающие, что реклама правдива, смотрят ее внимательнее.

С развитием цифровых медиа дети как аудитория рекламного сообщения стали доступнее. Авторы приводят данные (к сожалению, без уточнения региона и временного периода) о том, что 48% детей в возрасте 8–18 лет имеют доступ к Интернету [20 с. 3].

Процесс потребительской социализации детей посредством научения

Первоначально, отталкиваясь от своей периодизации процесса потребительской социализации детей, Д. Роддер Джон выделила пять основных аспектов этого процесса: усвоение определенных знаний (например, понимание сущности рекламы и знание ее побуждающей функции); знание основных этапов совершения по-

купки; навыки сравнительного анализа двух аналогичных товаров; понимание мотивов потребления и стратегии принятия решения о покупке [10 с. 186–188].

Однако наибольшее внимание исследователей привлекло *участие детей в семейных покупках*, которое понимается как социокультурные потребительские практики. При этом исследователи (например, E. Wenger) стремятся проследить изменение позиции ребенка от периферийного участника (т. е. пользователя товаров, купленных родителями, или наблюдателя за процессом покупки) к одному из главных действующих лиц, принимающих решение о покупке (цит. по: [13 с. 34]).

Однако роль ребенка в принятии решения о покупках в родительской семье зависит от покупаемого продукта, ожиданий членов семьи, ее социально-демографической структуры и т. п. Сегодня вовлечение детей в такие решения происходит раньше, чем в прошлом.

В целом основными переменными, влияющими на вовлеченность ребенка в этот процесс, являются:

- возраст ребенка. Обычно подростки (средние и старшие) привлекаются к планированию семейного каникул;
- родительские установки в отношении рекламы;
- стадия принятия решения;
- тип товара или бренд (для ребенка/для семьи). В первом случае обычно происходит вовлечение ребенка на всех стадиях принятия решения о покупке;
- значимость товара/бренда как символа принадлежности к референтной группе сверстников [22 с. 132–134].

На степень участия ребенка в покупках влияет тип семьи, в которой он воспитывается. Этот вопрос изучала К.М. Экстрем и на основе интервью с родителями выделила два «идеальных» типа семьи: современный и традиционный. Современный тип семьи характеризуются демократией в отношениях (родители прислушиваются к детям), восприимчивостью к модным тенденциям, выраженным «потребительством», более высокой долей спонтанных покупок и смешением покупательских ролей. В то время как традиционную семью можно, скорее, описать как авторитарную, консервативную, ограничивающую покупки (нет «шопполизма»), рационально планирующую покупки (используя заранее подготовленные списки) и специализированную (с четким распределением покупательских ролей). В итоге было показано, что в «современных» семьях степень участия детей в семейных покупках выше, чем в «традиционных» [23].

С. Сентилькумар и Т. Рамачандран [24] провели исследование участия ребенка в семейных покупках и влияния социальных сетей на его потребительскую социализацию. Связь между потребительской социализацией и вовлеченностью подростка в социальные сети с частотой пользования интернетом однозначно выявить не удалось. При этом около 73% респондентов регулярно (без указания конкретной частоты) выходят в Интернет. Ежедневно респонденты проводят в интернете до 5 часов. При этом в социальных сетях школьники чаще всего играют в сетевые игры, общаются с друзьями и делятся фотографиями, ограничиваясь группой одноклассников и не выходя из зоны комфорта. Социальное давление на старшекласников (связанное с повышением требований родителей к школьным оценкам, необходимостью продолжения образования и т. п.) не оставляет им времени для освоения всех возможностей социальных сетей. В целом среди школьников не принято обсуждать бренды/товары в социальных сетях или искать соответствующую информацию. В то же время просмотр рекламы, размещаемой в социальных сетях, – довольно распространенное явление в выделенной целевой группе. В результате само присутствие в них приводит к росту знания брендов и продуктов.

Далее рассмотрим ключевые факторы, определяющие результаты потребительской социализации детей.

Факторы потребительской социализации детей

Возраст ребенка. Л. Нгуен-Чаплин и Д. Роддер Джон изучили связь между меркантильностью (экономностью, расчетливостью) и самооценкой детей и подростков 8–18 лет, проведя два исследования. В первом исследовании были обнаружены две нелинейные зависимости: 1) U-образная – между расчетливостью и возрастом детей: она оказалась наиболее выражена у 12–13-летних респондентов и менее выражена у более младших и более старших; 2) младшим (8–9 лет) детям присущи высокая самооценка и низкая экономность; для детей 12–13 лет характерна противоположная картина, а у подростков 16–18 лет зафиксированы средние значения обеих переменных [25 с. 483–488].

Взаимосвязь рекламы, пробного использования продукта и возраста детей и подростков изучали Э.С. Мур и Р.Дж. Луц (E.S. Mooge & R.J. Lutz). Было выявлено, что пробное использование продукта вызывает больше доверия и более позитивное отношение как у младших (7–8 лет), так и у старших (10–11 лет) детей. Показ ре-

кламы перед пробным использованием продукта сильнее повышал оценку бренда и менял в лучшую сторону отношение к нему среди старших детей. Авторы предположили, что ожидания, созданные рекламой, не совпали с результатом пробного использования продукта [26 с. 38].

При первичном пробном использовании продукта и последующем контакте с рекламой значение рекламы ниже, чем только при просмотре рекламы и последовательности «сначала реклама – потом продукт» в обоих возрастных группах [26 с. 38–39].

Гендер ребенка. Кукла Барби нередко вызывает сильные негативные эмоции у взрослых за рубежом. В настоящее время маркетологи стремятся ее нацелить преимущественно на дошкольников. Проявление по отношению к ней негативных эмоций у девочек рассматривается как признак взросления; а у мальчиков в любом возрасте – как отрицание женственности [6 с. 110].

В целом известно, что девочки склонны более открыто общаться с родителями по поводу покупок, в то время как мальчики, скорее, получают негативное подкрепление при таких попытках. Кроме того, девочки чаще предпочитают ходить по магазинам с родителями [20 с. 2]. Мальчики более меркантильны, чем девочки [21].

Девочки в возрасте 11–12 лет, находящиеся на границе между детством и подростковым возрастом (liminality), во-первых, остро чувствуют разницу между своим представлением о том, как общество должно на них реагировать, и реальностью собственного социального положения. Во-вторых, они считают, что постоянно находятся в центре внимания окружающих. Такая установка предопределяет их потребительские стратегии, для которых характерны: 1) равнодушие к брендам. Не желая раньше времени оказаться перед взором воображаемой публики, девочки из-за незнания брендов, которые на данный момент актуальны в подростковой среде, говорят о том, что бренды для них не важны. При этом они декларируют важность цены (фиксируясь на соотношении цена/качество), что рассматривается как защитный механизм от некомпетентности в области потребительской культуры; 2) пародия, которая обеспечивает возможность экспериментировать с потенциальными символами и способами потребления (configuration of consumption) при сохранении права совершить любую ошибку в потребительском этикете; 3) использование подделок под известные бренды для пробного включения в подростковую культуру потребления [12 с. 82–91].

Отметим также, что, к сожалению, в упомянутом выше исследовании Л. Нгуен-Чаплин и Д. Роддер Джон при изучении взаи-

мосвязи самооценки, возраста и меркантильности не измерялись гендерные различия.

Уровень образования родителей ребенка также влияет на его потребительскую социализацию. Было установлено, что дети высокообразованных родителей быстрее понимают навязчивость рекламы [10 с. 2].

Доходы родительской семьи и их влияние на детское потребление изучались в Норвегии. В частности, А. Скевик-Гредем выявила связь между бедностью семьи и «депривацией» (deprivation) детей. Бедность семьи замерялась по трем критериям:

Качество жилья. Для его оценки родителей опрашивали о наличии следующих проблем в домохозяйстве: 1.1. Недостаточная жилая площадь; 1.2. Наличие сквозняков, излишней влажности или сухости; 1.3. Некачественные материалы, использованные при строительстве дома; 1.4. Слышимость соседей; 1.5. Слышимость городского транспорта.

Дети отвечали, имеют ли они собственную комнату и насколько часто приводят гостей к себе домой. При этом автор оговаривает, что дети могут отказываться от приглашения сверстников к себе в гости по самым разным причинам, но бедные дети обычно не делают этого из-за того, что стесняются, т. к. у них дома нечем заняться или жилищные условия так или иначе не адекватны [27 с. 112].

В результате действительно было обнаружено, что чем хуже качество жилья родительской семьи, тем меньше детей живут в собственной комнате и тем реже они приглашают гостей.

Владение предметами длительного пользования (ПДП). Из целого ряда ПДП автор выделил три: стиральная машина, холодильник и посудомоечная машина. Эти предметы есть у 90% населения Норвегии. Соответственно, если в семье нет хотя бы одного из них, то она признавалась бедной. Для детей был сформирован собственный список аналогичных «предметов первой необходимости» (ППД): CD-плеер, лыжи/сноуборд и велосипед.

Было обнаружено, что родители сначала предпочитают обеспечить домохозяйство ПДП, а только потом озабочены формированием стандартного пакета ППД для детей.

Кроме того, при анализе полученных данных были обнаружено, что количество детей в домохозяйстве обратно связано с наличием индивидуальных ППД: в многодетной семье, скорее всего, есть и холодильник, и стиральная/посудомоечная машина. Но у детей, скорее всего, если и есть плеер, лыжи/сноуборд или велосипед, то они являются «общими». В многодетных семьях повышается спрос на крупную бытовую технику, но при этом считается, что дорогими

игрушками и спортивным оборудованием дети будут делиться друг с другом и/или использовать совместно.

Наличные деньги у детей. Авторы исследования задавали два разных вопроса родителям и детям. С учетом того, что в Норвегии низкодоходные домохозяйства всегда стараются оплачивать детям участие в школьных мероприятиях, авторы проследили взаимосвязь между ответами детей и родителей применительно расходам первых на развлечения с друзьями.

Была обнаружена прямая зависимость между родительской оценкой материальных ресурсов семьи и детской оценкой получения карманных денег на развлечения. Если взрослый при необходимости мог снять с банковского счета заданную сумму, то в таких семьях только 10% детей сталкивались с отказом выделить деньги на развлечения с друзьями. Но таких детей становилось 23%, если взрослый попробовал бы взять в долг, и 40%, если признавал, что не сможет достать предложенную сумму.

Кроме того, в исследовании С. Кумар [19] была выявлена прямая корреляция между доходом семьи и влиянием детей на семейные покупки.

Наконец, обобщая исследовательскую практику, К. Роланд-Леви считает, что усвоение детьми ключевых экономических понятий (и в частности знаний о деньгах) зависит от ряда переменных [28 с. 152–154]:

- Возраст. С возрастом выше конформность, согласованность и абстрактность представлений.
- Гендер. Значимых различий не обнаружено, но у девочек отмечается немного более высокий уровень зрелости (возможно, они больше участвуют в повседневных покупках родителей).
- Социальный класс. Дети «среднего класса» более искушены в вопросах банковского сервиса, профессионального престижа; из рабочего класса – в производственных отношениях. Эти различия чаще связаны не с доходом родительской семьи, а с видом профессии или уровнем образования родителей, особенно матери.
- Социальное и культурное происхождение. Так, французские дети для накопления денег стали бы вкладывать их в банк, а алжирские (которым Коран запрещает ростовщичество) стали бы больше работать.

Дальнейшее развитие зарубежной социальной теории в области потребительской социализации идет по пути построения *интегративных моделей* этого процесса на основе расширения и уточнения

переменных, описывающих *взаимодействие* ребенка и социума, т. е. применения интерактивного подхода.

Так, по мнению К. Пэйдж и Н. Райвэй (С. Page, N. Rigway), паттерны детских потребительских практик определяются нормативными требованиями других потребительских стилей, в первую очередь – родительской семьи и группы сверстников. При этом ребенку предстоит научиться иметь дело с конфликтующими требованиями разных социальных групп (цит. по: [13 с. 34]).

В когнитивистских и бихевиористских подходах само социальное взаимодействие выступало, скорее, как важный объясняющий фактор потребительской социализации, а не ее центральный элемент (роль которого отводилась преимущественно индивидуальному когнитивному развитию ребенка). Компетентность актора традиционно представлялась независимой от социокультурных обстоятельств его существования. Более того, было принято считать, что акторы обладают неким априорным знанием – до начала любого социального взаимодействия, – а потом накапливают социальный опыт, позволяющий осваивать другие варианты действий, в итоге делая их частью своего социального «Я».

Именно в рамках *интерактивного подхода*, опирающегося в том числе на культурно-историческую теорию Л.С. Выготского, ребенок считается интегрированным в общество с началом повседневного взаимодействия. Следовательно, единицей анализа становится не отдельный ребенок, а его потребительские виды активности как результат взаимодействия между ним и его социальным окружением. По мнению Дж. Гронов и А. Ворда (G. Gronow & A. Ward), в результате этого процесса ребенок усваивает определенный понятийный аппарат и социальные нормы в заданном культурном контексте (например, источники информации о товаре, формирование Я-идентичности, обретение чувства принадлежности к группе, в том числе к определенному социальному классу) (цит. по: [13 с. 33]).

Используя эту теоретическую основу В.-И. де ла Вилль и В. Тартас [13] предлагают собственную *интегративную модель* потребительской социализации, учитывающую культурный контекст. Он включает в себя как минимум три элемента: «наставники» в области потребительских практик; «культурный объект» – материальные, символические или семиотические предметы; культурный контекст, окружающий эти предметы.

В процессе совместной со «значимыми другими» деятельности, направленной на культурно-опосредованный предмет потребления, конструируется понимание ребенком его социально-заданных

значений. Сама же эта деятельность «погружена» в три основных контекста (институционализированных мира потребления): стили потребления родительской семьи и сверстников, а также систему социотехнического дизайна (упаковка, размещение на полке магазина, содержание рекламы, ее носители и т. п.).

Таким образом, дети в процессе потребительской социализации не только научаются принимать решения о покупке, адекватно воспринимать рекламу, но и познают социальный мир, получают новые социальные навыки, иногда даже конструируют собственные социальные правила и нормы (цит. по: [13 с. 33–35]).

Заключение

Анализ социализации личности является одной из ключевых задач целого ряда дисциплин социально-гуманитарного цикла. В последние годы среди ее различных видов внимание российских исследователей оказалось привлечено к потребительской социализации детей.

Между тем в рамках зарубежной исследовательской практики накоплен большой опыт ее изучения, стремящийся уйти и от патерналистского, и от либерального взгляда на этот процесс и акцентирующий необходимость прежде всего его изучения и формирования у ребенка потребительской компетентности.

Систематизация зарубежных исследовательских данных позволяет выделить три основных теоретических подхода к изучению потребительской социализации личности: 1. Когнитивистский (основанный на достижениях научной школы Ж. Пиаже), фокусирующийся на процессах интеллектуального развития ребенка; 2. Бихевиористский, акцентирующий внимание исследователей на процессах социального научения; 3. Интеракционистский, подчеркивающий важность анализа собственной его активности, осуществляемой в заданном культурно-историческом контексте.

Отталкиваясь от них, Д. Лассар и К. Ролан-Леви, а также В.-И. де ла Виль и В. Тартас предлагают обобщенные концептуальные схемы, описывающие процесс потребительской социализации и позволяющие систематизировать основные ее аспекты. К таковым следует отнести: 1) агенты (родительская семья, сверстники и СМИ); 2) процессуальные параметры (семейные покупки – их основные этапы и формы участия в них ребенка), а также 3) факторы, определяющие результат потребительской социализации (возраст и гендер ребенка, такие параметры родительской семьи, как ее

материальное положение, образование родителей, а также социокультурные особенности).

Вместе с тем, видимо, следует обозначить ряд особенностей потребительской социализации, требующих более пристального внимания исследователей. Так, среди ее агентов более тщательного изучения заслуживает приобщение детей к Интернету (и цифровым технологиям в целом), в комбинации со сверстниками начинающему играть все возрастающую роль в процессе «встраивания» в сферу потребления.

Дальнейших (в том числе кросскультурных) исследований требует подход (базирующийся на теоретическом багаже интеракционизма и культурно-исторического российского подхода) к ребенку как активному актору, действующему в конкретном культурном контексте. Причем сам этот контекст нуждается в большей детализации, в частности необходимо прояснение роли религии (принятой в родительской семье и/или наиболее распространенной в регионе). Это же относится к этнической идентичности детей и родителей. Есть основания полагать, что обе эти переменные могут быть связаны с базовыми ценностями личности, меняя место потребления в их иерархии.

Наконец, специальной рефлексии заслуживают методы, используемые при изучении потребительской социализации детей и подростков.

Таким образом, актуальность изучения потребительской социализации в современной России в сочетании с использованием накопленного зарубежного опыта при четком понимании культурно-исторической специфики этого процесса и применении методологической рефлексии обладает потенциалом не только обогащения научного «академического» знания, но и совершенствования законодательства и правоприменительной практики в области рекламирования товаров и услуг для детей.

Литература

1. *Тощенко Ж.Т.* Социология. Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Прометей; Юрайт-М, 2001. 527 с.
2. *Андреева Г.М.* Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. 364 с.
3. *Ильясов Ф.Н.* Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. М.: ИМА-пресс, 2000. 200 с.

4. *Бабанов И.В.* Механизмы спортивной социализации молодежи в социальном пространстве современного спорта: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.: РГГУ, 2017. 28 с.
5. *Колосова Е.А.* Потребительская социализация детей: подходы и практики // Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: коллективная монография / науч. ред. С.Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2017. С. 139–156.
6. *Nairn A.* Children and brands // *Understanding Children as Consumers* / D. Marshall (ed.). London: SAGE Publ. Inc., 2010. P. 96–114.
7. *Журавлев А.Л., Дробышева Т.В.* Детерминация экономической социализации детей и подростков: теоретический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Психология и педагогика». 2009. № 2. С. 16–20.
8. *Осипова Т.Ю., Клименко Н.А., Тарасова Е.Д.* Способ финансирования высшего образования как фактор финансовой социализации студентов // Проблемы учета и финансов. 2015. № 3 (19). С. 31–35.
9. *Ward S.* Contributions of Socialization Theory to Consumer Behavior Research // *American Behavioral Scientist*. 1978. Vol. 21 (4). P. 501–514.
10. *Roedder John D.* Consumer Socialization of Children: A Retrospective Look at 25 Years of Research // *Journal of Consumer Research*. 1999. Vol. 26 (3). P. 183–213.
11. Федеральный Закон «О рекламе» РФ-№ 38-ФЗ (редакция 2017) // ipirip.ru URL: <http://ipirip.ru/zakon-o-reklame/6/> (дата обращения 15 окт. 2017).
12. *Cody K.* Consuming in the Thresholds: Stepping outside Socialization Theory to Understand the Contemporary Child Consumer // *Research in Consumer Behavior*. 2013. Vol. 15. P. 73–96.
13. *De la Ville V-I., Tartas V.* Developing as consumers // *Understanding Children as Consumers* / D. Marshall (ed.). London: SAGE Publ. Inc., 2010. P. 23–40.
14. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. Пер. с фр. М.: Просвещение, 1969. 659 с.
15. *Young B.* Children and advertising // *Understanding Children as Consumers* / D. Marshall (ed.). London: SAGE Publ. Inc., 2010. P. 115–131.
16. *Бандура А.* Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 318 с.
17. *Russel R., Tyler M.* Branding and Bricolage: Gender, Consumption and Transition // *Childhood*. 2005. Vol. 12 (2). P. 221–237.
18. *Lassare D., Roland-Lévy C.* Understanding Children's Economic Socialization // *Understanding Economic Behavior* / K.G. Gruenert, F. Olander (eds.). Dordrecht: Kluwer Academic, 1989. P. 347–368.
19. *Kumar S.* Children Influence in the Process of Family Purchase Decision for High, Low & Child-Centric Products // *Researchers' World. Journal of Arts, Science and Commerce*. 2013. Vol. VI. Issue 3 (1). P. 34–44.
20. *Ali A., Batra D.K., Ravichandran N., Mustafa Z., Rehman S.U.* Consumer Socialization of Children: Conceptual Framework // *International Journal of Scientific and Research Publications*. 2012. Vol. 2 (1). P. 1–5.
21. *Flouri E.* Exploring the Relationship between Mothers' and Fathers' Parenting Practices and Children's Materialist Values // *Journal of Economic Psychology*. 2004. Vol. 25. P. 743–752.

22. *Tinson J., Nancarrow C.* Children and shopping. Understanding Children as Consumers / D. Marshall (ed.). London: SAGE Publ. Inc., 2010. P. 132–148.
23. Ekstrom K.M. Consumer socialization in families. / D. Marshall (ed.). London: SAGE Publ. Inc., 2010. P. 41–60
24. *Senthilkumar S., Ramachandran T.* Social Networking: A Via Media for Consumer Socialization // PROCEEDINGS FOR 2011 INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE AND COLLOQUIUM. Contemporary Research Issues and Challenges in Emerging Economies. Graduate School of Business, University Tun Abdul Razak, Kuala Lumpur, 1–9 Nov., 2011. Kuala Lumpur, 2011. P. 339–359.
25. *Nguen Chaplin L., Rhoedder John D.* Growing up in a Material World: Differences in Materialism in Children and Adolescents // Journal of Consumer Research. 2007. Vol. 34 (3). P. 480–493.
26. *Moore E.S., Lutz R.J.* Children, Advertising, and a Product Experiences: a Multi-method Inquiry // Journal of Consumer Research. 2000. Vol. 27. P. 31–47.
27. *Skevik Grodem A.* Household Poverty and Deprivation Among Children: How strong are the Links? // Childhood. 2008. Vol. 15. P. 107–125.
28. *Roland-Levy Ch.* Children and money // Understanding Children as Consumers / D. Marshall (ed.). London: SAGE Publ. Inc., 2010. P. 149–164.

References

1. Toschenko ZhT. Sociology. General course. 2nd ed. Moscow: Prometei; Yurait-M Publ.; 2001. 527 p. (In Russ.)
2. Andreeva GM. Social Pssychology: textbook for universities. 5th ed., revised and enlarged Moscow: Aspekt Press Publ.; 2003. 364 p. (In Russ.)
3. Ilyasov FN. Political marketing. Art and science of winning elections. Moscow: IMA-press Publ.; 2000. 200 p. (In Russ.)
4. Babanov IV. Mechanisms of youths' sport socialization in social environment of modern sport. [avtoref. ... kand. sotsiol. nauk]. Moscow: RGGU Publ.; 2017. 28 p. (In Russ.)
5. Kolosova EA. Consumer socialization of children. Approaches and practice V: Maiorova-Shcheglova SN., ed. *Childhood of the 21st century in the socio-humanitarian perspective. New theories, phenomena and concepts. A collective monograph.* Moscow: ROS Publ.; 2017. p. 139-56. (In Russ.)
6. Nairn A. Children and brands. Marshall D., ed. *Understanding Children as Consumers.* London: SAGE Publ. Inc., 2010. p. 96-114.
7. Zhuravlev AL., Drobyisheva TV. Determination of economic socialization among the children and the adolescents. Theoretical analysis. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika.* 2009;2:16-20. (In Russ.)
8. Osipova TYu., Klimenko NA., Tarasova ED. Mode of financing institutioins of higher education as a factor in students' finance socialization. *Problemy ucheta i finansov.* 2015;3(19):31-5. (In Russ.)
9. Ward S. Contributions of Socialization Theory to Consumer Behavior Research. *American Behavioral Scientist.* 1978;21(4):501-14.
10. Roedder John D. Consumer socialization of children: A Retrospective Look at 25 Years of Research. *Journal of Consumer Research.* 1999; 26(3):183-213.

11. Federal law "On commercials" RF-№38-ФЗ (2017 version). Ipipip.ru [Internet]. [data obrashcheniya 15 oct. 2017]. URL: <http://ipipip.ru/zakon-o-reklame/6/> (In Russ.)
12. Cody K. Consuming in the Thresholds: Stepping outside socialization theory to understand the contemporary child consumer. *Research in Consumer Behavior*. 2013;15:73-96.
13. De la Ville VI., Tartas V. Developing as consumers. Marshall D., ed. *Understanding Children as Consumers*. London: SAGE Publ. Inc., 2010. p. 23-40.
14. Piaget J. Selected Psychological works. Transl. from French. Moscow: Prosveshchenie Publ.; 1969. 659 p. (In Russ.)
15. Young B. Children and advertising. Marshall D., ed. *Understanding Children as Consumers*. London: SAGE Publ. Inc., 2010. p. 115-31.
16. Bandura A. A Theory of Social Learning. Saint Petersburg: Evraziya Publ.; 2000. 318 p. (In Russ.)
17. Russel R., Tyler M. Branding and Bricolage: Gender, Consumption and Transition. *Childhood*. 2005;12:221-37.
18. Lassare D., Roland-Lévy C. Understanding children's economic socialization. KG. Gruenert, F. Olander, eds. *Understanding Economic Behavior*. Dordrecht: Kluwer Academic, 1989. p. 347-68.
19. Kumar S. Children Influence in the Process of Family Purchase Decision for High, Low & Child-Centric Products. *Researchers' World. Journal of Arts, Science and Commerce*. 2013;VI.3:34-44.
20. Ali A., Batra DK., Ravichandran N., Mustafa Z., Rehman SU. Consumer Socialization of Children: Conceptual Framework. *International Journal of Scientific and Research Publications*. 2012;2:1-5.
21. Flouri E. Exploring The Relationship Between Mothers' and Fathers' Parenting Practices and Children's Materialist Values. *Journal of Economic Psychology*. 2004;25:743-52.
22. Tinson J., Nancarrow C. Children and shopping. Marshall D., ed. *Understanding Children as Consumers*. London: SAGE Publ. Inc., 2010. p. 132-48.
23. Ekstrom KM. Consumer socialization in families. Marshall D., ed. *Understanding Children as Consumers*. London: SAGE Publ. Inc., 2010. p. 41-60.
24. Senthilkumar S., Ramachandran T. Social Networking: A Via Media for Consumer Socialization. *PROCEEDINGS OF 2011 INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE AND COLLOQUIUM. Contemporary Research Issues and Challenges in Emerging Economies*. Graduate School of Business, University Tun Abdul Razak, Kuala Lumpur, 1-9 Nov., 2011. Kuala Lumpur, 2011. p. 339-59.
25. Nguen Chaplin L., Rhoedder John D. Growing up in a material world: differences in materialism in children and adolescents. *Journal of Consumer Research*. 2007;34: 480-93.
26. Moore ES., Lutz RJ. Children, advertising, and a product experiences: a multimethod inquiry. *Journal of Consumer Research*. 2000;27:31-47.
27. Skevik GA. Household poverty and deprivation among children: how strong are the links? *Childhood*. 2008;15:107-25.
28. Roland-Levy Ch. Children and money. Marshall D., ed. *Understanding Children as Consumers*. London: SAGE Publ. Inc., 2010. p. 149-64.

Информация об авторах

Владимир В. Солodников, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Solodnikovv@mail.ru

Надежда В. Солodникова, аспирант факультета социологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nadia.v.solodnikova@yandex.ru

Information about the authors

Vladimir V. Solodnikov, Ph.D. in Sociology, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; Solodnikovv@mail.ru

Nadezhda V. Solodnikova, postgraduate student in Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; nadia.v.solodnikova@yandex.ru

Зачем нужны отцы: размышления детей о важности отцов и их роли в семье

Ирина О. Шевченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sheviren@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования «Дети об отцах», проведенного среди учащихся колледжей в 2017 г. Самое распространенное суждение детей: ребенку нужны оба родителя. На отца возлагается роль главы семьи. Дети указывали, что отец обеспечивает семью (роль «добытчика»), но главным для детей оказалось то, что отец является воспитателем, наставником, защищает и поддерживает своего ребенка и семью в целом. Отец формирует у ребенка те качества, которые не всегда умеет сформировать мать: инициативность, самостоятельность, смелость, сдержанность, силу воли, умение держать слово, отстаивать свою точку зрения, мужество и стойкость. Для мальчика отец является образцом для подражания, для девочки – примером мужчины и будущего мужа. В полной семье, с точки зрения детей, закладывается правильная модель отношений мужчин и женщин, а также модель семьи. Дети констатируют изменение отношений в современной семье, указывают, что распределение обязанностей стало менее жестким, отцы справляются с уходом за детьми и другими семейными делами не хуже, чем матери. Многие дети отрицательно относятся к разводам и матерям, которые решили воспитывать ребенка одни. При этом дети фиксируют как падение авторитета безответственных отцов, так и нелицеприятное общественное мнение о таких отцах и об отцовстве. В высказываниях детей о семье прослеживаются традиционные представления и ценностные ориентации.

Ключевые слова: отец, отцовство, дети, мать, семья, воспитание

Для цитирования: Шевченко И.О. Зачем нужны отцы: размышления детей о важности отцов и их роли в семье // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 65–73. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-65-73

Fathers, why are they needed? Children's reflection on the importance of fathers and their role in the family

Irina O. Shevchenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; sheviren@yandex.ru*

Abstract. The paper presents results of A survey “Children about Fathers” done among College students in 2017. The most common students’ judgment proved to be that a child needs both parents. The father is to be the head of the family. Children pointed out that the father provides for the family (the role of a “breadwinner”), but the most relevant role for the father, according to them, is that of a tutor, a mentor who protects and supports his child and the whole family. The father forms with the child those character traits that the mother does not always know how to do: enterprise, independence, boldness, reserve, willpower, the ability to keep one’s word, to defend one’s point of view, courage and steadfastness. For a boy, the father gives a pattern to emulate; for a girl, he is a model of a man and of a future husband. From the children’s point of view, in a full family the true model of relations between men and women, as well as the family model are laid. Children note a change in family relations of the modern family. They point out that duty assignments have become less rigid, and the fathers cope with child’s care and other household chores as well as the mothers do. Many children show a negative attitude to divorces and to single mothers who choose to take upon themselves the child’s upbringing. At the same time, children note a decline in the irresponsible father’s authority and the unfavourable public opinion about such fathers and their fatherhood. Traditional concepts and values can be traced in the children’s views on the family.

Keywords: father, fatherhood, children, mother, family, upbringing

For citation: Shevchenko IO. Fathers, why are they needed? Children’s reflection on the importance of fathers and their role in the family. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series.* 2018;2:65-73. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-65-73

Введение

Вектор отношения к отцам и отцовству в российском обществе сегодня меняется, пускай и очень медленно. Вот уже, согласно опросу ВЦИОМ 2017 г., «72% опрошенных считают, что мужчина не хуже жены может справиться с обязанностями по уходу за детьми и ведению домашнего хозяйства» [1]. Такие же данные приводят российские исследователи [2,3]. 67% «однозначно согласны» и 21% «скорее согласны», что «какие бы отношения ни складывались у супругов после развода, мать не должна ограничивать общение детей со своим отцом» [1]. На практике дела обстоят не так радужно, так как от общественного мнения до юридической практики дистанция такая же огромная, как от судебного решения об участии отца в жизни ребенка до его выполнения [4]. Но важно то, что проблемы постепенно осознаются обществом. На этом фоне представляет интерес мнение о важности отцовства и детей об их отцах. С другой стороны, дети – будущие родители, возможно, именно в их поколении ситуация значительно улучшится.

В статье представлены результаты исследования «Дети об отцах», проведенного среди учащихся средних специальных учебных заведений 1–4 курсов в 2017 г. Студентов колледжа попросили написать эссе об отце в семье, ответив на вопросы: какова роль отца в семье? Что отец дает своему ребенку и чему может научить? Насколько важен отец в семье?

Молодых людей просили обозначить пол и возраст, но не указывать фамилию. Только четверть признались, что у них нет отцов или родители разведены, что оказалось неожиданным: предполагали большее число разведенных семей. Мы получили поразительные тексты, временами очень откровенные. Удивила глубина размышлений студентов, широкий охват проблем современных семей и отцовства.

Значимость отца и его роль в семье

Анализ текстов и обобщение показали следующее. Самое распространенное суждение детей: **ребенку нужны оба родителя**. Не было ни одного человека, кто сказал бы, что ребенок вполне может обойтись без отца. «...От матери дети получают такие качества, как чуткость и доброту к людям, умение ценить ласку и дарить её другим. А от отца дети получают силу воли, умение отстаивать свою точку зрения, бороться и побеждать. Также мужество и стойкость.

Полноценная личность может сформироваться только под влиянием и отца, и матери» (ж, 17 лет^{*}). «Отец может объяснить какую-нибудь жизненную ситуацию, о которой не знала мать, отец может научить навыкам, которых нет у матери, а также это все дает другой взгляд на ситуацию, выработку у чада критического мышления, что, конечно же, является очень важным моментом в вопросе воспитания подрастающей личности. В общем, наличие отца в семье может определить уровень интеллекта ребенка в последующем, ведь чем больше неокрепшее сознание впитывает в себя, тем больше шансов того, что у этого ребенка получится найти себя в жизни и сделать что-то для этого мира» (ж, 19). Дети писали, что отец и мать в семье взаимно дополняют друг друга, каждый вкладывает в ребенка что-то свое, в результате чего он получает целостную картину мира, овладевает разнообразными знаниями и умениями, формируется разносторонним и психологически устойчивым.

Дети подчеркивали, что «самая главная роль в семье – это роль папы» (ж, 19), «роль отца в семье самая важная» (ж, 18). Таким образом, на отца возлагается роль *главы семьи*. Конечно, большинство детей указывали на роль *«добытчика»* («зарабатывает деньги для семьи»), но – вот удивительно – главным оказывалось не это, а моменты, связанные с *воспитанием, наставничеством*. «Отец может сформировать у ребенка способность к инициативе. Отец меньше опекает детей, предоставляя им больше самостоятельности» (ж, 19), «он учитель, который открывает перед ребенком нелегкую дорогу жизни, учит сдержанности, умению держать свое слово» (м, 19). Дети обращали внимание на те моменты воспитательного воздействия отца, которые присущи только ему как мужчине. Речь о том, что отец *формирует у ребенка те качества, которые не всегда или никогда не умеет сформировать мать*: инициативность, самостоятельность, смелость, сдержанность, силу воли, умение держать слово, отстаивать свою точку зрения, мужество и стойкость.

В высказываниях детей подчеркивается роль отца как *защитника*: «Настоящий отец – это старший товарищ, который всегда поймет, станет на защиту» (м, 19), «отец защитит тебя в любой сложной ситуации» (ж, 18). Но помимо защиты ребенка, дети имеют в виду и более глобальную функцию отца – защищать семью в целом от всех невзгод и неприятностей. «Отец – своеобразный щит семьи. Своим примером он может вдохновить других ни при

* В скобках после высказываний респондентов будут указываться пол и возраст. Условные обозначения: женщина – ж, мужчина – м.

каких обстоятельствах не опускать руки» (ж, 17). «Ведь папа может и маму защитить, и детей» (ж, 17). Обозначается также функция **поддержки**: «Он будет очень сильно гордиться вами, а если что-то не будет получаться, то он поможет или подскажет» (ж, 18). Функция защиты и поддержки рассматривается детьми как одна из основных, об этом сказали практически все дети.

В рассуждениях детей об этой роли отца встречаются и горькие высказывания: «Современный отец не выполняет своих функций. Сегодня воспитанием ребенка чаще всего занимается мать, а отец занимает позицию “я добытчик” или “не трогайте меня, я устал”. Очень редко в современном мире можно встретить полноценные семьи, где отец участвует в воспитании ребенка наравне с матерью... Отец отходит в сторону, потому что это ему “не интересно”, “сложно” или по любой другой причине» (м, 23). Отметим, что таких высказываний не очень много, но они встречаются, иногда являясь отражением собственного опыта, но чаще – наблюдением за жизнью.

Почти в каждом тексте дети акцентировали внимание на **гендерных аспектах воспитания и общения с отцом**. Это относится и к юношам, и к девушкам. «Только отец может научить тебя основам. Например, как забить гвоздь в стену или как пользоваться шуруповертом, дрелью и другими различными электрическими инструментами. Он также помогает тебе стать настоящим мужчиной. А иногда играет роль связующего между сыном и матерью. Иногда и отругает за некоторые вещи. Отец – это тот человек, который поможет тебе во всех твоих начинаниях и подскажет верное решение для данной ситуации» (м, 23). «Для девочки отец – пример мужа» (ж, 18). «Для мальчика – это передача жизненного опыта, обучение мужским делам, мужское воспитание... Для девочки отец – это защита, он должен являться примером того, каким должен быть мальчик» (м, 18 лет). «Любовь отца учит и сына, и дочь тому, как может проявить себя любовь мужчины к детям, к жене, к окружающим» (ж, 19). Для мальчиков отец – обычно самое значимое лицо в семье. Но и девочки признаются в любви к отцу, часто называя себя «папиной дочкой».

В полной семье, с точки зрения детей, закладывается **правильная модель отношений мужчин и женщин**: «Отец нужен детям для их гармоничного развития. Если ребенок с детства видит маму и папу, видит, какие между ними отношения, это формирует его более полноценным. Ведь недаром дети из неполных семей зачастую испытывают сложности во взаимоотношениях с противоположным полом» (м, 17). **Модель семейных отношений** тоже «сресо-

ываается» с семьи родителей, а если ее нет, то могут возникнуть проблемы: «Девочки и мальчики, выросшие без отцов, становятся хорошими работниками, верными товарищами, но очень сложно им даются трудности семейной жизни» (ж, 19).

Дети фиксируют изменение отношений в семье, указывают, что распределение семейных обязанностей стало менее жестким, отцы справляются с уходом за детьми и другими семейными делами не хуже, чем матери. Социологи называют такое явление «новое отцовство» [5,6]. «Семейные пары все чаще разрушают стереотипы половых ролей в семье; все больше отцов, засучив рукава, полностью берут на себя заботы по уходу за детьми... В таких семьях папы справляются с премудростями ухода не хуже мам» (м. 21). «...Отец должен быть главой семьи, помогать жене и детям, зарабатывать деньги, помогать по дому... Но важно не только растить детей в полной семье, но и не сводить роль отца к зарабатыванию денег. Если говорить о равноправии, то вклад в семью со стороны отца и матери должен быть равнозначным» (ж, 17).

Оценка детьми отрицательных явлений в семье

Дети, выросшие в неполных семьях, говорили о том, как им не хватало отцовского влияния: «...У меня не было отца с моего рождения... Мне его очень не хватало, а именно отцовской поддержки и наставления» (м, 18); «без мужчины в доме семья неполноценна» (ж, 18).

Многие дети **отрицательно относятся к разводам**, некоторые высказываются довольно резко: «...Люди, прожившие всего несколько лет в браке и родившие одного, а то и двух детей, разошлись по причине “несхожести характеров”... Я считаю, что подобные расторжения браков не только низкие, но и совершенно безответственные со стороны обоих родителей. Подобные родители заводят детей, как бы ни было печально, для себя; как они сами выражаются – “Это мой ребенок, я родил(а) его, потому что я могу”. А дальше идет искалеченная судьба еще одного неокрепшего сознания, психологические травмы...» (ж, 19). Почему они так считают? Во-первых, ребенку будет не хватать внимания вниманья работающей матери. Во-вторых, ребенок зачастую «отсекается» от общения с отцом и его интеллектуальной и эмоциональной поддержки. В-третьих, неполная семья не является гармоничной, потому что в ней наблюдается дефицит поддержки друг друга вследствие неполноты семьи и нехватки времени. Наконец, правильная модель семейных отно-

шений выстраивается только в полной семье. «Только тогда у ребенка будет хорошее детство, он будет подготовлен к предстоящим жизненным трудностям и всегда будет знать, что у него есть на кого положиться в сложной ситуации» (ж, 19). Впрочем, указывает другой, «...если у родителей возникают конфликты, дело идет к разрыву, то не следует сохранять семью ради ребенка. Видя постоянные скандалы, взаимное неуважение, ребенок вырастает в убеждении, что это и есть норма» (м, 17).

Достается и матерям-одиночкам, решившим родить ребенка «для себя», дети видят в этом материнский эгоизм («могу родить ребенка и рожу»), а детям нужна полная семья.

Любопытно, что в некоторых работах дети писали, что прежде чем стать отцом – до этого нужно дозреть: «Прежде чем стать отцом, он должен это духовно прочувствовать» (м, 18 лет). Еще дети пишут, что то, каким отцом станет мужчина, зависит от того, как его воспитывали в детстве.

Сравнительный анализ высказываний студентов колледжей и студентов вузов [7] показывает, что их мнения о роли и важности отцов практически совпадают.

Заключение

Отец выполняет в семье множество ролей. Всем обеспечивает, дает мудрые советы, воспитывает и наставляет, является примером для детей и опорой семьи, поддержит в трудную минуту. *«Отец в семье дает определенный образец поведения, является источником уверенности и авторитета, олицетворением дисциплины и порядка»* (м, 21). Большинство детей указывает на отца как главу семьи. Значимость отца в глазах детей неизменна, мать, бабушка и другие родственники его не заменят. Счастливым исключением может стать отчим – человек, выполняющий роль отца (есть теплые отзывы об отчимах, их дети называют исключительно папами). При анализе текстов особенно заметно обозначение – практически во всех текстах – функции защиты и поддержки. Вероятно, это то, в чем больше всего нуждаются дети в современном сложном, непредсказуемом мире. При этом дети фиксируют как падение авторитета безответственных отцов, так и стремление некоторых женщин родить детей «для себя» – и осуждают это. Наверно, в таких высказываниях детей проглядывает возрастной максимализм, жизнь позже скорректирует многое. Иначе возникает вопрос: откуда же берутся потом «странные взрослые», проделывающие все это? Тем не менее

ясно, что, говоря словами одного молодого человека-информанта, «семья без отца – это не жизнь».

Следует отметить, что в высказываниях детей об отцах и о матерях, об отношениях мужчин и женщин прослеживаются традиционные представления о семье. Трансформировались разве что некоторые родительские роли и их воплощение в повседневных практиках ухода и взаимодействия с детьми («новое отцовство»). Несмотря на многочисленные изменения института семьи (рост числа разводов, внебрачных рождений, добрачных сожительств и незарегистрированных официально браков), мы остаемся традиционной страной с традиционными семейными ценностными ориентациями.

Литература

1. Опрос: Отец сегодня – больше, чем отец? // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116177> (дата обращения 12 янв. 2017).
2. Безрукова О.Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118–130.
3. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 116–125.
4. Шевченко И.О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 70–77.
5. Безрукова О.Н. Ресурсы и сети поддержки ответственного родительства в молодых семьях. СПб., 2011. 216 с.
6. Рождественская Е.Ю. Либеральный тренд от «отца» к «папе» // Социологический журнал. 2010. №3. С. 75–89.
7. Шевченко И.О. Значимость отца в представлениях выросших детей // Вестник РГГУ. 2011. № 3 (65) //11. Серия «Социологические науки». С. 231–239.

References

1. Is father more than father today? The poll. VCIOM [Internet]. [data obrashcheniya 12 jan. 2017]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116177> (In Russ.)
2. Bezrukova ON. Fatherhood in the society undergoing transformation. Mothers' expectations and fathers' practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2013;11:118-30. (In Russ.)
3. Bezrukova ON., Samoylova VA. Paternity leave in Russia. A dream or reality? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017;7:116-25. (In Russ.)
4. Shevchenko IO. Situation after divorce. Fathers and children. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015;3:70-7. (In Russ.)

5. Bezrukova ON. Resources and support networks of responsible parenthood in young families. Saint-Petersburg, 2011. 216 p. (In Russ.)
6. Rozhdestvenskaya EYu. Liberal trend from “father” to “daddy”. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2010;3:75-89. (In Russ.)
7. Shevchenko IO. The Importance of the father in the views of grown children. *RSUH/RGGU Bulletin. “Social Studies” Series*. 2011; 3(65):231-39. (In Russ.)

Информация об авторе

Ирина О. Шевченко, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sheviren@yandex.ru

Information about the author

Irina O. Shevchenko, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; sheviren@yandex.ru

УДК 94(32)

DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-74-88

Сцены награждения в эпоху Древнего царства: к вопросу о становлении древнеегипетской «системы хвалы»

Елена С. Ершова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lena.s.ershova@gmail.com*

Аннотация. Расцвет феномена награждения придворных чиновников и воинов царем за верную службу относится к XVIII династии, однако «система хвалы» между царем и знатью складывается еще в эпоху Древнего царства. Данная статья посвящена комплексному анализу вещественных, изобразительных и письменных свидетельств награждения древнеегипетских рабочих и чиновников времени Древнего царства. Предпринятый анализ позволил выявить особенности композиции сцен награждения, выстроить типологию наград эпохи Древнего царства и проследить процесс становления традиции награждения чиновников «золотом почести».

Ключевые слова: Древний Египет, Древнее царство, сцены награждения, автобиографии чиновников, награды, ожерелья, диадемы.

Для цитирования: Ершова Е.С. Сцены награждения в эпоху Древнего царства: к вопросу о становлении древнеегипетской «системы хвалы» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 74–88. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-74-88

Rewarding scenes in the Old Kingdom. Towards the development of the “honour system” in the Ancient Egypt

Elena S. Ershova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, lena.s.ershova@gmail.com*

Abstract. Phenomenon of rewarding the court officials and warriors by the king for true service flourished during the period of XVIII-th dynasty, however, “honour system” in relation between the king and the nobility had been developed in the Old Kingdom already. This article contains a complex analysis of material, imaginary and written sources on rewarding ancient Egyptian workers and officials in the Old Kingdom. The analysis allowed us to explore the peculiarities of honour scene composition, define the reward typology during the Old Kingdom, and follow the making of a tradition of rewarding officials with “gold of the honour”.

Keywords: Ancient Egypt, Old Kingdom, rewarding scenes, autobiographies of officials, reward, necklaces, diadems

For citation: Ershova ES. Rewarding scenes in the Old Kingdom. Towards the development of the “honour system” in the Ancient Egypt. *RSUH/ RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series.* 2018;2:74-88. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-74-88

Расцвет феномена награждения придворных сановников и воинов царем за верную службу относится к эпохе Нового царства, что подтверждается значительным количеством исторических источников: автобиографиями чиновников, статуями и изображениями сановников с полученными от царя наградами, а также сценами, иллюстрирующими награждение фараоном представителей знати, которые появляются в частных гробницах в правление Тутмоса IV и продолжают существовать на протяжении всего Нового царства [1]. В эту эпоху существует уже сложившийся комплекс наград *nw n Hswt* – «золота восхваления» или, как еще переводят этот термин, «золота почести», в который входят:

ожерелье-оплечье Sbyw, парные браслеты awaw, браслеты msktw, благовония в виде конуса из смеси жира и благовоний, иногда – диадемы (головные повязки) Tsw. За военные заслуги царь мог даровать также подвески в виде мух или львов и наградное оружие – золотые и серебряные кинжалы и топоры [2].

Однако система поощрительных взаимоотношений между царем и знатью складывается еще в эпоху Древнего царства. Как известно, в Древнем Египте до эпохи Нового царства не существовало денежной системы, в результате чего оплата труда производилась натуральным способом (продукты питания, одежда, ткани). Помимо этого складывается дополнительная система награждений – так называемая Hswt-система (букв. «хвала» или «система хвалы») – когда царь награждал своих чиновников материальными благами за верную службу. Фараон мог даровать отличившемуся сановнику саркофаг или другую гробничную утварь, а также различные материалы для строительства гробницы или даже саму гробницу. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что среди всех царских милостей по отношению к частным лицам практически отсутствуют любые имущественные пожалования (земля, люди, скот) [3 с. 154]. Однако уже с эпохи Древнего царства до нас доходят свидетельства о награждении работников и чиновников золотыми украшениями. Основными источниками являются автобиографии вельмож и сцены награждения из частных гробниц и поминальных храмов царей V династии.

Хотя наибольшее распространение сцены награждения получили именно в эпоху Нового царства, впервые они появляются еще в Древнем царстве. До нас дошло всего семь подобных сцен, датируемых периодом с конца IV до VI династии, расположенных в частных гробницах Сенеба, Ахетхетепа, Небемахета и Птаххетепа в некрополе Гизы и храмовых комплексах царей Сахура и Ниусерра в Абусире.

Сцены награждения из храмового комплекса Сахура в Абусире имеют плохую сохранность, фрагменты процесса награждения чиновников, а также царских строителей были найдены в северной и восточной части сокровищницы соответственно. На основании этого Л. Борхард высказал предположение, что уже в эпоху V династии была сложившаяся традиция награждения сановников и царских работников в сокровищнице, и именно поэтому эти сюжеты были использованы для оформления стен сокровищниц храмовых комплексов Сахура и Ниусерра в Абусире [4 р. 62].

О композициях данных сцен говорить довольно трудно из-за фрагментарности рельефов. В храмовом комплексе царя Сахура

в Абусире сохранилось лишь три фрагмента от сцен награждения. На первом фрагменте [4 pl. 52] мы видим изображение чиновников в три регистра. В нижнем регистре с левой стороны стоят два или три награждаемых чиновника (точное количество фигур невозможно определить из-за плохой сохранности фрагмента), у одного из них мы видим ожерелье-оплечье с прикрепленной к нему пекторалью. С правой стороны изображены три служителя сокровищницы, что следует из того наблюдения, что один из них держит в руках награды – ожерелье-оплечье (?) и длинное ожерелье, которое носилось на шее так, что свободные концы спадали на грудь [5 abb. 13], двое других склонились в поклоне. Во втором регистре в центре изображен чиновник, надевающий ожерелье-оплечье с прикрепленной к нему пекторалью, а вокруг него мы видим пять служителей сокровищницы, склонившихся в поклоне. В верхнем регистре в центре вновь изображен чиновник с ожерельем-оплечьем и прикрепленной к нему пекторалью и с еще одним ожерельем в руках, а вокруг него шесть служителей сокровищницы, склонившихся в поклоне.

Второй фрагмент сцены [4 pl. 53] имеет худшую сохранность, на нем также показаны представители царской администрации в три регистра. Среди них мы видим не менее шести награжденных сановников. Они были награждены ожерельями-оплечьями с прикрепленной к ним пекторалью, диадемами с одним или двумя бантами и ожерельями-оплечьями без пекторалей, которые чиновники, как правило, держат в руке.

На третьем фрагменте, который был найден в восточной части сокровищницы [4 pl. 54], в верхнем регистре мы видим склонившихся в поклоне награжденных царских строителей Птахшепсеса, Раура и Семербу; они были награждены диадемами с одним или двумя бантами и ожерельями-оплечьями без пекторалей. В нижнем регистре не менее четырех награжденных строителей, они все были награждены диадемами с одним или двумя бантами и ожерельями-оплечьями у одного из них ожерелье с пекторалью. Невозможно определить, за какие заслуги были награждены чиновники в связи с фрагментарностью сцен награждения, сопроводительный текст практически не сохранился. На данных фрагментах рельефов уцелели лишь отрывки текста, свидетельствующие, что проводилось награждение чиновников: упоминания о материале наград встречается знак  nbw – «золото», о дарении золота  Ssp nbw – «получение золота», а также фрагменты фразы, содержащей слово  Hswt – «(дарование?) хвалы».

Сцена награждения из храмового комплекса Ниусерра в Абу-сире [6 pl. 51] сохранилась крайне плохо за исключением двух фрагментов. Один из них содержит фразу Ssp nbw – «получение золота». Л. Борхард реконструирует текст [iwit] m-xt Ssp nbw in sbA.ty Hr.w-nbw – «приходящие после получения золота ученики Золотого Хора». На втором фрагменте изображены награжденные чиновники, которые напоминают по композиции сцену награждения из храмового комплекса Сахура.

Интересно, что набор вручаемых наград не зависит от социального статуса награждаемого. Высшим уровнем почета в эпоху Древнего царства было награждение чиновника во дворце, хотя сам царь в нем не принимает участия, в отличие от награждений эпохи Нового царства.

В связи с плохой сохранностью сцен награждения из царских храмовых комплексов рассматривать композиционные особенности возможно только на декоре частных гробниц Сенеба [5 abb. 7–8], Ахетхетепа [5 abb. 9], Небемахета [5 abb. 10] и Птаххетепа [5 abb. 11], расположенных в некрополе Гизы.

На одном из порталов ложной двери в мастабе Сенеба в Гизе (IV–V династия) (рис. 1) представлена сцена, посвященная принесению даров владельцу гробницы – карлику Сенебу (рис. 2). Сцена делится на четыре регистра, в верхнем изображен сам Сенеб, которому приносят в дар рулоны ткани, а два нижних регистра посвящены изображению двух награжденных ткачей (третий регистр) и трех ткачих (четвертый регистр).

В третьем регистре в центре композиции мы видим сидящего писца, за ним стоит работник, к писцу подходят два ткача Перу и Несекха, которые награждены ожерельями-оплечьями с пекторальями и диадемами с бантами. В нижнем регистре представлены три ткачихи в наградах: Импи была награждена ожерельем-оплечьем, Ихи – ожерельем-оплечьем с пекторалью и диадемой с бантом, а Нефрет – только ожерельем-оплечьем с пекторалью. Таким образом, здесь изображен не сам процесс награждения, а только его результат – награжденные работники и ткачихи. В верхнем регистре помимо имени Сенеба находится фраза  mAA a.wy prw pr mHt – «Смотр дел в доме ткачества». По всей видимости, награждение ткачей связано с инспекцией, которую Сенеб проводил в доме ткачества.

Более подробная сцена награждения ткачих находится в гробнице Ахетхетепа в Гизе (V династия) (рис. 3). Сцена разделена на четыре регистра. В правой части сцены представлен сам владелец



Рис. 1. Ложная дверь из гробницы Сенеба в Гизе
(Источник: Junker H. Giza V. Taf. IV)

гробницы, сидящий на стуле и принимающий полотно от работника; согласно древнеегипетскому канону, его изображение большего размера и занимает три регистра. В нижнем регистре мы видим работников, складывающих рулоны полотна в ящики, а также писцов, ведущих учет ткани. В верхнем регистре изображены работники, которые вытаскивают полотно из ящиков и подносят их Ахетхотепу. В двух центральных регистрах происходит само награждение женщин-ткачих. Мы видим три ящика с ожерельями-оплечьями, некоторые из них с пекторальями, длинными ожерельями, а также диадемами с двумя бантами и небольшими сосудами,

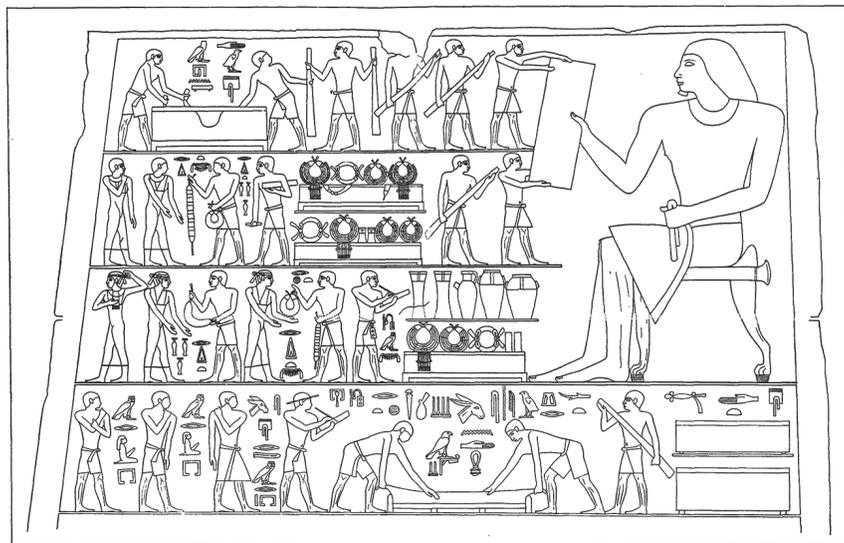


Рис. 3. Сцена награждения работников и ткачих из гробницы Ахетхотепа в Гизе (Источник: Junker H. Gîza V. Abb. 9)

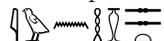
льем – одна рука лежит на груди. Возможно, подобным образом подчеркивается, какие именно награды были получены, передается почтение награжденных работников, изображение поз награжденных чиновников каноничны и связаны с полученными наградами, благодаря этому можно предположить, какие награды получил рабочий в эпоху Древнего царства, при плохой сохранности сцены.

Сцена из гробницы Небмахета близка по своей композиции к сцене награждения из гробницы Ахетхотепа, но имеет очень плохую сохранность. В правой части сцены находилось изображение владельца гробницы, которое не сохранилось. Левая часть разделена на четыре регистра: в первом и четвертом находятся изображения принесения полотна и укладки его в сундуки; во втором и третьем регистре мы видим сцены, связанные с награждением. Во втором регистре изображены столы с ожерельями-оплечьями и диадемами с бантом, а также работники, которые подносят их владельцу гробницы. В третьем регистре происходит награждение ткачих: двух награждают ожерельями-оплечьями, еще пять изображены уже награжденными. К сожалению, сцена сохранилась плохо,

но, судя по позам женщин, все они были награждены диадемами, а пять получили также и ожерелья-оплечья.

Сцена из гробницы Птаххотепа (рис. 4) сохранилась частично – в трех нижних регистрах. В правой части сцены изображен сам Птаххотеп, восседающий на стуле, у его ног с цветком лотоса сидит его жена. Перед ними сложены дары: сосуды различной формы, сундуки, ожерелья-оплечья. В трех регистрах показаны различные хозяйственные сцены, а также награждение ткачих. Всего было награждено 12 женщин: семь из них изображены в процессе награждения, а пять уходят с наградами. В верхнем регистре мы видим награждение четырех ткачих, первую одаривают ожерельем с большой пекторалью, вторую – ожерельем-оплечьем, третьей ткачихе работник подносит сундук, в котором, согласно надписи

 mT mrHt – «смотри, масло», находятся ароматические масла. Четвертую наградили ожерельем, которое она держит в руке, помимо этого работник дает ей подвеску (?). Около нее

мы видим надпись  iw n Hss.t – «Одна из тех, кто был восхвален». Еще три ткачихи уходят уже награжденные, на сгибе руки они несут повязки (ленты), в руках у двух из них сундучки, возможно с одеждой, как в следующем регистре.

Во втором регистре награждают двух ткачих повязками и сундучками с одеждой, над одним из сундучков надпись  mT Hbsw ikr – «смотри, одежда прекрасная», еще две ткачихи уходят со свертками одежды. В третьем регистре изображено награждение только одной ткачихи, работник передает ей перевязанный сверток, а на ее шее мы видим ожерелье-оплечье. Около ткачихи находится фраза  mT t iw nbw rdi – «смотри, хлеб, золото, которые были даны».

На блоке Berlin 15421 изображены четыре женщины Неферхет-хер, Неферет-ири, Хаут и Нефер-сешем. Первая из них, Неферхет-хер держит в каждой руке по ожерелью, одно из них украшено подвесками. На ней также надето ожерелье Sbyw (?) и ожерелье с каплевидной подвеской. За ней стоит Неферет-ири, которая держит в руке ожерелье с подвеской (возможно, пекторалью). Хаут и Нефер-сешем держат в руках по одному простому ожерелью.

В отличие от сцен эпохи Нового царства перед нами – награждение не самого владельца гробницы, высокопоставленного чиновника, а ткачих и работников из его хозяйства. Отсутствие сцен награждения, в которых участвует сам царь, в частных гробницах эпохи Древнего царства можно объяснить тем фактом, что в этот

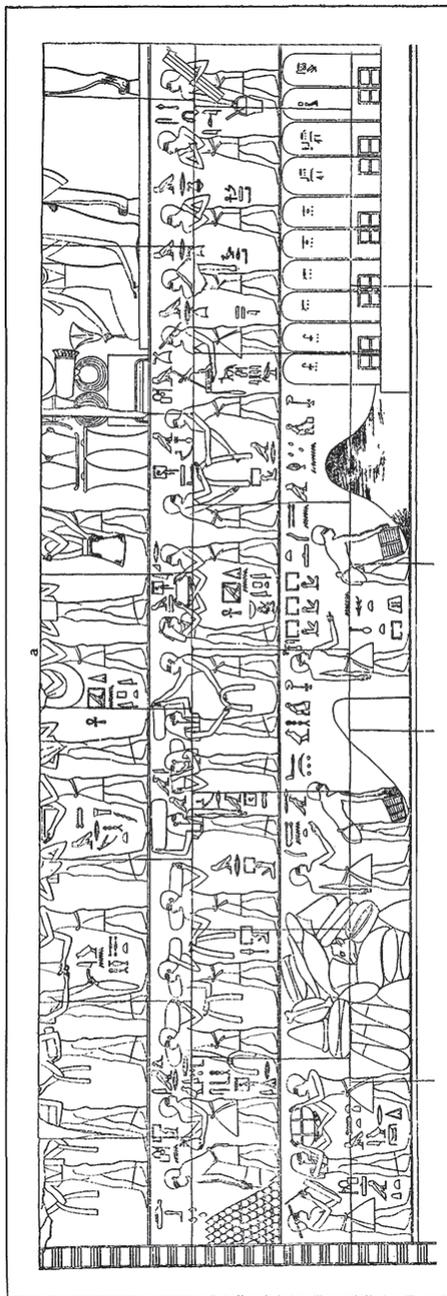


Рис. 4. Сцена награждения работников и ткачих из гробницы Небемахта в Гизе (Источник: Junker H. Giza V. Abb. 10)

людей разного социального статуса: как представителей царской администрации, так и стоящих на низших ступенях общественной лестницы работников – царских строителей, ткачей. Также виды наград не зависят от социального статуса их дарителя – это может быть царь (храмовые комплексы Сахура и Ниуссера) или вельможа (частные мастабы, Гиза).

Комплекс наград Древнего царства включает ожерелья-оплечья, в некоторых случаях ожерелье Sbyw, как в сцене награждения в гробнице Ахетхотепа, возможно в храмовых комплексах Сахура и Ниуссера в Абусире, у Нефер-хет-хер на блоке из Берлинского музея или на статуе неизвестного чиновника из Гизы [10, Pl. 153.], датируемой VI династией. Шею сидящего чиновника украшает широкое ожерелье-оплечье усех, а также, возможно, ожерелье Sbyw, состоящее из двух рядов дисковидных бусин. Ожерелье-оплечье усех часто может иметь дополнительные подвески разной формы – каплевидные или в виде пекторалей. Также к наградам времени Древнего царства относится длинное ожерелье, которое носилось на шее с концами, свободно свешивающимися на грудь. Помимо ожерелий в комплекс наград входили диадемы с одним или двумя бантами. Одна из подобных диадем сохранилась: это диадема из шахты 316 в мастабе S 309/316, датируемой рубежом IV и V династий [11]. Обруч декорирован двумя большими бантами с длинными лентами, расположенными по бокам от центральной части. Диадема выполнена из меди и покрыта сусальным золотом. Также среди наград присутствуют ароматические масла или мази в небольших сосудах, одежда и хлеб, мясо.

Следует также отметить тот факт, что комплекс наград, сложившийся в эпоху Древнего царства, не претерпел существенных изменений. В Древнем царстве награждали четырьмя видами ожерелий, в том числе ожерельем Sbyw, которое является основной наградой в эпоху Нового царства. Однако изменяется количество ожерелий, которыми награждают чиновника. В эпоху Древнего царства награждали, как правило, одним-двумя ожерельями, а в эпоху Нового царства количество варьируется от одного до двадцати. Также в качестве наград часто использовались благовония: сосуды с маслами для умащения – на рельефах Древнего царства или конусы благовоний – в Новом царстве [подробнее см: 2]. Таким образом, столь распространенная система поощрения царем приближенных сложилась еще в эпоху Древнего царства и, изменившись по форме, но не по сути, существовала и в дальнейшем.

Литература

1. *Ершова Е.С.* Иконография сцен награждения в древнеегипетских гробницах эпохи XVIII династии // *Артикульт.* 2017. № 4 (28). С. 49–58.
2. *Ершова Е.С.* «Золото почести» и «золото храбрости»: новый взгляд на разработку проблемы типологии древнеегипетских наград эпохи Нового царства // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение».* 2016. № 1 (3). С. 9–17.
3. *Шэхаб Эль-Дин Т.М.* Автобиография в Древнем Египте в эпоху IV–VII династий: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.
4. *Borchardt L.* Das Grabdenkmal des König Sahu-Re. 2 bd. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1913. Bd. 2. (VII–196 p.): 74 pl., 28 fig.
5. *Junker H.* Gîza: Grabungen auf dem Friedhof des Alten Reiches bei den Pyramiden von Gîza. V. Die Mastabas des "Snb" (Seneb) und die umliegenden Gräber / H.J. Bartholomäus (hrsg.). Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky, 1941. 213 p., XX pl., 61 fig.
6. *Borchardt L.* Das Grabdenkmal des Königs Ne-User-Re. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1907. 184 p., 28 pl.
7. *Большаков А.О.* Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб.: Алетейя, 2001. 288 с.
8. *Sethe K.* Urkunden des Alten Reichs. I. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1933. 308 p.
9. *Dunham D.* The biographical inscriptions of Nekhebu in Boston and Cairo // *Journal of Egyptian archeology.* 1938. № 24. P. 1–8, pl. I–II.
10. *Borchardt L.* Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire (Nr. 1–1294): Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten im Museum von Kairo. Teil 3. Text und Tafeln zu Nr. 654–950. Berlin: Reichsdruckerei, 1930. 168 p., 158 pl.
11. *Ярмолович В.И.* Египетские диадемы эпохи Древнего царства: проблема использования предметов-имитаций в погребальном обряде // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность.* 2016. № 3. С. 63–73.

References

1. Ershova ES. The iconography of the rewarding scenes in Ancient Egyptian tombs of the XVIII-th dynasty. *Articult.* 2017;4(28):49-58. (In Russ.)
2. Ershova ES. "Gold of the honour" and "gold of the courage". A new look at the development of a typology of honours and rewards in the Egyptian New Kingdom. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2016;1:9-17. (In Russ.)
3. Shehab El-Din TM. Autobiography in ancient Egypt in the era of the 4th–7th Dynasty [dis. ... kand. ist. nauk]. Saint-Petersburg, 1993. (In Russ.)
4. Borchardt L. Das Grabdenkmal des König Sahu-Re. 2 bd. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1913. Bd. 2. (VII-196 p.): 74 pl., 28 fig.

5. Junker H. Gîza: Grabungen auf dem Friedhof des Alten Reiches bei den Pyramiden von Gîza. V. Die Mastabas des "Snb" (Seneb) und die umliegenden Gräber. Bartholomäus H.J., hrsg. Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky, 1941. 213 p., XX pl., 61 fig.
6. Borchardt L. Das Grabdenkmal des Königs Ne-User-Re. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1907. 184 p., 28 pl.
7. Bol'shakov AO. Man and his Double. Pictorialism and World-view in Egypt of the Old Kingdom. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ.; 2001. 288 p. (In Russ.)
8. Sethe K. Urkunden des Alten Reichs. I. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1933. 308 p.
9. Dunham D. The biographical inscriptions of Nekhebu in Boston and Cairo. *Journal of Egyptian archeology*. 1938;24:1-8. pl. I-II.
10. Borchardt L. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire (Nr. 1-1294): Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten im Museum von Kairo. Teil 3. Text und Tafeln zu Nr. 654-950. Berlin: Reichsdruckerei, 1930. 168 p., 158 pl.
11. Yarmolovich V. The Egyptian diadems of the Old Kingdom. Use of imitation objects in funerary rites. *Orient. Afro-Asiatic Societies. The History and the Present*. 2016;3:63-73. (In Russ.)

Информация об авторе

Елена С. Ершова, преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lena.s.ershova@gmail.com

Information about the author

Elena S. Ershova, lecturer, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; lena.s.ershova@gmail.com

УДК 902(4)
DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-89-101

Пирро Лигорио и развитие европейской археологической мысли XVI века

Людмила Ю. Лиманская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lydmila55@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается антикварная деятельность Пирро Лигорио и членов Академии Сдегнати (1541–1545) (Accademia degli Sdegnati). Академия состояла из группы итальянских и французских (а также голландско-немецких) антикваров и ученых, обширная программа которых была основана на новом уровне научного изучения Витрувия и представляла собой первую всеобъемлющую попытку сформулировать цели классической археологии.

Ключевые слова: Лигорио, Accademia degli Sdegnati, научное изучение Витрувия, классическая археология

Для цитирования: Лиманская Л.Ю. Пирро Лигорио и развитие европейской археологической мысли XVI века // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 89–101. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-89-101

Pirro Ligorio and the development
of the European archaeological thought
in the 16th century

Lyudmila Yu. Limanskaya

*Russian State University for Humanities,
Moscow, Russia, lydmila55@mail.ru*

Abstract. The article examines the antiquarian activities of Pirro Ligorio and members of the Academy of Sdegnati (1541–1545) (Accademia degli Sdegnati). The Academy consisted of a group of Italian and French (and also Dutch-German) antiquarians and scientists whose extensive program was based on a new scientific study of Vitruvius, and represented the first comprehensive attempt to articulate the goals of classical archeology.

Keywords: Ligorio, Accademia degli Sdegnati, scientific study of Vitruvius, classical archeology

For citation: Limanskaya LYu. Pirro Ligorio and the development of the European archaeological thought in the 16th century. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;2:89-101. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-89-101

Если сопоставить значение термина «антикварий» в XV веке с тем, какое значение он получает во второй половине этого столетия, то становится очевидно, что именовавшие себя антиквариями Кириако из Анконы, Петрарка, Кола да Риенцо, Боккаччо по существу являлись знатоками (*cognoscenti*), искавшими в античной культуре художественные идеалы и нравственные смыслы. Копирование и коллекционирование памятников античного искусства получило широкое распространение не только среди гуманистов, но и у художников. Одними из первых к изучению античного наследия обратились Брунеллески и Донателло, которые исследовали руины прошлого с целью возродить хороший вкус в архитектуре. Вазари по этому поводу писал: «Мне думается, о нем [Брунеллески. – Л. Л.] можно было бы утверждать, что от времен

древних греков и римлян до наших дней не было художника более исключительного и отменного, чем он... Он же вновь открыл античные карнизы и вернул тосканский, коринфский, дорийский и ионийский ордера к их первоначальным формам» [1].

Начиная с середины XV века появился стиль художественной археологии, когда на основе зарисовок и копирования античных памятников создавались книги образцов, которые использовались в живописи, скульптуре и архитектуре для создания произведений в стиле *all'antica*. Воображаемая архитектура в античном стиле включалась в произведения станкового, монументального и декоративно-прикладного искусства.

Важную роль в развитии художественной археологии сыграл Дж. Сангалло (1445–1515), который на протяжении всей жизни копировал, обмерял, зарисовывал античные памятники [2]. Сангалло изображал античные памятники в планах и проекциях, детально зарисовывал капители, фризy, орнаменты и затем использовал эти мотивы в декорации собственных построек. Книга образцов Сангалло также содержала материалы, заимствованные у предшественников, одна из частей Ватиканского кодекса состоит из скопированных рисунков Кириако Анконского. Рисунок Софии Константинопольской с описями Кириако скопирован рукой сына Сангалло, Франческо, и точно воспроизводит не только графический стиль Кириако, но и его почерк. С книгой антикварных образцов Сангалло были знакомы его коллеги, Д. Гирландайо на основе этой книги образцов создал свой аналогичный альбом [3].

Члены археологической комиссии Рафаэля М.Ф. Кальво и А. Фульвио были следующим поколением ученых, профессиональная подготовка которых была связана с просветительской деятельностью Римской академии Помпония Лета (1464–1527). Академия видела свою миссию в изучении Древнего Рима и в обновлении и сохранении древнеримских традиций. Работа Академии характеризовалась комплексным историко-филологическим и археологическим изучением античных памятников, Помпоний и его ученики стремились развивать методы критической археологии, сопоставляя между собой литературные источники и памятники материальной культуры [4]. Перед членами археологической комиссии Рафаэля стояли аналогичные задачи: изучить, уточнить и критически переосмыслить открытия предшествующих исследователей. Цель, которую поставил Лев X перед Рафаэлем и его комиссией, – возрождение утраченного Рима.

Археологическая комиссия Рафаэля стала одним из первых опытов организации коллектива ученых-антиквариев, объеди-

ненных задачей изучения и реконструкции античного прошлого. Следующим этапом развития организованных археологических исследований становится вторая половина XVI века, время, в значительной степени связанное с антикварной деятельностью Пирро Лигорио и Академии Сдегнати (1541–1545) (*Accademia degli Sdegnati*). Академия состояла из группы итальянских и французских (а также голландско-немецких) антикваров и ученых, обширная программа которых была основана на новом научном изучении Витрувия и представляла собой первую всеобъемлющую попытку сформулировать цели классической археологии. Среди ведущих исследователей Академии следует отметить Пирро Лигорио, Латино Латини, Клаудио Толомея.

Епископ Клаудио Толомей (1492–1556) – один из ведущих деятелей Римской академии, филолог, литературный критик, поэт и дипломат – был одним из главных разработчиков научной программы Академии Сдегнати, был хорошо знаком с археологическими изысканиями комиссии Рафаэля, в частности с изысканиями М.-Ф. Кальво.

Еще в 1520-е гг. Толомей принимал участие во встречах членов Римской академии, которые во главе с А. Колоччи собирались для встреч на лужайках цирка Максима или в его собственном винограднике в Пинчо [5]. Встречи часто проходили на границе с садами Саллюстия [6], с его пещерами нимф, заросшим ипподромом, потрескавшимся римским обелиском, покрытым пиктограммами. Дорожки для прогулок были расположены кругами *gestatio circini* и вели к беседкам, где проходили встречи. Толомей был родственником придворного антиквара Франциска I Гийома де Шуля (1496–1560), труды которого пользовались авторитетом среди ученых и были переведены на итальянский язык Габриэлем Симеони (1509–1575). После обвинения в ереси Симеони вынужден был бежать из Италии на юг Франции, работал в Лионе, где был известен как издатель, комментатор произведений античных авторов и перевел на итальянский язык труды Гийома де Шуля. Коллекционер и знаток античной нумизматики, де Шуль, изучая религию и искусство античного Рима, не ограничивался ссылками на древних авторов, а активно использовал в качестве исторических источников эпиграфику, надписи и изображения на монетах, которые использовал в качестве иллюстраций к своим сочинениям. Используя зарисовки античных монет и надписи, де Шуль наглядно демонстрировал читателям роль религии, обычаев и обрядов в культуре древнего Рима. В 1547 г. по заказу Франциска I Гийома де Шуль выпустил ряд иллюстрированных археологических трактатов, которые поль-

зовались большим авторитетом вплоть до XVIII века. Среди сочинений де Шуля особый интерес вызвали его богато иллюстрированные «Римские древности» и «Беседы о религии древних Римлян».

Среди членов Академии Сдегнати был также известный антиквар, филолог, знаток античной эпиграфики Оттавио Пантагато (1494–1567), который считался учеником и последователем Помпония Лета. Около 1520 года Пантагато отправился учиться в Париж, где оставался около девяти лет, пользуясь финансовой поддержкой магистрата и дипломата Жана де Севена. В Сорбонне он изучал греческий язык, право и богословие, после завершения обучения стал профессором теологии. В Париже Пантагато был в контакте с такими учеными-гуманистами, как Гийом Буде, Джулио Чезаре Скалигеро, Анри Этьенн и Паоло Эмили. Во время пребывания в Сорбонне Пантагато состоял в переписке с Онофрио Панвинио, Адриеном Турнебе, Джованни Франческо Конти да Квинцано. В сентябре 1529 г. Пантагато покинул Париж и вернулся в Италию, где поступил на службу к кардиналу Джованни Сальвиати, племяннику Лоренцо Великолепного. Пантагато входил в окружение (был на службе?) кардинала Алессандро Фарнезе, который покровительствовал эрудитам и ученым-антикварам, среди которых велись дебаты по вопросам, касающимся римских древностей. Содержание этих диспутов может быть восстановлено на основе переписки Пантагато (около 1558), а также из других, менее известных источников, таких как записные книжки гуманистов. Эти документы показывают степень их знаний о древних источниках и непредвиденную роль, которую играл Оттавио Пантагато, оказавший большое влияние на Онофрио Панвинио, а также на содержание трактата П. Лигорио «Римские древности» [7]. После возвращения в Италию Пантагато активно контактирует с учеными *Accademia degli Sdegnati*, с Клаудио Толомеем, Пirro Лигорио и Латино Латини.

Своей эрудицией Пантагато во многом обязан библиотеке Фульвио Орсини, которая ныне находится в Апостольской библиотеке Ватикана. Четыре тома Плиния из библиотеки Орсини, напечатанные в Венеции Альдо Мануцио, сохранились с аннотациями и рукописными исправлениями Пантагато (*Biblioteca Apostolica Vaticana, Aldine, III. 123–126*). Учитывая важную роль нумизматики в антикварных исследованиях XVI века, следует также упомянуть неопубликованный трактат Пантагатио по нумизматике, в прошлом приписываемый Паоло Мануцио.

У кого учился Лигорио, точно неизвестно. Согласно Дж. Бальоне [8], Лигорио родился ок. 1513 г. в аристократической семье

в Неаполе. В 1534 г. он переехал в Рим, где начал художественную карьеру, оформляя фасады в технике гризайль. С 1548 г. стал членом конгрегации виртуозов в Пантеоне, с 1549 г. по заказу Ипполито д'Эсте руководил раскопками виллы Адриана, а также работал над ансамблем и садами виллы д'Эсте в Тиволи.

Очевидно, что антикварные исследования Лигорио развивались в русле последователей Рафаэля, таких художников, как Дж. Романо, Б. Перуцци, Дж. да Ундино. Изучая античное наследие, Лигорио использовал методы археологической работы, сформированные в комиссии Рафаэля, основанные на критическом осмыслении и изучении античных топографических реестров, исторических текстов, сохранившихся надписей, артефактов, нумизматики и картографии.

Следует отметить, что во второй половине XVI в. отношение к античной древности обретает более профессиональный характер. Именуя себя антикварием в переписке с кардиналом Ипполитом д'Эсте и графом Альфонсо д'Эсте, Лигорио вкладывал в это понятие новый смысл, указывавший на необходимость критического анализа фактов, уточнения существующей археологической информации. Если в XV – начале XVI в. античное наследие переводили, изучали, пропагандировали, делали альбомы образцов с античных памятников, которыми пользовались в практических целях, то к середине и второй половине XVI в. самые известные эрудиты Рима, объединившиеся вокруг кардинала Александра Фарнезе (1520–1589), пытались разработать строгий метод изучения классической древности, основанный как на литературных, так и на археологических источниках, и особенно на эпиграфике.

Наряду с изучением античных авторов Лигорио советовался с широким кругом исследователей, членов Академии Сдегнати, Габриэлем Фаэрно, Оттавио Пантагато, Клаудио Толомеем, Фульвио Орсини, Антонио Августином, Онофрио Панвинио, Паоло Мануцио. Члены Академии были дружны и стремились поддерживать коллег.

Особую роль в развитии антикварной науки сыграла деятельность Антонио Августина (1517–1586), который с 1544 по 1555 г. был аудитором папского трибунала, входил в состав Академии Сдегнати и помогал своим коллегам и ученикам в популяризации и издании их трудов. Августин высоко ценил археологические исследования и графические реконструкции Лигорио, полагая, что приведенный Лигорио археологический материал, корпус изученных им памятников намного превосходит иные исследования [9]. В письме к Фульвио Орсини он писал, что необходимо привлечь кардинала Алессандро Фарнезе, чтобы помочь Лигорио опубликовать его прекрасные работы по античности [10].

В предисловии к вышедшей в 1553 г. книге «Древности Рима» [11] Лигорио отмечает, что его современники допускают много ошибок, неверных выводов относительно древних памятников, так как многие недостаточно образованны в области древних языков и недостаточно изучили источники. Так, из-за незнания греческого языка некоторые исследователи полагали, что термин «pentapilon» указывает на то, что храм Юпитера Арбитрадора имел пять столбов [12]. Как и Рафаэль, Лигорио стремился к точному толкованию терминов Витрувия и утверждал, что «pentapilon» переводится как храм, имеющий пять порталов: «Это не только противоречит правилу Витрувия, но и противоречит стилю других древних вещей, мнение тех, кто говорит о пентапилоне в храме Юпитера Арбитрадора, о том, что храм имеет портик из пяти столбов, но также противоречит смыслу слова (...) и поэтому свидетельствует о невежестве в области греческого языка и неспособности некоторых читать или понимать древних авторов...» («Non solo è contra la regola di Vitruvio, et contra lo stile dell'altre cose antiche, l'opinion di coloro, che dicono il pentapilon di Giove Arbitratore haveva un portico di cinque colonne; ma è anchora contro al significato del vocabolo (...) et così parte per ignorantia della lingua Greca, et parte per non leggere, o non intendere gli auttori...») [11 fols. 46v–47r].

Сочинения антикваров XV–начала XVI в. Флавио Бьондо, Андреа Фульвио, Бартоломео Марлиани и Лусио Фауно содержали неточности. Пользуясь данными новых археологических открытий Лигорио поставил перед собой задачу выявить ошибки и дать более точную археологическую картину облика Древнего Рима.

«Древности Рима» Лигорио разделил на две части. Первая часть, «Цирки, театры и амфитеатры Рима» («Libro di Pyrrho Ligori delle antichità di Roma. Nel qual si tratta dei circi, theatri e anfiteatri») [11 fols. 11r–23v], сосредоточена на анализе зрелищных построек. Во второй части, «Топография Древнего Рима» («Paradosse di Pyrrho Ligori Napolitano. Il primo libro delle antichità di Pyrrho Ligori Napolitano») [11 fols. 25r–51r], Лигорио высказывает новые точки зрения относительно локаций древнеримских городищ и памятников.

Издание первой части «Древностей Рима» было предоставлено издателю Микеле Трамезино 19 декабря 1552 года, в книгу были включены графические реконструкции цирка Максимо (1553), цирка Фламиния (1552) и (1553), а также гравированные карты древнего и современного Рима (1552, 1553). Реконструкции двух цирков и военного лагеря, а также карты древнего и современного Рима, включенные в издание, были неотъемлемыми компонентами общей концепции книги, и в этом Лигорио продолжал тот опыт,

который был сформирован в археологической комиссии Рафаэля. Разделяя текст на две части Лигорио расположил памятники по их назначению и функциям. Например, в главе, посвященной цирку Максимо, описывается история ристалищ, рассматриваются принципы архитектурой декорации, вместимость постройки.

План цирка составлен на основе обмеров руин, для графической реконструкции стен использована нумизматика. Фламиния Лигорио изучал цирк, используя античные тексты и источники, которые подкреплял своими обмерами, на основе чего создал графическую реконструкцию. Лигорио также пользовался результатами археологических работ Лодовико Маттеи, которым был найден барельеф с изображением амура, управляющего колесницей во время цирковых ристалищ, а также водопроводные трубы и куски дорожного покрытия.

Описывая цирк Ватикана, Лигорио отметил, что у Плиния он ошибочно упоминается как цирк Нерона. В честь Августа и Тиберия в цирке был возведен мраморный обелиск, который все еще стоит. Об этом, как отмечает Лигорио, он подробно упоминает в своей рукописной книге об обелисках. Лигорио перечислил порталы цирка Ватикана и отметил, что они были расположены со стороны современной площади Сан-Пьетро; это демонстрируют стены, которые были обнаружены при раскопках под частными домами около церкви кармелитов Санта-Мария-ин-Траспонтина (церковь Св. Марии за Мостом), которая, по легенде, построена на месте древнеримской пирамиды, которую почитали как гробницу Ромула [11 fol. 3r.].

Во второй части – “*Paradosse di Pyrrho Ligori Napolitano. Il primo libro delle antichità di Pyrrho Ligori Napolitano*” [11] Лигорио провел анализ топографии Древнего Рима. Примечательно, что в своих рассуждениях он опирался на источники, которыми пользовались Рафаэль и А. Фульвио, это Публий Виктор и Секст Руф. Эти античные топографические реестры содержали описания границ районов Древнего Рима и местоположений цирков, театров, храмов, базилик, терм, мостов, статуй, садов, обелисков и т. д.

Учитывая тесное сотрудничество Лигорио с членами Академии Сдегнати, можно предположить, что «Древности Рима» – результат совместных усилий Лигорио и ученых его круга.

Во второй части «Древностей Рима» Лигорио дискутирует по вопросу расположения Римского форума. Согласно его версии, основанной на сведениях Тита Ливия, Плутарха, Варрона, Публия Виктора, Овидия, Горация, Плиния и Светония, аутентичное местоположение форума находилось в районе арки Тита и Септимия Севера. Древняя топография Рима изучалась Лигорио также на

основе изучения текста Витрувия и привлечения данных практических обмеров, анализа строительных материалов и нумизматики.

К середине XVI века формируется новый тип критической археологии, когда важный акцент ставится на определении аутентичности памятника, различения подлинника и подделки. Археологию начинают трактовать как специальную дисциплину.

Издатель «Древностей Рима» Лигорио Микеле Трамезино посвятил книгу Ипполито II д'Эсте, кардиналу Феррары, на службе которого Пirro Лигорио находился с 1549 г. и до своей смерти в 1583. В своем предисловии к двум кратким трактатам Трамезино отметил, что книги являются лишь краткими выдержками из сорока рукописных книг о римских древностях, которые Лигорио готовил к печати. В этот период он работал над «Сорока книгами о древностях», которые в настоящее время разделены и хранятся в виде Туринского кодекса в Государственном архиве Турина [13], Парижского кодекса в Национальной библиотеке Франции [14], Оксфордского кодекса в Бодлеанской библиотеке [15] и библиотеке Феррары.

Наиболее значительный по объему, Оксфордский, кодекс «Книги древностей» состоит из 180 листов различных материалов, датированных 1540–1580 гг. Известно, что до 1568 года Лигорио проводил исследования топографии Рима и римской Кампании, уделяя особое внимание гробницам и мавзолеям на консульских дорогах, изучал историю костюма и религиозные практики, использовал нумизматические доказательства, чтобы уточнить и выявить новые сведения об утраченных памятниках античного Рима.

Несмотря на то что его выводы часто были ошибочными, преднамеренной попытки изготовить доказательства, чтобы обмануть других, он не предпринимал [16]. Материалы Оксфордского кодекса входили в коллекцию рукописей венецианского иезуита Маттео Луиджи Канони (1727–1807), из которой в 1817 году попали в Бодлеанскую библиотеку в Оксфорде.

Оксфордский кодекс позволяет понять единство и методологию лигорийского корпуса, продемонстрировать, что сложившаяся в литературе репутация Лигорио как ложного эпитафиста на сегодняшний день опровергается. Исследование его рисунков античных памятников позволяют в ряде случаев дать верное объяснение историко-археологическим артефактам, провести грань между достоверными сведениями и гипотезами.

После 1568 года, пребывая в Ферраре, Лигорио продолжает научные исследования и вносит ряд уточнений в свои наблюдения. Двенадцать листов из Феррарского кодекса, по-видимому, должны были

войти в «Книгу древностей», опубликованную в 1553 г. (неясно, почему они там не использовались). Другие материалы включают архитектурные проекты Лигорио по реставрации Сикстинской капеллы в 1564 году, по укреплению построек Старого города в Ферраре.

Наряду с оригинальными листами Лигорио Феррарский кодекс включает двадцать листов анонимного перевода Витрувия, рисунки церквей Г.Б. Алеотти.

Туринский кодекс (Archivio di Stato, Torino, Cod. a.II.8.J.21) включает двадцать пять листов, из которых только шесть полностью заполнены (три без рисунков), еще восемь не полностью заполнены текстом, десять с рисунками, а один полностью белый. Первый лист (fol. 113v) содержит рисунки монет эпохи Нерона. Ряд листов представляют собой рисунки с текстовыми комментариями внизу листа. (115r и v, 116r, 117r и v, 121v, 122v, 123r и др.) [17].

Наряду с описаниями рисунков Туринский кодекс представляет Лигорио как философа, рассуждающего по вопросам этики, роли рока, фатума, нравственного выбора. Лигорио размышляет о том, как злые или героические поступки могут вызвать гнев или благословение Бога.

В пояснительных текстах, сопровождающих рисунки артефактов, сообщаются новые сведения о них. Лигорио не ставил перед собой задачи составления каталога или построения хронологически последовательного исторического повествования. История артефактов раскрывалась им тематически. Фактически история у Лигорио не предполагала конкатенацию последовательных событий. Даже если он идентифицировал связь между причинами и следствиями, факты выстраивались им как набор эпизодов, связанных с рассматриваемым персонажем.

Историческая фактология извлекалась Лигорио из письменных источников, изучаемых им прямо или косвенно, и из интерпретации монет. Работа с различными источниками велась одновременно, и он не составлял систематически выстроенных рядов графических изображений памятников, далеко не все рисунки сопровождалось пояснениями [17 р. 115]. При анализе рисунков можно определить темы, которые изучал Лигорио. Например, его интересовали отношения Нерона с армией, его путешествия, его страсть к искусству, к цирковым ристалищам, заговор семейства Пизони против Нерона и т. д.

В Туринском кодексе Лигорио уделяет внимание античной мифологии. Рисунки Туринского кодекса с изображениями античных монет посвящены как историческим персонажам, так и мифологии. Мифы раскрываются по темам и сюжетам, связанным с генеалогией Богов, включаются описания и рисунки обычаев, обрядов, археологи-

ческие новости, наблюдения технического, естественнонаучного, географического характера. По сути, набор информации, излагаемый Лигорио в Туринском кодексе, свидетельствует о его энциклопедической образованности, что позволило ему составить энциклопедический трактат, важный с точки зрения объема содержащейся в нем информации, даже если учесть, что не все сообщаемые сведения достоверны.

Следует отметить, что во второй половине XVI в. методы изучения античных памятников обретают все более научный характер и Лигорио и его современники вносят значительный вклад в развитие методов историко-археологического изучения античных артефактов.

Литература

1. *Вазария Дж.* Жизнеописания знаменитых живописцев, ваятелей и архитекторов // Большая он-лайн библиотека. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1000515/88/VAZARI_DZhORDZhO_-_ZhIZNEOPISANIYa_NAIBOLEE_ZNAMENITYH_ZhIVOPISCEV_VAYaTELEY_I_ZODChIH.h (дата обращения 16 авг. 2018).
2. Giuliano da Sangallo: Codice Vaticano Barberiniano Latino 4424 / C. Huelsen (intr.). Leipzig, 1910.
3. *Mandovsky E., Mitchell Ch.* Pirro Ligorio's Roman Antiquities. London: Warburg institute, 1963. P. 9.
4. *Farenga P.* Considerazioni sull'Accademia romana nel primo Cinquecento // Les académies dans l'Europe humaniste. Idéaux et pratiques / M. Deramaix u. a. (hrsg.). Genève: Librairie Droz, 2008. P. 57–74; *Masotti P.M.* L'Accademia romana e la congiura del 1468 // Italia medioevale e umanistica. 1982. Vol. 25. P. 189–204; *Palermio R.P.* The Roman Academy, the Catacombs and the Conspiracy of 1468 // Archivum Historiae Pontificiae. 1980. Vol. 18. P. 117–155.
5. Пинчо – холм, расположенный в Риме, окруженный Аврелиановой стеной. Первоначально холм лежал вне черты античного города, в период поздней Республики там возводились обширные виллы и устраивались сады (например, сады Лукуллы, Саллюстия, Помпея). Из-за множества садов холм также назывался *collis hortulorum* – холм садов. Во времена Империи холм вошел в городские пределы и стал застраиваться. Современное название холма происходит от семейства Пинчиев, которому принадлежали большие владения на холме. В период Ренессанса на холме были возведены вилла Медичи, садовый комплекс виллы Боргезе.
6. Сады Саллюстия – древнеримский садово-парковый ансамбль, принадлежал римскому историку Саллюстию. Сады в форме ипподрома располагались за тогдашней городской стеной перед Коллинскими воротами на севере города у подножья Квиринала. На территории садов находился храм Венеры, обелиск Саллюстия и др.
7. *Vagenheim G.* La critique epigraphique au XVIe siècle Ottavio Pantagato, Paolo Manuzio, Onofrio Panvinio, Antonio Agustin et Pirro Ligorio: a propos des tribus romaines // Aevum Anno. 2012. Vol. 86. Fasc. 3. P. 949–968.

8. Le vite de' pittori, scultori et architetti. Dal Pontificato di Gregorio XIII del 1572 in fino a' tempi di Papa Urbano VIII / Baglione G. (ed.). Roma: nella stamperia d'Andrea Fei, 1642. P. 9.
9. *Agostino A.* Dialoghi. Roma, 1592. P. 299.
10. *Agostino A.* Opera VII. Lucca, 1772. P. 237.
11. *Ligorio P.* Libro di M. Pyrrho Ligori Napolitano delle antichità di Roma, nel quale si tratta de' circi, theatri e anfiteatri, con le Paradosse del medesimo auttore, quai confutano la commune opinione sopra varii luoghi della città di Roma. Venetia: per Michele Tramezzino, 1553.
12. По свидетельству современников, Лигорио греческого языка не знал, а значит, пользовался советами Пантагато.
13. *Ligorio P.* XXX Libri delle Antichità, manoscritti. Государственный архив, Турин.
14. *Ligorio P.* Il libro delle antichità, manoscritto, cod. 1129. Париж, Национальная библиотека Франции.
15. *Ligorio P.* Il libro delle antichità / I. Campbell, M.-L. Madonna (eds.). Oxford: Bodleian Library, 2013.
16. *Campbell I.* Pirro Ligorio's Use of Numismatic Evidence // *Translatio nummorum Romische Kaiser in der Renaissance. Akten des internationalen Symposiums Berlin 16–18 November 2011* / P. Ulrike, B. Weisser (hrsg.). Berlin: Verlag, 2013. P. 101–111.
17. *Serafin P.* Pirro Ligorio e le monete tra storia e mito L'esempio di Nerone (dal Codice Torino 21) // *Translatio nummorum Romische Kaiser in der Renaissance. Akten des internationalen Symposiums Berlin 16–18 November 2011* / P. Ulrike, B. Weisser (hrsg.). Berlin: Verlag, 2013. P. 111–121.

References

1. Vazari Dzh. Descriptions of famous painters, sculptors and architects. Bol'shaya on-lain biblioteka. [Internet]. [data obrashcheniya 16 aug. 2018] URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1000515/88/VAZARI_DZhORDZhO_-ZhIZ-NEOPISANIYA_NAIBOLEE_ZNAMENITYH_ZhIVOPISCEV_VAYaTELEY_I_ZODChIH.h (In Russ.)
2. Giuliano da Sangallo: Codice Vaticano Barberiniano Latino 4424. Huelsen C., intr. Leipzig, 1910.
3. Mandovsky E., Mitchell Ch. Pirro Ligorios's Roman Antiquities. London: Warburge institute, 1963. p. 9.
4. Farenga P. Considerazioni sull'Accademia romana nel primo Cinquecento. *Derramaix M.u.a., hrsg. Les académies dans l'Europe humaniste. Idéaux et pratiques.* Genève: Librairie Droz, 2008. p. 57-74; Masotti PM. L'Accademia romana e la congiura del 1468. *Italia medioevale e umanistica* .1982;25:189-204; Palermino RP. The Roman Academy, the Catacombs and the Conspiracy of 1468. *Archivum Historiae Pontificiae*. 1980;18:117-55.
5. Pincian Hill is located in Rome and surrounded by the Aurelian Wall. Originally the hill was outside the ancient city, in the period of the late Republic, so large villas and gardens (for example, the Gardens of Lucullus, Sallust, Pompey) were erected there. Because of the multitude of gardens, the hill was also called collis hortulorum – the hill of gardens. At a time of the Empire, the hill entered city limits and began to be built up. Today's name of the hill comes from the family of Pincii, who owned large estates on a hill. During the Renaissance, the Villa Medici, the garden complex of Villa Borghese, were built there.

6. Gardens of Sallust – the ancient Roman garden and park ensemble belonged to the Roman historian Sallust. Gardens in the form of a hippodrome were located behind the then city wall in front of the Collins Gate in the north of the city at the foot of the Quirinal. In the gardens there were the Venus Temple, the Obelisk of Sallust, and others.
7. Vagenheim G. La critique epigraphique au XVIe siècle Ottavio Pantagato, Paolo Manuzio, Onofrio Panvinio, Antonio Agustin et Pirro Ligorio: a propos des tribus romaines. *Aevum Anno*. 2012;86(3):949-68.
8. Le vite de' pittori, scultori et architetti. Dal Pontificato di Gregorio XIII del 1572 in fino a' tempi di Papa Urbano VIII. Baglione G., ed. Roma: nella stamperia d'Andrea Fei, 1642. p. 9.
9. Agostino A. Dialoghi. Roma, 1592. p. 299
10. Agostino A. Opera VII. Lucca, 1772. p. 237.
11. Ligorio P. Libro di M. Pyrrho Ligori Napolitano delle antichità di Roma, nel quale si tratta de' circi, theatri e anfiteatri, con le Paradosse del medesimo auttore, quai confutano la commune opinione sopra varii luoghi della città di Roma. Venetia: per Michele Tramezzino, 1553.
12. His contemporaries testify that Ligorio did not know the Greek language, and therefore, he used the advice of Pantagato.
13. Ligorio P. XXX Libri delle Antichità, manoscritti. State Archives, Turin.
14. Ligorio P. Il libro delle antichità, manoscritto, cod. 1129. Paris, National Library of France.
15. Ligorio P. Il libro delle antichità. Campbell I., Madonna M.-L., eds. Oxford: Bodleian Library, 2013.
16. Campbell I. Pirro Ligorio's Use of Numismatic Evidence. Ulrike P., Weisser B., hrsg. *Translatio nummorum Romische Kaiser in der Renaissance. Akten des internationalen Symposiums Berlin 16–18 November 2011*. Berlin: Verlag, 2013. p. 101-11.
17. Serafin P. Pirro Ligorio e le monete tra storia e mito L'esempio di Nerone (dal Codice Torino 21). Ulrike P., Weisser B., hrsg. *Translatio nummorum Romische Kaiser in der Renaissance. Akten des internationalen Symposiums Berlin 16–18 November 2011*. Berlin: Verlag, 2013. p. 111-21.

Информация об авторе

Людмила Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lydmila55@mail.ru

Information about the author

Lyudmila Yu. Limanskaya, Dr. in Art History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; lydmila55@mail.ru

К проблеме современного бытования традиционного искусства

Раиля Р. Мусина

*Московская Государственная художественно-промышленная академия
им. С.Г. Строганова, Москва, Россия, vr.goda5@gmail.com*

Аннотация. Произведения народных художественных промыслов с некоторого времени меняют территорию бытования, превращаясь из предметов с подчеркнутой утилитарной функцией в сувениры. Это противоречит их материальной сути и роли в контексте национальной духовной культуры. Традиционные изделия, изначально наделенные яркой и образной декоративностью, глубинными содержательными смыслами, воспринимаются как сувениры, вместе с тем декоративная функция этих вещей не может быть сведена к их сувенирному употреблению. Следует признать производство этих вещей особой формой промышленности, исходя из того, что декоративное богатство народного искусства не имеет ничего общего с украшательством.

В СССР были разработаны и предприняты меры по сохранению этой материально-духовной деятельности, имеющей свои специфические особенности и в современных условиях развития нуждающейся в особой защите. В СССР были предложены важные решения, направленные на развитие традиционного искусства: сохранение кустарных промыслов и артелей, институционализация традиционного искусства в рамках Союза художников СССР, специальные меры по поддержке научного творчества и комплексное исследование народного творчества специализированными организациями. Распад советской системы народных художественных промыслов, производства, утрата преемственности в развитии традиционного искусства привели к неуклонному падению художественного качества изделий и размыванию профессиональных критериев в области народных промыслов, а также к разрыву преемственности как художественных, так и научных школ.

В статье дан анализ происходящих в последние десятилетия в этой области процессов, высказана необходимость возврата к профессиональным методам руководства отраслью, воспитанию специалистов, понимающих роль сохранения традиционной культуры, что, в свою очередь, без закрепления этого в законодательной базе невозможно. Исходя из подробного изучения советского опыта, можно дать ряд рекомендаций по качественному развитию народных промыслов. Это законодательная охрана промыслов и недопущение контрафакта, проведение фестивалей и семинаров для обмена опытом, искусствоведческая экспертиза работы мастерских и более широкое привлечение художников к промысловой работе, подразумевающее и критическое принятие их стилистических поисков как необходимой части развития народных промыслов.

Ключевые слова: народные промыслы, традиционное искусство, институционализация искусства, стилистика, стилистические поиски, поддержка народного искусства, новаторство в традиционном искусстве.

Для цитирования: Мусина Р.Р. К проблеме современного бытования традиционного искусства // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 102–111. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-102-111

Towards an issue of contemporary functioning of traditional art

Railya R. Musina

*Moscow State Academy of Arts and Industry named after S.G. Stroganov,
Moscow, Russia; vr.goda5@gmail.com*

Abstract. Works of folk art crafts from a certain time change the territory of existence, turning from objects with an emphasized utilitarian function to souvenirs. That contradicts their material essence and role in the context of the national spiritual culture. Traditional products, originally endowed with a bright and imaginative decorative, deep substantial meanings, have nothing to do with external embellishment are perceived as souvenirs, at the same time, the decorative function of these things can't be reduced to their souvenir use. It is necessary to recognize the production of these things as a special form of industry, proceeding from the fact that the decorative richness of folk art has nothing to do with embellishment.

In the USSR, measures have been developed and taken to preserve this material and spiritual activity, which has its own specific features and in the current conditions of development that need special protection. Important decisions were proposed in the USSR aimed at the development of traditional art: the preservation of handicrafts and artels, the institutionalization of traditional art within the Union of Artists of the USSR, special measures to support scientific creativity and a comprehensive study of folk art by specialized organizations. The collapse of the Soviet system of folk arts and crafts, production, loss of continuity in the development of traditional art leads to a steady drop in the artistic quality of products and the erosion of professional criteria in the approach to this unique field of creativity. In the field of folk crafts and disruptions in the continuity of both artistic and scientific schools, led to a drop in the average level of products and the erosion of the professional criteria for commercial production.

The article gives an analysis of the processes taking place in the last decades in this field, and expresses the need to return to professional methods of running the industry, cultivating specialists who understand the role of preserving traditional culture, which, in turn, is impossible without fixing it in the legislative framework. Proceeding from a detailed study of Soviet experience, it is possible to give a number of recommendations on the qualitative development of folk crafts. They are the legislative protection of fisheries and the prevention of counterfeit, the holding of festivals and seminars for the exchange of experience, the art expertise of the workshops and the wider involvement of artists in craftwork, implying the critical acceptance of their stylistic searches as a necessary part of the development of folk crafts.

Keywords: folk crafts, traditional art, institutionalization of art, stylistics, stylistic searches, support of folk art, innovation in traditional art.

For citation: Musina RR. Towards an issue of contemporary functioning of traditional art. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;2:102-11. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-102-111

Введение

Традиционная культура переживает не лучшие времена. Она бытует в некомфортных для себя условиях. Дело даже не в том, что сужено ее пространство – понятно, что тенденции развития общества не обращены назад, а устремлены вперед, – а в том, что нарушены ее базовые принципы для полноценного и очень специфического развития. Изменившийся ритм жизни и современная стилистика, кажется, не оставляют места для традиционных вещей в быту человека нашего времени. И в то же время не хотелось бы,

чтобы традиционная культура становилась экзотикой и модным увлечением, а традиционные изделия – сувениром – сначала для иностранцев, а затем и соотечественников. Превращение происходило постепенно на протяжении второй половины XX века.

Не только матрешки и хохломские ложки составили категорию сувенирного товара. Проблемой выпуска сувенира были планомерно озадачены в 1970–1980-е годы все предприятия народных художественных промыслов. Не отрицая роли сувениров, нельзя было не отметить в связи с такой задачей наметившиеся изменения в целом в характере изделий народных художественных промыслов. В них усиленно акцентировали декоративные национальные черты, переводя исконные бытовые предметы в ранг декоративных по функции. Этот процесс, имея под собой общую для искусства тех лет тенденцию к декоративизму, стал в области традиционных изделий необратимым, что явилось одним из главных проступков в отношении природы народного творчества. К примеру, отказ от гончарства в изделиях народных художественных промыслов в шестидесятые годы привел в следующем десятилетии к потоку керамических изделий, созданных литьевым способом, в которых зримо обозначился кризис традиционной пластической культуры. Была нарушена логика формообразования: она исходила не из природы материала, а строилась на фантазии автора, озабоченного созданием в духе времени декоративных вещей. Устремления художников не знали пределов.

Сегодня эта тенденция укрепилась. Изделия, выполненные в народных традициях, в массе своей утратили бытовой характер. В них эксплуатируются нарядность, узорочность, некогда находившиеся в гармонии с вещью, а теперь отвечающие духу ярмарок, фестивалей, в пространстве которых бытует такой товар. Подчеркнутая праздничность в строе изделий не способствует их органичному введению в современную бытовую среду. При этом следует помнить, что декоративное богатство традиционного искусства не имеет ничего общего с украшательством.

Сохранение и развитие традиционного искусства в промышленную эпоху

Почему такое происходит? Кто-то скажет: естественный ход истории – вымывается неактуальное. Это наблюдается с некоторыми изменениями во многих странах – от Мексики до Франции. Но наш опыт другой. Уже в 1919 г. народное искусство было отнесено к явлениям духовного порядка, обозначено как национальное до-

стояние, что способствовало не только сохранению, но и возрождению в послереволюционные годы ушедших естественным образом промысловых центров. Более тридцати лет (1920–1950-е гг.) государство поддерживало общественную форму организации промысловых производств – артели, которые сохранили традиционные художественные ремесла. Артели стали появляться еще в дореволюционный период, их создание было подсказано самой жизнью. Под натиском капиталистических форм ведения дел закрывались традиционные предприятия. Самым известным примером стала Федоскинская артель, объединившая после закрытия Лукутинской фабрики ее мастеров.

В первом Декрете ВЦИК, связанном с народными промыслами, было прописано: «Все предприятия мелкой кустарной промышленности не подлежат ни муниципализации, ни национализации, ни конфискации, особо как в исключительных случаях и по специальным постановлениям Президиума Высшего совета народного хозяйства». А еще раньше, в 1918 г., власть признавала кустаря как самостоятельного производителя [1 с. 1]. Вместе с тем наряду с артельной практикой стали налаживать научно-практическое ведение отрасли. Первая попытка осмыслить процессы в этой области была предпринята в августе 1919 г., когда состоялась первая Всероссийская конференция по проблемам художественной промышленности, как тогда называли кустарную деятельность. В 1932 г. с использованием опыта земской работы Кустарного музея еще в дореволюционные годы, а также налаженного сотрудничества с мастерами промыслов в 1920-е годы стал функционировать НИИ художественной промышленности, постепенно собравший и взрастивший специалистов в этой области. Его отраслевые лаборатории совместно с отделом теории выработывали методику творческой работы специалистов с мастерами промыслов, придавая ей научно-практический характер, а в 1960–1980-е годы отстаивая специфику отрасли, невзирая на имевшиеся трудности, соотнося ее с плановым характером государственной деятельности. Эту отрасль, названную народными художественными промыслами, связанную с 1960-го года с фабричным характером производства, выделяла одна очень важная особенность: ручное вариативное исполнение изделий в традиции конкретного центра. Благодаря этому НХП стали одной из масштабных составляющих в системе современного традиционного искусства.

В шестидесятые годы программа по сохранению традиционного искусства обрела масштабность. Помимо отрасли НХП, особым

вниманием окружили народных мастеров – носителей традиционного ремесла. Их оставались единицы, да и те уже не работали. Они были в фокусе внимания Союза художников СССР и его отдельных региональных отделений. Работу по возвращению мастеров к традиционному ремеслу успешно вели члены народных комиссий. Она была специфичной, имела свою программу. К наиболее талантливым пожилым мастерам «подсаживали» молодых, желающих овладеть традиционными приемами, тем самым сохраняя на излете локальную культуру уникальных и самобытных промыслов.

Тогда же было заявлено о поддержке народного самостоятельного творчества, самобытной области, требовавшей своих специфичных подходов к ее участникам, креативно, полностью на индивидуальном прочтении воспроизводившим в своих работах реальный мир, что отличало их метод от коллективной природы традиционного искусства.

Выделение этих творческих групп позволило им автономно развиваться, сохранять свои особенные специфические черты и утверждаться на их основе. Процесс внутри этих групп был направлен не вширь, а на поиски резервов на своей территории, поэтому характеризовался результативностью. Доказательством тому являются успехи каждой из них: обширные ряды ярких персоналий 1960–1980-х гг., разработанная и опробованная методика для каждого направления, серьезные теоретические исследования, которые остаются актуальными и сегодня. Главное, в каждой группе сложились свои принципы работы. Творчество мастеров развивалось при поддержке методистов, консультантов, теоретиков. Особо ценным было то, что выстроилась вертикальная связь, она подпитывала сразу всех. Например, общение с искусствоведами способствовало интеллектуальному и художественному развитию мастеров, а наука обогащалась сбором материала непосредственно от авторов.

Что же происходит сегодня? Как ни странно, но новые процессы в отечественной художественной жизни раньше всего обозначились в этих группах. Галереи с изобразительным искусством пришли позже, а сначала был Арбат и Измайловские развалы. Они заполнились изделиями народных художественных промыслов и поделками в духе народного искусства. Неуправляемость процессов привела к полной коммерциализации этого направления, подчинению искусства рыночным законам. Само творчество обрело стихийный характер: коммерческая заинтересованность отбирала у авторов силы, оттягивала от создания

серьезных работ. Все больше мастера и художники уходили от традиции, ориентировались только на спрос и собственную фантазию. Если последнее приветствовалось в самостоятельном искусстве, взращивалось его спецификой, где индивидуализм подходов к темам и их решениям был базовым, то для традиционного искусства приоритеты авторского начала были убийственны. Они разрушали коллективную и вариативную природу народного искусства. О ней уже так много писали исследователи. Хочется привести еще раз слова крупного ученого по поводу авторства в системе традиционного искусства: «Коллективность не исключает возможности личного творчества, а, напротив, включает его как необходимое первичное условие» [2 с. 171]. А чуть ранее он развивает эту мысль: «И как бы значительна ни была роль одаренной личности, принимающей участие в коллективном творчестве, сама она проявляет себя, свой талант совсем по-другому, нежели тогда, когда она задалась бы целью создать свое произведение» [2 с. 166]. Если старшее поколение мастеров при этом имело представление, что можно было делать, а что нельзя, то неофиты, которых оказалось в те годы чрезвычайно много, творили что хотели. А главное, была утеряна научно-методическая координация самого процесса работы мастеров.

В конце XX в. произошла смена поколений и в научном корпусе. Успешно, без всякой попытки защиты, в начале девяностых «похоронили» НИИ художественной промышленности, а вместе с ним и преемственность, необходимую при подготовке научных и методических кадров, передаче принципов научно-практического руководства процессами в области традиционного искусства, художественных промыслов. Постепенно не стало его ведущих специалистов, которые и были создателями научных концепций, разработчиками вопросов истории, теории и практики народного искусства. Утрата центра, собравшего ведущие силы страны в области традиционного искусства, невозполнима, она породила нерегулируемые процессы.

О сохранении специфик каждого из названных направлений сегодня не приходится говорить. Плюрализм мнений по поводу некого созданных моделей развития искусства стал нормой и даже по отношению к таким сугубо обращенным к традиционному материалу формам, что служит смещению уже выделенных потоков, утрате их самобытности. Это плохо как для эволюции развития каждого из них, так и для картины современного рынка. Усредненные в своей трактовке изделия «мешают» друг другу, они сближены, в них нет стилевой чистоты, они создают конкуренцию друг

другу, а потребителя оставляют один на один со своим, часто неразвитым вкусом.

Не работает творческая модель народных художественных промыслов. Корпус предприятий НХП за истекшие двадцать лет сильно поредел. На многих не осталось художников вообще, а главное, ушли те, кто знал принципы функционирования системы, творческие задачи своего предприятия. В большинстве случаев работают люди без художественного образования, в лучшем случае обученные приемам декорирования. Не вникая в содержательную и образную систему традиции, невозможно ее развивать. Уходит культура формообразования, декоративного строя традиционной вещи.

К предприятиям, существующим с советского времени, прибавились новые, частные, принципы деятельности которых не соотносятся с задачами сохранения традиционного искусства. Можно согласиться, что традиционная культура находится в развитии и в любой момент может приумножаться. Но люди, основывающие предприятия, по известным причинам примыкающие к системе НХП, за редким исключением, имеют свои цели и с задачами художественных промыслов незнакомы, да и не хотят им следовать. Их становится больше, и это сильно размывает сообщество. В изделиях царит вкусовщина, кич. Все это объясняется запросами рынка. А одной из целей художественных промыслов в предыдущий период было воспитание вкусов потребителей на лучших образцах традиционного искусства. Эта задача сегодня никем не рассматривается.

Самобытные самодеятельные мастера не развивают присущую им креативность. Некоторые из них легко встраиваются в декоративную стилистику уникальных центров народного искусства, и мы видим на развалах подражания дымке и гжели. Другие на традиционных мотивах собирают эклектичные композиции, как, например, в резных и расписных изделиях из дерева, и называют себя народными мастерами. К сведению: звание «народный мастер» присваивается Народной комиссией при Союзе художников России и свидетельствует, что мастер работает в конкретной локальной традиции и проживает в месте ее бытования, другими словами – является исконным носителем этой традиции. Мы уже давно произвольно толкуем термины. Сегодня возникают вопросы, которые когда-то серьезно обсуждались и формулировались уважаемыми учеными; мы просто перестали обращаться к научной литературе.

Заключение

Проблемы в каждом из направлений есть, но они могут быть устранены только своими специфическими средствами. В размытом состоянии, как это наблюдается сегодня, невозможно добиться порядка. Нужны действия, решаемые на государственном уровне, как, например, возрождение НИИ художественной промышленности, где будут обсуждаться и решаться научно-методические и практические задачи, собраны ведущие специалисты в этой области. Необходимо закрепить уникальные традиционные центры и их искусство в статусе национального достояния, оказывать им поддержку и выделять особыми почестями. Сегодня они тонут в общей массе средних и начинающих предприятий. Их «заповедность» должна быть манящей для всех, кто попадает в зону их воздействия. Искусство этих центров должно охраняться законом. Контрафакт на основе их традиции недопустим.

Велик объем труда и у тех, кто связан с мастерами, работающими в области традиционного искусства непосредственно. Необходимо дифференцированно подходить к мероприятиям, которые носят методический, образовательный характер. Работу с мастерами следует проводить с учетом специфики их творчества, не объединяя мастеров разных творческих устремлений общими задачами. Практика показывает, что мастера благодарны критике, на семинары приезжают с целью получить консультацию и оценку своего творчества, ответы на накопившиеся вопросы. Объединение художников промысловых предприятий, самодеятельных мастеров и мастеров традиционного искусства одной программой недопустимо. Оценивать их творчество по одним критериям невозможно. Нам всем – искусствоведам, так же как и народу, – нужно разнообразие искусств, но выполненных на высоком профессиональном уровне, ведь в каждой группе есть свои критерии профессионализма.

В постперестроечное время стала заметна группа традиционных индивидуальных мастеров. Они сменили потомственных крестьянских кустарей. Может быть, это единственное положительное обретение «лихих девяностых». В традиционную культуру вошли энтузиасты. Это в массе своей молодые активные люди с высшим техническим или художественным образованием, стремящиеся дойти до сути, самостоятельно осваивающие незнакомые им традиции. В своем обращении к традиционному искусству изначально они видят большее, нежели коммерческую деятельность: с увлечением осваивают материал, находят в нем смыслы и истоки. Как хотелось бы, чтобы, развивая деятельность, они не утрачивали чистоту своих помыслов. К слову сказать, все они прекрасные ремесленники, в своем техническом развитии достигают высот и получают от этого творческое удовлетворение.

Наблюдая за ними много лет, вижу, что в этом движении есть выход из создавшейся ситуации. Сегодня это самые благодарные участники творческих семинаров и фестивалей, но у них нет постоянной методической поддержки, к которой они тянутся. Благодаря этим людям развитие традиционной культуры обретает новую интеллектуальную глубину.

Пути использования и развития традиции в современном декоративно-прикладном искусстве разнообразны. Одним из неразработанных у нас направлений остается включение его в контекст современных стилевых поисков. Это самостоятельная, очень специфическая и до сих пор нетронутая в нашей практике деятельность. Ее развитие послужит усилению черт национальной самобытности в отечественном профессиональном прикладном искусстве и дизайне, но во главе этого процесса должны стать профессионалы этих видов искусства в содружестве со специалистами традиционного искусства. Вывести традиционное искусство из кризиса под силу только средствами селекции в каждом отдельно взятом направлении.

Литература

1. Декрет ВЦИК и СНК «О мерах содействия кустарной промышленности» от 25.04.1919 // Правовая Россия. URL: <http://lawru.info/dok/1919/04/26/n1205969.htm> (дата обращения 19 июля 2017).
2. Гусев В.Е. Эстетика фольклора. Л., 1967. 319 с.

References

1. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars "On measures to promote the handicraft industry", 1919, April 25. Pravovaya Rossiya. [Internet]. [data obrashcheniya 19 jul. 2017]. URL: <http://lawru.info/dok/1919/04/26/n1205969.htm> (In Russ.)
2. Gusev VE. Aesthetics of folklore. Leningrad, 1967. 319 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Раиля Р. Мусина, доктор искусствоведения, Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова, Москва, Россия; 125080, Россия, Москва, Волоколамское шоссе, д. 9; vr.goda5@gmail.com

Information about the author

Railya R. Musina, Dr. in Art History, S.G. Stroganov Moscow State Academy of Arts and Industry, Moscow, Russia; bld. 9, Volokolamskoe highway, Moscow, Russia, 125080; vr.goda5@gmail.com

УДК 725:656.2

DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-112-121

Формирование типологии зданий железнодорожных вокзалов во второй половине XIX века

Олеся В. Пискарева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, detomate@yandex.ru*

Аннотация. Исследование обращено к вопросу становления типологии российских вокзалов, особенностям их конструкции и планировки, а также к анализу механизмов функционирования и внутреннего устройства зданий вокзалов на примере московских памятников железнодорожной архитектуры. В заключении сделаны выводы, что во второй половине XIX века из изначально небольших, одноэтажных, лишенных декора строений первые московские вокзалы превратились в сложные ансамбли, состоящие из многообразных архитектурных объемов с уникально выстроенной системой связи внутренних помещений.

Ключевые слова: вокзал, железная дорога, железнодорожное строительство, архитектура второй половины XIX – начала XX века, типология, общественно-утилитарные сооружения

Для цитирования: Пискарева О.В. Формирование типологии зданий железнодорожных вокзалов во второй половине XIX века // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 112–121. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-112-121

Formation of the typology of railway station buildings in the second half of the 19th century

Olesya V. Piskareva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; detomate@yandex.ru*

Abstract. The study addresses the issue of the formation of the typology of Russian stations, the features of their design and layout, as well as the analysis of the mechanisms of operation and internal arrangement of station buildings by an example of Moscow monuments of railway architecture. The article concludes that the first Moscow stations turned in the second half of the 19th century, from the initially small, single-storey, simply-constructed buildings, into complex ensembles consisting of a variety of architectural volumes with a uniquely built intercom system.

Keywords: railway station, railway, railway construction, architecture of the second half of 19th – early 20th century, typology, public utilities

For citation: Piskareva OV. Formation of the typology of railway station buildings in the second half of the 19th century. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;2:112-21. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-112-121

Железные дороги, вокзалы и пассажирские станции являются неотъемлемой частью повседневной жизни человека XXI века и воспринимаются как данность.

В России первый вокзал появился в 1837 г. в Петербурге, на начальной станции железнодорожной линии, о которой мы говорили выше. Это вокзал Царскосельской железной дороги. Конечно, на самом раннем этапе становления говорить об уникальной самостоятельной архитектурной типологии железнодорожного вокзала не приходится, поскольку при строительстве той или иной железной дороги практически все вокзалы сооружались изначально временными, т. е. деревянными, прямоугольными в плане, в один или два этажа. Таким образом, и Царскосельский вокзал представлял

собой всего лишь временное деревянное одноэтажное прямоугольное в плане сооружение с двускатной крышей, фасады которого были прорезаны мерным ритмом оконных проемов.

В 1844–1852 гг. его деревянная конструкция была перестроена в каменную по проекту К.А. Тона. В плане каменное здание вокзала Царскосельской железной дороги имело «П-образную» конфигурацию и принадлежало к тупиковому типу пассажирской станции [1 с. 343].

Вместе с тем интересным представляется и другое, особое сооружение вокзального типа, построенное в мае 1838 г. на конечной станции этой же железной дороги, – Павловский музыкальный «воксал» [2 с. 7–8].

Идея создания в одном из пригородов Санкт-Петербурга так называемого «воксала» принадлежала Ф. фон Герстнеру. Он считал, что Павловский «воксал» не только станет местом приятного времяпрепровождения петербуржцев, но и заметно укрепит положение железнодорожных перевозок в России первой половины XIX века [3 с. 470–471].

Так, по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера неподалеку от сосновой рощи и начала Павловского парка было возведено здание музыкального «воксала», внутреннее устройство которого полностью отвечало его назначению. Кроме привычных помещений современного вокзала, таких как билетные кассы, буфет и гостиничные номера, в нем располагались музыкальные и танцевальные залы, зимние сады, бильярдные и ресторан, а напротив здания был разбит небольшой сад с фонтанами и эстрадой для оркестра [1 с. 339].

В действительности, несмотря на то, что в плане и объемно-пространственной композиции «воксал» сохранял еще родство с загородной русской усадебной и парковой увеселительной архитектурой [4 с. 90] (к центральной части симметрично примыкали два полукруглых флигеля, соединенные открытыми галереями), строительство этого здания не только сыграло заметную роль в культурной жизни Петербурга, но и стало одним из ранних прецедентов воздействия на застройку города Павловска.

С процессом внедрения в пространство городов России железных дорог возникли новые типы зданий общественно-утилитарного назначения, создававшие к началу XX в. целые железнодорожные комплексы. Безусловно, это привело к возникновению ряда проблем, решение которых было возложено государством на плечи ведущих архитекторов и инженеров.

Во главе первостепенных задач стояла разработка унифицированного типа железнодорожного вокзала. Это касалось и внешней,

и внутренней структуры здания, так как его специфическая (для того периода) и не встречавшаяся ранее функциональная направленность предопределила необходимость применения прогрессивных технологий в разработке конструктивной основы вокзала: прежде всего каркаса для перекрытия дебаркадера (место прибытия и отбытия поездов) и других частей здания, что, в свою очередь, зависело от его планировочного решения.

Таким образом, с учетом европейского и отечественного опыта строительства за вторую половину XIX в. в России сложилась определенная классификация вокзалов по нескольким категориям [5 с. 27–28].

I. Классификация вокзалов по типам перронных путей:

1) транзитные (сквозные или проходные), когда поезд продолжает путь по заданному направлению. У такого вокзала перронные пути имеют сквозную конфигурацию;

2) тупиковые, когда поезд либо оканчивает свой путь на конечной станции прибытия, либо движется в обратном направлении. Перронные пути этого вокзала имеют тупиковую конфигурацию;

3) тупиково-проходные, когда в одном вокзале объединяются два типа;

4) узловое, когда вокзал находится на пересечении или разветвлении железнодорожных линий.

II. Классификация зданий вокзалов по типу расположения относительно путей:

1) боковые (сбоку от путей);

2) сквозные, или островные (между путями);

3) смешанные.

Боковая схема (береговой тип вокзала) определяется тем, что главное пассажирское здание располагается параллельно путям; сквозная схема (островной тип), когда пассажирское здание размещается между железнодорожными линиями двух направлений; и конечная схема (тупиковый тип вокзала), соответственно когда пассажирское здание находится в конце или во главе железнодорожного пути. Особым типом планировочной схемы развития пассажирской станции относительно железнодорожных путей является смешанный тип вокзала, который представляет собой сочетание всех трех вышеперечисленных типов вокзалов [6 с. 107–119].

Для крупных городов наиболее оптимальным является устройство именно тупикового вокзала, так как у их станций либо начинают, либо заканчивают свое движение поезда.

Также стоит отметить, что у того типа вокзала, на котором перронные пути заканчиваются тупиком, существует че-

тыре типа планировки пассажирского здания относительно путей.

Первый тип пассажирского здания имеет «П-образную» конфигурацию плана. Это наиболее ранний вариант вокзала, который охватывает железнодорожные пути с трех сторон. Такая планировка была использована при строительстве большинства пассажирских зданий вокзалов в России. В частности, Ленинградского (с 1851 г. Петербургский; с 1855 г. Николаевский), Ярославского (до 1870 г. Троицкий) и Киевского (до начала 1930-х гг. Брянский) вокзалов в Москве.

Второй тип имеет «Г-образную» конфигурацию плана, когда один продольный корпус встает между двумя железнодорожными путями, а поперечный корпус размещается в конце перрона. Однако такой вариант планировки здания железнодорожного вокзала не нашел широкого применения в России (при строительстве московских вокзалов «Г»-образный план никогда не применялся).

Третий тип расположения пассажирского здания относительно путей имеет «Г-образную» планировку и является одним из самых практичных в эксплуатации, поскольку корпуса охватывают пути только по одной продольной и поперечной сторонам, что позволяет увеличить при необходимости количество платформ. К этому типу относится Казанский (до 1894 г. Рязанский) вокзал в Москве.

Четвертый тип является самым гибким для трансформаций, так как имеет всего лишь один корпус, перпендикулярно расположенный в конце платформы. Подобного рода планировку имеет Савеловский (до 1912 г. Бутырский) вокзал в Москве.

Следовательно, можно сделать вывод, что последний «тупиковый» вариант схемы размещения здания вокзала относительно развития железнодорожных путей характеризуется как наиболее целесообразный в применении для конечных станций железной дороги (преимущественно для столичных вокзалов, в частности Москвы), поскольку такая планировочная система предоставляет больше возможностей в создании торжественного, парадного фасада, обращенного в город.

Внутреннее устройство вокзала как в России, так и в ряде других европейских стран в XIX – начале XX в. прежде всего определялось классовым делением его пространственных зон на отдельные помещения, предусмотренные для пассажиров разных социальных групп (в России всего было IV класса) [7 с. 81].

Как правило, в центре вокзала размещался вестибюль, в котором устраивались билетные кассы и багажное отделение, предназначенные для пассажиров всех классов. В боковых же частях

вокзала происходило разделение на классовые категории: с одной стороны, относительно пространства дебаркадера, размещались помещения, предназначенные для привилегированных пассажиров, с другой – для пассажиров III и IV класса. При этом для пассажиров более высокого достатка, то есть I и II класса, в здании вокзала были предусмотрены дамские и мужские комнаты, буфет и отдельный зал ожидания, который не соотносился с выходом на перрон, дабы избежать проникновения холодного воздуха. Для пассажиров III и IV класса отводился лишь зал ожидания, который непосредственно открывался на перрон [7 с. 14–15, 28].

Представленная выше схема внутреннего распределения пространства здания вокзала, когда в середине находился вестибюль (операционный зал), который разграничивал помещения для пассажиров железной дороги I и II класса и такого же рода помещения для пассажиров III и IV класса, как правило, соблюдалась даже на самых малых станциях. Однако состав помещений и услуг во многом зависел от классовой принадлежности самого вокзала и статуса города, в котором он находился. Поэтому если в крупных промышленных, торговых или столичных городах России, как Москва и Санкт-Петербург, возводили наиболее комфортабельные пассажирские здания I или II класса с буфетами, роскошными ресторанами, комнатами отдыха и парикмахерскими, то в городах со статусом порядком ниже сооружались железнодорожные вокзалы уже III и IV класса, а потому и набор помещений, связанных друг с другом по принципу анфилады, часто ограничивался билетными кассами, багажным отделением, залом ожидания и уборными [3 с. 480–481].

Замечательным примером описанной выше типологии является железнодорожный комплекс из трех вокзалов на Каланчевской площади в Москве.

Первое здание вокзала в древней столице было возведено в 1849 г. по проекту К.А. Тона на конечной станции С.-Петербургско-Московской железной дороги (1843–1851). Местом его расположения было выбрано пространство на огромном пустыре Каланчевского поля и бывшего Артиллерийского двора [1 с. 28–29].

В плане Петербургский вокзал в Москве имеет «П-образную» конфигурацию и относится к тушиковому типу. Его пространственная композиция представляет собой вытянутый по горизонтали прямоугольный двухэтажный объем, увенчанный высокой башенкой со шпилем. Своим архитектурным образом она ориентирована на такой западноевропейский тип здания, как городская ратуша.

Конструктивные особенности здания вокзала Петербургско-Московской железной дороги, разработанные инженером Р.А. Желязевичем, имеют особенное значение для развития русской промышленной инженерии. Его высокое сводчатое металлическое перекрытие ранее открытого пространства дебаркадера демонстрирует следующий шаг в сфере развития российских инженерных конструкций из металла. Теперь промежуток, который образовывался между платформами и железнодорожными путями, полностью закрывался железным шедовым покрытием. Такой передовой способ перекрытия большепролетных конструкций железнодорожных вокзалов позволил создать не только более комфортные условия для времяпрепровождения пассажиров, ожидающих прибытия своего поезда, но в определенной степени предоставил возможность превратить заурядный внешний архитектурный образ утилитарного сооружения в общественное здание с неповторимым конструктивным решением внутреннего пространства. Обнаженные металлические конструкции ферм и огромные застекленные аркады оконных проемов создают уникальное пространство интерьеров пассажирских зданий, демонстрирующих характерные особенности этих сооружений, тем самым позволяя выделить новую, по сути только зарождающуюся, типологию здания общественного назначения из числа других построек [1 с. 345–350].

Подобное типологическое решение было применено при строительстве в 1862 г. второго здания вокзала на Каланчевской площади по проекту Р.И. Кузьмина – это вокзал Московско-Троицкой железной дороги, соединяющей Москву с Сергиевым Посадом (железнодорожный участок до Сергиева Посада был построен всего лишь за два года, с 1860 по 1862 г., до Ярославля, после чего вокзал именовался Ярославским, линия железной дороги была продлена в 70-м году XIX в.) [1 с. 74–75, 78].

Последний возведенный на Каланчевской площади вокзал принадлежал акционерному обществу Московско-Саратовской (позднее Московско-Рязанской) железной дороги. Первое здание Рязанского вокзала было сооружено в 1864 г., предположительно по проекту М.Ю. Левестама и А.А. Попова [1 с. 82–83].

Одним из существенных отличий Рязанского вокзала от двух своих предшественников – Петербургского и Троицкого – является его планировочное решение, обусловленное сложившейся в этом районе к третьей четверти XIX столетия градостроительной ситуацией, когда пассажирское здание пришлось размещать относительно тупиков железной дороги сбоку, а не как было ранее, в торце, для создания в той или иной мере цельно организованного

архитектурного пространства Каланчевской площади. В результате вокзал получил «Г-образную» конфигурацию.

Главный фасад пассажирского здания железной дороги Московско-Рязанского направления был обращен в город, непосредственно к двум вокзалам, стоявшим на противоположной стороне привокзальной площади. Его центральную ось фиксировала впоследствии ставшая традиционной для этого типа сооружения башенка с часами, которая была увенчана шатровым завершением.

Следующим по времени строительства (не считая двух временных вокзалов Нижегородской и Южной железных дорог) стал Белорусский (до 1871 г. Смоленский; до 1912 г. Брестский; до 1917 г. Александровский) вокзал.

Для размещения пассажирской станции в Москве был выбран участок земли на северо-западной окраине города, рядом с Тверской заставой. Вокзал был возведен к открытию железнодорожного участка Москва–Смоленск, состоявшемуся 19 сентября 1870 года. «Пассажирский дом» Московско-Смоленской железной дороги представлял собой «П-образное» в плане двухэтажное здание, выстроенное из красного кирпича (отштукатуренное) в архитектурных формах древних палат с выступающими ризалитами и башнями, завершающимися шатрами, что вполне отвечало духу времени.

Так, в начале 1870-х гг. завершился первый этап строительства железнодорожных вокзалов в Москве. Результатом данного периода стало формирование типологии железнодорожных станций и вокзалов с особой структурой плана и объемно-пространственной композицией.

Промышленный переворот в России, первые предпосылки которого зародились еще в 1820–1830-х гг., стал одним из катализаторов бурного роста городов, укрепления промышленности и торговли. Постепенно выстраивалась и поднималась на новый уровень вся экономическая система Российского государства. Как следствие, в стране стала преобразовываться система расселения. Неотъемлемой частью этого процесса было создание новой формы связи с обширными территориями России, которая нашла свое выражение в транспортной сфере, а именно в строительстве железных дорог.

С появлением железнодорожного транспорта возникла необходимость в разработке новых архитектурных типов утилитарных сооружений, которые впоследствии стали непременной частью его обслуживания и полноценного функционирования. Прежде всего,

это таможни, локомотивные здания, водоподъемные башни и, конечно же, «пассажирские дома» (вокзалы), «путевые дворы» (дебаркадеры).

Поиск выразительного архитектурного образа и объемно-пространственной композиции для ранее никогда не встречавшейся и до этого момента никем не разрабатывавшейся типологии вынуждал авторов первых российских вокзалов прибегать к заимствованию основных типологических черт у крупных общественных сооружений. Так, башенка с городскими часами, ставшая одним из традиционных элементов вокзальной архитектуры (например, Николаевский вокзал), несомненно, как уже отмечалось, восходит к такому европейскому типу общественного сооружения, как городская ратуша, устраиваемая на главной площади города.

Позднее сформировалось еще одно характерное, в особенности для московских вокзалов, композиционное решение, интерпретирующее своеобразные черты древнерусской теремной, дворцовой и палатной архитектуры. Его самыми яркими представителями стали вокзалы Московско-Смоленской (Брестский/Белорусский вокзал) и Рязанско-Уральской (Саратовский/Павелецкий вокзал) железных дорог.

Однако становление промышленности и рост железнодорожного строительства, предопределившие использование новых материалов (железа, стали, железобетона), дали возможность инженерам перекрывать большепролетные пространства дебаркадеров вокзалов, требовавших минимального использования опор. Обнаженные металлические балки, столбы и другие конструктивные элементы стали не только выражением прогрессивности развития страны, но и «визитной карточкой» вокзальных сооружений. Благодаря новым материалам и конструкциям в России начала XX в. стало возможным строительство крупных российских железнодорожных комплексов, отвечавших всем практическим и архитектурно-инженерным требованиям этого особого утилитарно-общественного сооружения. Показательным примером является Киевский (до начала 1930-х гг. Брянский) вокзал в Москве, возведенный в 1914–1918/1920 гг. по новейшим технологиям того времени с применением большого количества бетона и стекла (арх. И.И. Рерберг и В.К. Олтаржевский). Особого внимания заслуживает конструкция перекрытия дебаркадера, разработанная инженером В.Г. Шуховым. Большепролетная арочная конструкция, парящая над перроном вокзала, была выполнена из стекла и металла, что создает ощущение легкости, но при этом небывалой величественности этого пространства.

Литература

1. *Петухова Н.М.* Градостроительная роль железнодорожных вокзалов России и эволюция их архитектуры: 1830–1910-е годы: дис. ... канд. искусствоведения. Санкт-Петербургский гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры. им. И.Е. Репина. СПб., 2010.
2. *Батырев В.М.* Вокзалы. М., 1988. 216 с.
3. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. В 3 кн. М., 2003.
4. *Борисова Е.А.* Русская архитектура второй половины XIX века. М., 1979. 320 с.
5. *Явейн И.Г.* Архитектура железнодорожных вокзалов. М., 1938. 303 с.
6. *Васильев Е.В.* Архитектура железнодорожных вокзалов. М., 1967. 267 с.
7. *Кочнев Ф.П.* Пассажирские станции и вокзалы. М., 1950. 360 с.

References

1. Petuhova NM. Town-planning role of the railway stations in Russia and an evolution of their architecture: 1830–1910s diss. kand. iskusstvovedenija]. Sankt-Peterburgsky gos. akad. inst. zhiv. i skul'pt. i arkh-ry. im. I.E. Repina. Saint-Petersburg, 2010. (In Russ.)
2. Batyrev VM. The Railway Stations. Moscow, 1988. 216 p. (In Russ.)
3. Town-planning of Russia in the mid-19th – early 20th century. In 3 vol. Moscow, 2003. (In Russ.)
4. Borisova EA. Russian architecture of the second half of the 19th century. Moscow, 1979. 320 p. (In Russ.)
5. Javejn IG. Architecture of the railway stations. Moscow, 1938. 303 p. (In Russ.)
6. Vasil'ev EV. Architecture of the railway stations. Moscow, 1967. 267 p. (In Russ.)
7. Kochnev FP. Passenger stations and railway terminals. Moscow, 1950. 360 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Олеся В. Пискарева, бакалавр искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; detomate@yandex.ru

Information about the author

Olesya V. Piskareva, bachelor in Art History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; detomate@yandex.ru

Системный подход в искусствоведении

Сергей Ю. Штейн

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sergey@schtein.ru*

Аннотация. Статья посвящена описанию корректного и функционального использования системного подхода в искусствоведческих исследованиях.

Предмет – использование системного подхода в условиях искусствоведения – рассматривается с помощью деятельностного подхода, позволяющего представить его в качестве одного из компонентов научно-исследовательской деятельности – сначала безотносительно конкретики определённой дисциплинарной предметности, а затем уже в условиях его использования непосредственно в искусствоведении. Сделанное описание задает самую общую нормативную «рамку» корректного использования системного подхода в условиях искусствоведческих исследований с учетом специфики той предметной области, с которой имеет дело исследователь-искусствовед.

Полученный результат, который по сути является начальным и самым общим методическим описанием использования системного подхода в условиях искусствоведения как специфической дисциплинарной предметности, может быть использован, во-первых, в качестве инструмента проблематизации существующих искусствоведческих знаниевых представлений, в которых указание на использование системного подхода зачастую является случайным и совершенно не значащим, что он использовался в исследовании, во-вторых, при проектировании и нормировании научно-исследовательской деятельности исследователя-искусствоведа, и наконец, в образовательном процессе – в качестве примера корректного отношения к избираемому методологическому инструментарию при реализации научно-исследовательской работы.

Ключевые слова: методология искусствоведения, теория искусства, системный подход, деятельностный подход, методы искусствоведения, наука об искусстве, научно-исследовательская работа

Для цитирования: Штейн С.Ю. Системный подход в искусствоведении // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 122–134. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-122-134

System approach in art studies

Sergey Yu. Schtein

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, sergey@schtein.ru*

Abstract. The article is devoted to the description of the correct and functional use of the system approach in art studies researches.

The subject of the article is use of the system approach in framework of art studies, that is considered through activity approach, allowing to present the system approach as a component of the scientific research first regardless the specifics of any definite disciplinary objectivity, and then already using it directly in art studies. This description sets the most general normative framework for the correct use of the system approach under conditions of any art research, taking into account the specifics of the subject area which art researcher deals.

The conclusive result, being essentially the primary and most general methodical description of the use of the system approach under conditions of art studies as specific disciplinary objectness, could be used, first of all, as a tool for problematization of existing in art studies knowledge concepts in which the indication of the use of the system approach comes to be often accidental and completely unimportant for real use in the study, and secondly in the design and standardization of scientific research of art studies researcher, and, finally, in the educational process as an example of correct attitude to the selected methodological tools in the implementation of science research work.

Keywords: methodology of art studies, art theory, system approach, activity approach, methods of art studies, art studies, research activity in sciences and humanities

For citation: Schtein SYu. System approach in art studies. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;2:122-34. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-122-134

Введение

При реализации познавательной активности, а конкретно – научно-исследовательской деятельности в условиях дисциплинарной предметности, т. е. продуцируя знание в отношении части, соответствующей данной дисциплине предметной области, которое затем будет восприниматься в качестве заместительного в отношении

познаваемого (собственно – такова цель научного познания), чрезвычайно важно не только избирать адекватный материалу методологический инструментарий, но и корректно его использовать. Однако в искусствоведении (причем во всех его субдисциплинарных областях – связанных с изобразительным искусством и архитектурой, театром, кино и т. д.) наличествует проблема номинального заявления исследователями использования в своих работах в качестве методологии системного подхода при его реальном отсутствии или в лучшем случае – использовании терминологии, которая связана с системным подходом, но которая сама по себе, конечно же, не является заявляемым методологическим инструментом. С одной стороны – это может указывать на адекватность и уровень методологической грамотности отдельных исследователей и при этом – даже не отображаться на качестве самого продуцируемого ими знания, полученного с использованием иных методологических подходов (знания – адекватного этим подходам), но объем таких исследований весьма негативно характеризует общую культуру познавательной активности искусствоведов. Не касаясь подробно причин этого (тут и специфичность самого системного подхода, и сложность изложения его практического применения, которое могло бы быть использовано в качестве методического указания, и отсутствие примеров его адекватного использования в условиях искусствоведения), необходимо указать на главное – на отсутствие хотя бы поверхностного описания того, каким образом системный подход может быть использован в специфических условиях искусствоведения.

Таким образом, цель настоящей работы – описание возможности корректного и функционального использования системного подхода в искусствоведческих исследованиях. Для этого сначала будет проведено краткое описание системного подхода безотносительно его применения в условиях той или иной конкретной дисциплинарной предметности, а затем проанализировано его возможное использование в условиях искусствоведения на двух принципиальных масштабах, первый из которых – «произведение»-система, второй – деятельность (связанная с «произведением»)-система.

Системный подход

Предваряя достаточное описание системного подхода в качестве одного из существующих подходов, используемых в научно-исследовательской деятельности, в условиях которых реализуется рассмотрение познаваемого как чего-то *формально* определенного самим подхо-

дом (отличного от «стратегических» подходов, в которых указывается принимаемый принцип познавательной активности в отношении предмета исследования (дедуктивный подход, индуктивный подход и т. п.), а также от подходов интерпретационных, в которых предмет рассматривается как нечто уже *содержательно* определенное подходом (марксистский подход, феминистский подход и т. п.) – подробно об этом см. [1 с. 35–36]), отсылаем интересующихся подробным и многоаспектным изложением вопросов, связанных как с самим системным подходом, так и с «системными исследованиями» в целом (включающими в себя такие понятия, как «системный анализ», «принцип системности», «общая теория систем»), к ставшим уже классическими работам Блауберга и Юдина [2–4], Садовского [5], Уемова [6], Щедровицкого [7–9], а также к издающемуся с 1969 г. по настоящее время ежегоднику «Системные исследования», в котором отображаются актуальные аспекты теории системных исследований и практического применения системной методологии в различных научных областях (при этом – ни разу в условиях искусствоведческих исследований).

В основе системного подхода полагается утверждение, что есть нечто, что может быть представлено как система. Так как основы системного понимания объектов связаны с рядом терминов, в условиях «системной методологии» получающих специфическое значение, то допустимо, а в условиях настоящей работы – целесообразно описать их через краткие формулировки этих терминов:

- система – целостность, доступная для разложения на образующие ее элементы;
- целостность – ключевое свойство системы, дающее возможность для ее выделения в качестве системы;
- статичная система – неизменная целостность;
- динамичная система – трансформирующаяся целостность без потери исходной целостности (динамичная система может рассматриваться в двух разных масштабах: в масштабе существования (от возникновения целостности до ее распада) и в масштабе цикла (например, при рассмотрении как системы – деятельности, каждый цикл которой является принципиально повторяемым);
- элемент – составная часть системы;
- структура – конструктивное взаимоположение элементов, образующих систему;
- связь/отношение – характер взаимоположения элементов в структуре системы;
- функция элемента – конкретное назначение элемента в структуре целостности системы;

– состояние (в динамичной системе) – положение системы относительно других ее положений (что может выражаться через позиционирование этих состояний по отношению к временной шкале);

– среда – то, что лежит за пределами системы.

Все эти термины могут быть выражены в форме схемы (схема 1).

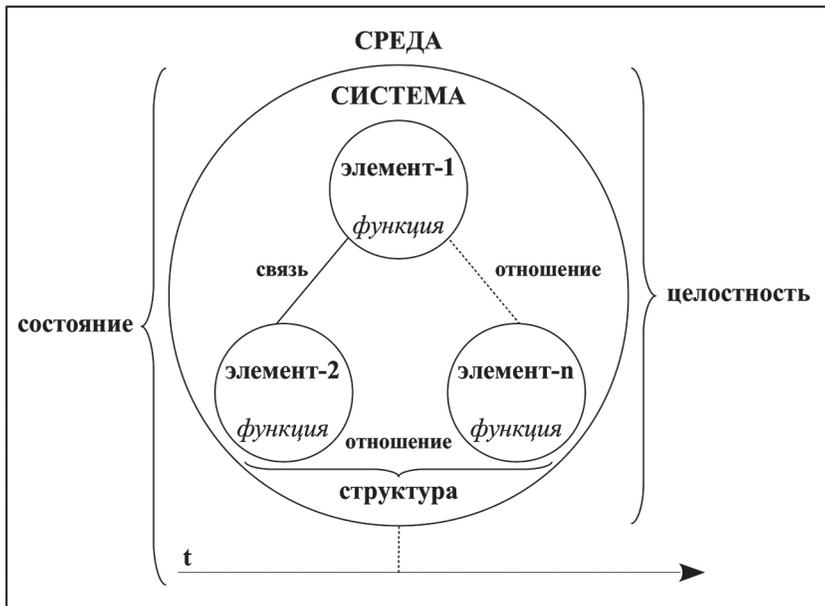


Схема 1

Собственно системный подход в исследовательской деятельности актуализируется тогда, когда субъект, реализующий познавательную активность, осуществляет мысленное отождествление познаваемого с системой или тем или иным ее компонентом (схема 2a) и далее, как бы полагая между собой и познаваемым «призму» системного подхода, преобразующую познаваемое в систему или компонент системы, уже только так и рассматривает познаваемое (схема 2b).

Важно отметить, что отождествление познаваемого с системой или компонентом системы является не его концептуальной интерпретацией, но процедурой фиксации принципиальной возможности формального представления конкретного познаваемого таким

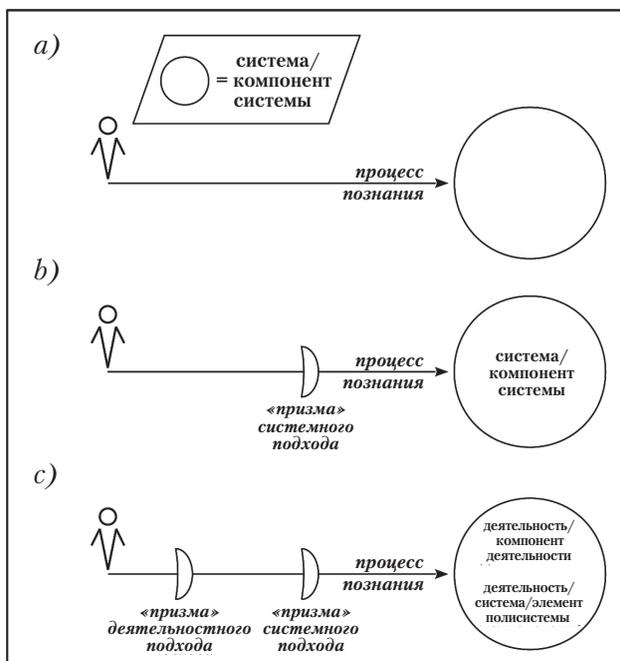


Схема 2

вот образом, что дает определенные условия для организации и выражения имеющейся и получаемой фактологической информации о познаваемом. Однако эта процедура – краеугольный камень корректного использования системного подхода, требующий от использующего системный подход четкой артикуляции того, что принимается за систему, что за составляющие ее элементы и т. д.

Системный подход в искусствоведении в масштабе: «произведение»-система

Исходя из того, что в искусствоведении, безотносительно той или иной конкретной субдисциплинарной области, центральным познаваемым, в отношении которого реализуется исследовательская активность, является «произведение» (картина, скульптура, здание, спектакль, фильм и т. д.), интерпретируемое в качестве «произведения искусства» (собственно, что и выделяет некоторые

«произведения» из ряда вообще всех «произведений»), то в первую очередь рассмотрим возможности применения системного подхода на масштабе «произведение»-система.

Так как «произведением», которое оказывается в фокусе внимания искусствоведа, может быть потенциально любая сенсорно-воспринимаемая форма (СВФ) [10 с. 11–14], то, принимая ее за систему (это не вызывает вопросов), мы должны определить, что будет или, вернее, что может быть принято за составляющие ее элементы. Но при попытке дать ответ на этот вопрос мы приходим к выводу, что одно и то же «произведение» может быть рассмотрено в качестве совершенно разных систем.

Условно разделив СВФ на фигуративные и нефигуративные, можно определить, что в фигуративных СВФ системой будет то, что можно назвать моделью по отношению к некоему моделируемому (реальному или фантазийному), элементом которой будет фигуративный предмет, входящий в ее целостность (в пространственных искусствах – статичный предмет, в искусствах пространственно-временных – предмет в его возможной трансформации). В нефигуративных же СВФ системой будет являться абстракция, элементом которой может быть определен принципиально вычленимый компонент целостности СВФ как системы (например, обособляемая форма, цвет и т. п.).

Безотносительно своего характера (фигуративного или нефигуративного) СВФ может являться определенным выражением чего-то – некоего «послания»/«сообщения» (вне или в рамках определенного дискурса) и, таким образом, быть уже не системой-моделью и не системой-абстракцией, а системой-«посланием»/«сообщением», элементом которой может быть определен компонент СВФ, работающий на выражение «послания»/«сообщения» (причем одновременно такими элементами могут быть принципиально разнохарактерные компоненты, такие как сюжет, композиция, деталь, цвет, игра актера и т. п. – проблема в возможности прояснения той структуры, которую они образуют, и выявления места каждого элемента в ней). Однако тут может возникнуть вопрос о корректности рассмотрения «послания»/«сообщения» в отрыве от той деятельности, в условиях которой это «послание»/«сообщение» продуцировалось. Но при переводе взгляда на деятельность, СВФ перестает быть системой и становится компонентом деятельности, которая в свою очередь оказывается системой (тут мы должны перейти к рассмотрению системного подхода в масштабе деятельность (связанная с «произведением»)-система, что и будет сделано чуть позже).

Еще один возможный вариант рассмотрения СВФ как системы безотносительно ее фигуративного или нефигуративного характера является ее рассмотрение в качестве системы-инструментов – своеобразного набора использованных при создании СВФ средств и методов. Однако и тут одного системного подхода оказывается недостаточно и между субъектом и познаваемым должна быть поставлена «призма» дополнительного, в данном случае – деятельностного подхода [11; 12], причем эта «призма» будет исходной (познаваемое – деятельность), дающей возможность рассматривать определенное в качестве деятельности как систему (деятельность – система), а саму СВФ и инструменты, использованные для ее создания, как одни из компонентов этой системы (СВФ – продукт деятельности, инструменты – средства и методы деятельности).

Рассмотрев и показав, что использование системного подхода на масштабе «произведение»-система возможно, но несколько ограничено, перейдем к рассмотрению возможностей применения системного подхода в условиях искусствоведения на масштабе деятельность (связанная с «произведением»)-система.

Системный подход в искусствоведении в масштабе: деятельность (связанная с «произведением»)-система

Для того чтобы более наглядно представлять себе ситуацию реализации познавательной активности в отношении того, что является деятельностью и одновременно определяется в качестве системы, а в случае если деятельность оказывается частью полисистемы (системы, состоящей из двух и более видов деятельности), то уже в качестве элемента полисистемы, во-первых, дополним имеющуюся схему 2b полагаемой между субъектом и познаваемым «призмой» деятельностного подхода и получим в качестве познаваемого деятельность/компонент деятельности, где деятельность-система/элемент полисистемы (схема 2с), а во-вторых, в самом общем виде представим деятельность-систему, элементами которой будут являться процессы, выстроенные в определенной последовательности (жесткость или вариативность ее структуры будет характеризовать уже специфику конкретной деятельности), каждый из которых доступен для выражения в качестве исходного материала, переводимого с использованием средств и методов в состояние продукта, оказывающегося для последующего процесса исходным материалом, а при реализации последнего процесса – в состояние такого продукта, который оказывается «упакованным»

в продуктивный контейнер, обуславливающий специфику данного вида деятельности и говорящий о том, что процессуальная цепочка закончена и цикл данной деятельности реализован (схема 3).



Схема 3

Исходя из этого, а также из того, что основной фокус интереса искусствоведов сосредоточен на СВФ, основной деятельностью, которая в условиях искусствоведческих исследований может быть представлена как система, является деятельность по продуцированию СВФ («творческая» деятельность), доступная для рассмотрения как минимум в четырех принципиальных ракурсах:

- безотносительно иных видов деятельности;
- в сопоставлении с иными подобными видами деятельности;
- во взаимосвязи с деятельностью/деятельностями, в условиях которых СВФ оказывается так или иначе функциональна (в данном случае – в качестве элемента полисистемы);
- в условиях ее интерпретации (в целом всей деятельности, продукта деятельности, отдельных компонентов деятельности) с рефлексивной точки зрения (в этом случае – в качестве исходного материала).

Во всех перечисленных случаях корректность использования системного подхода будет зависеть от точности того, в качестве чего определяется познаваемое (системы, того или иного конкретного компонента системы), и если это не непосредственно деятельность по созданию СВФ или ее компонент – то от определения того, каково место СВФ или тех или иных ее аспектов в структуре познаваемого, представленного с использованием системного подхода.

Приведем хотя бы по одному примеру возможного использования системного подхода в искусствоведческих исследованиях в обозначенных выше ракурсах.

Пример 1. Рассмотрение деятельности по продуцированию СВФ безотносительно иных видов деятельности.

Начальные исследовательские условия: предмет исследования – функции X в творчестве Y , объект исследования – творчество Y , цель – выявление функций X в творчестве Y . Познаваемое после положения «призмы» системного подхода: в качестве системы определяется творческая деятельность Y , состоящая из какого-то числа законченных циклов (в максимальном масштабе, равном количеству произведенных Y СВФ), каждый из которых является процессуальной множественностью, определяющей структурную целостность и специфику системы в ее данном конкретном состоянии и заканчивающейся окончанием работы над созданием СВФ. В каждом из циклов, исходя из того чем конкретно является X (приемом, инструментом, частью создаваемого продукта – цветом, деталью, символом и т. п.), X может определяться в качестве компонента исходного материала или конечного продукта, одного из средств, частью метода (например, трансформирующейся от цикла к циклу). Таким образом, цель достигается путем анализа того статичного или эволюционирующего функционального места X , которое оно занимает в целостности системы, рассматриваемой через составляющие ее циклы.

Пример 2. Рассмотрение деятельности по продуцированию СВФ в сопоставлении с иными подобными видами деятельности.

Начальные исследовательские условия: предмет исследования – функции X в творчестве Y , объект исследования – функция X в той национальной традиции Z , к которой принадлежит Y , цель – выявление функций X в творчестве Y , принадлежащего национальной традиции Z . Познаваемое после положения «призмы» системного подхода: в качестве системы определяется творческая деятельность Y , а также каждого или избранных по усмотрению исследователя авторов, произведенные СВФ которых составляют национальную традицию Z . В каждом из циклов творческой деятельности Y и авторов, образующих национальную традицию Z , исходя из того, чем конкретно является X , X может определяться в качестве компонента исходного материала или конечного продукта, одного из средств, частью метода. Таким образом, цель достигается путем анализа функционального места X , которое оно занимает в целостности системы творческой деятельности Y , и его сопоставления с тем функциональным местом, которое занимает X в целостности системы творческой деятельности авторов, образующих национальную традицию Z .

Заметим, что при условии того, что вычленение функции X из целостности СВФ может быть осуществлено независимо от рассмотрения деятельности по ее созданию, оба примера могут быть решены и на масштабе применения системного подхода «произведение»-система.

Пример 3. Рассмотрение деятельности по продуцированию СВФ во взаимосвязи с деятельностью/деятельностями, в условиях которых СВФ оказывается так или иначе функциональна.

Начальные исследовательские условия: предмет исследования – СВФ X в конструктивной целостности СВФ Y, объект исследования – конструктивная целостность СВФ Y, цель – выявление функции СВФ X в конструктивной целостности СВФ Y. Познаваемое после положения «призмы» системного подхода: в качестве системы определяется деятельность по созданию СВФ X и деятельность по созданию СВФ Y, которые, будучи взаимосвязаны, образуют полисистему, в которой продукт первой деятельности является одним из исходных материалов для второй деятельности. Таким образом, цель достигается путем анализа зависимости реализации деятельности по созданию СВФ Y от имеющейся СВФ X, функционально включаемой в конструктивную целостность СВФ Y на этапе ее продуцирования и определения функции СВФ X в конечном продуктивном целом с учетом этого знания.

Если абстрагироваться от деятельности по созданию СВФ Y и рассматривать ее на масштабе применения системного подхода «произведение»-система, то поставленная цель будет достигнута и в этом случае, но знание о функции СВФ X в конструктивной целостности СВФ Y будет ограничено герметичностью ее рассмотрения.

Пример 4. Рассмотрение деятельности по продуцированию СВФ в условиях ее интерпретации с рефлексивной точки зрения.

Начальные исследовательские условия: предмет исследования – приемы интерпретации СВФ X в качестве «произведения искусства», объект исследования – приемы интерпретации СВФ в качестве «произведения искусства», цель – систематизация приемов, используемых для интерпретации СВФ X в качестве «произведения искусства». Познаваемое после положения «призмы» системного подхода: в качестве системы определяется имеющая множественный характер (реализуемая неоднократно разными субъектами) деятельность по интерпретации СВФ X в качестве «произведения искусства», для которой СВФ X, а также при обращении в процессе интерпретации – деятельность по созданию СВФ X является исходным материалом. Таким образом, цель достигается в результате сопоставления и упорядочивания (систе-

матизации) приемов, используемых для интерпретации СВФ X в качестве «произведения искусства», рассмотренных через анализ продуцирующих данные интерпретации рефлексивные деятельности-системы (причем сами эти рефлексивные деятельности-системы могут рассматриваться как элементы различных полисистем, связанных с познавательной активностью, – например дискурсивных или дисциплинарных).

Заключение

Сделанное описание применения системного подхода в условиях искусствоведения как специфической дисциплинарной предметности, конечно же, весьма краткое и приоткрывает лишь поверхность тех возможностей, которые оказываются доступны исследователю, использующему в своей работе системный инструментарий. Однако уже этого достаточно для того, чтобы осознать функциональные возможности системного подхода и те налагаемые на исследователя обязательства, которым необходимо следовать для его корректного применения.

Литература

1. Штейн С.Ю. Методология в искусствоведении // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2017. № 4. Часть 1. С. 32–46.
2. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 272 с.
3. Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М., 1997. 448 с.
4. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.
5. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 280 с.
6. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
7. Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964. 48 с.
8. Щедровицкий Г.П. Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии // Избранные труды / Щедровицкий Г.П. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. С. 57–87.
9. Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Системные исследования: методологические проблемы. Ежегодник 1981. М.: Наука, 1981. С. 193–227.
10. Штейн С.Ю. Перманентная рефлексивно-методологическая работа в условиях искусствоведения // Артикульт. 2017. № 26 (2). С. 6–26. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-2-6–26.

11. *Щедровицкий Г.П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Избранные труды / Щедровицкий Г.П. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. С. 233–280.
12. *Штейн С.Ю.* Деятельностный подход в искусствоведении // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2017. № 2. Часть 1. С. 99–109.

References

1. Schtein SYu. Methodology in art studies. *Decorative art and the subject-spatial environment. Vestnik MGHPA*.2017;4/1:32-46. (In Russ.)
2. Blauberg IV., Judin JeG. Formation and essence of the system approach. Moscow: Nauka Publ.; 1973. 272 p. (In Russ.)
3. Blauberg IV. An issue of wholeness and systems approach. Moscow, 1997. 448 p. (In Russ.)
4. Judin JeG. Methodology of science. Systemacity. Activities. Moscow: Editorial URSS Publ.; 1997. 444 p. (In Russ.)
5. Sadvovskiy VN. Foundations of general systems theory. Moscow: Nauka Publ.; 1974. 280 p. (In Russ.)
6. Ujomov AI. System approach and general systems theory. Moscow: Mysl' Publ.; 1978. 272 p. (In Russ.)
7. Shchedrovitsky GP. Methodological issues of system research. Moscow, 1964. 48 p. (In Russ.)
8. Shchedrovitsky GP. Selected Works. Moscow: Shk. Kul't. Polit. Publ.; 1995. Stat'ya. *The systems movement and perspectives of development of the system-structural methodology*. p. 233-80. (In Russ.)
9. Shchedrovitsky GP. The principles and the general scheme of the methodological organization of system-structural research and development. V: *System studies methodological issues. Yearbook 1981*. Moscow: Nauka Publ.; 1981. p. 193-227. (In Russ.)
10. Schtein SYu. Permanent reflexive-methodological work in the conditions of art studies. *Artikul't* [Internet]. 2017 [data obrascheniya 22 aug. 2018]; 26:6-26. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-2-6-26. (In Russ.)
11. Shchedrovitsky GP. Selected Works. Moscow: Shk.Kul't.Polit. Publ.; 1995. Stat'ya. *The basic concepts and categorical means of the activity theory*. p. 33-280. (In Russ.)
12. Schtein SYu. Activity approach in art studies. *Decorative art and the subject-spatial environment. Vestnik MGHPA*.2017;2/1:99-109. (In Russ.)

Информация об авторе

Сергей Ю. Штейн, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sergey@schtein.ru

Information about the author

Sergey Yu. Schtein, PhD in Art Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; sergey@schtein.ru

«Трактат о душе» Кассиана Саковича: на пересечении философских традиций

Наталья В. Пуминова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natalia.puminova@gmail.com*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотрения учения о душе Кассиана Саковича в контексте как католического богословия, так и восточно-христианской традиции.

Основным предметом анализа в настоящем исследовании является вышедший в 1625 году «Трактат о душе» Кассиана Саковича, до настоящего времени слабо изученный. Для выявления особенности понимания Саковичем значения проблематики, поднятой в данном трактате, он сопоставляется с некоторыми как православными, так и католическими академическими курсами середины XVII века.

Важнейшей задачей данной статьи является характеристика способа использования текстов схоластической традиции автором, принадлежавшим, на момент написания трактата, к православной церкви. В первую очередь «Трактат о душе» сопоставляется с трактатами «О человеке» и «О сохранении и управлении творением», входящими в «Сумму теологии» Фомы Аквинского, влияние которого на Саковича было весьма существенным. Возможные причины подобной зависимости усматриваются в фактах биографии Кассиана Саковича, и выявляется влияние философско-богословской позиции автора на изменения его конфессиональной принадлежности.

В статье особое внимание уделяется тем местам в «Трактате о душе», в которых Сакович осуществил творческую переработку идей Фомы Аквинского, а также оригинальным рассуждениям этого автора. Отмечаются внесенные Саковичем изменения в общую структуру текста сравнительно с соответствующими разделами «Суммы теологии» и факторы, подобное изменение обуславливающие.

Ключевые слова: учение о душе, Кассиан Сакович, Речь Посполитая, Фома Аквинский, сотериология

Для цитирования: Пуминова Н.В. «Трактат о душе» Кассиана Саковича: на пересечении философских традиций // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 135–145. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-135-145

“Treatise on the Soul” by Kassian Sakowicz. At the crossroads of philosophical traditions

Natalia V. Puminova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; natalia.puminova@gmail.com*

Abstract. The article attempts to consider the doctrine of soul of Kassian Sakowicz in the context of both Catholic theology and the Eastern Christian tradition.

The main subject of present analysis is the “Treatise on the Soul” by Kassian Sakowicz, published in 1625, which has so far been poorly studied. To identify Sakowicz’s understanding of the significance of the problematics raised in this treatise, it is compared to some Orthodox as well as Catholic academic courses of the mid-17th century.

The most important task of this article is to describe the way in which the texts of the scholastic tradition are used by the author, who, at the time of writing the treatise, belonged to the Orthodox Church. Therefore “Treatise on the Soul” is chiefly compared with treatises “Man” and “Conservation and Government of Creation”, included in the “Summa Theologiae” by Thomas Aquinas, whose influence on Sakowicz was very significant. The possible reasons for this dependency are seen in the facts of the Sakowicz’s life. Also, the influence of the author’s philosophical and theological position on evolution of his confessional identity is revealed.

Special attention is given to those places in the “Treatise on the Soul”, in which Sakowicz creatively reworked the ideas of Thomas Aquinas, as well as to the original thought of this author. However, the author of the article not only notes Sakowicz’s changes to the general structure of the text, as compared to the corresponding sections of “Summa Theologiae”, but she also attempts to unveil factors that caused such a change.

Keywords: teaching on the soul, Kassian Sakowicz, Polish–Lithuanian Commonwealth, Saint Thomas Aquinas, soteriology

For citation: Puminova NV. “Treatise on the Soul” by Kassian Sakowicz. At the crossroads of philosophical traditions. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series*. 2018;2:135-45 DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-135-145

Предметом данного исследования будет «Трактат о душе» Кассиана Саковича, интересного и неоднозначного богослова, жившего в Речи Посполитой в первой половине XVII в. Неоднозначность эта определяется уже самой биографией Саковича, который, будучи сыном православного священника, перешел сначала в униатство, а потом в католицизм.

Из скудных сведений о детстве и юности Саковича известно, что он родился около 1578 г. в деревне Потелич в земле Белзской (ныне располагается на территории Львовской области) в семье православного священника¹. Сакович получал образование не в братских школах, что было характерно для многих православных, выбравших для себе духовную карьеру, а в Замойской академии и впоследствии в Краковской академии (в которой, как кажется, не прошел полного курса, но называл себя ее «wuchowankiem», т. е. воспитанником). В первое время после обучения Сакович занимался преподавательской деятельностью: был домашним учителем Адама Киселя (будущего киевского воеводы и защитника православия) и преподавал в Киевской Богоявленной братской школе и даже был ее ректором. Интересным для нас будет 1625 г., поскольку именно в этот год Сакович перешел из православия в униатство, вступив в Василианский орден. В этом же году был издан «Трактат о душе», предмет нашего изучения. Необходимо здесь сделать одно дополнение: если опубликован трактат был в 1625 г., то написан, скорее всего, до 1625-го, т. е. до перехода Саковича в униатство.

Кажется сомнительным предположение, сделанное С.Т. Голубевым [3 с. 325], что этот переход был обусловлен в большой степени экономическими соображениями и стремлением занять высокий пост в униатской иерархии; думается, он имел и серьезные богословские основания. Заметное влияние на Саковича аристотелевско-схоластической традиции обнаруживается еще в 1620 г.,

¹ О жизни и сочинениях Кассиана Саковича см.: [1–2].

когда им в Киеве был издан трактат «Аристотелевские проблемы, или Вопросы о природе человека». Несмотря на то что данное произведение было посвящено Лаврентию Древинскому, вольнскому шляхтичу, защищавшему права православных, Сакович в нем во многом воспроизводил положения, заимствованные из сочинений католических авторов.

Говоря о следующем переходе Саковича, т. е. о переходе из униатства в католицизм, произошедшем в 1640 г. (принят Римом в 1643 г.), стоит отметить, что он также имел определенные богословские основания и был вызван резким неприятием со стороны униатского духовенства вышедшего в 1640 г. трактата «Старый календарь», в котором Сакович доказывал необходимость замены юлианского календаря григорианским.

В данной статье не будет детально разбираться учение Саковича о душе, поскольку как во многих основополагающих тезисах, так и в способе аргументации Сакович воспроизводит идеи Фомы Аквинского. В первую очередь нас будут интересовать характерные для Саковича методы работы с текстами, принадлежащими иной, западной традиции, и сама попытка восприятия этой традиции автором православным, учившимся, однако, в «латинской» Краковской академии и симпатизировавшим латинскому богословию.

В XVII в. как православные, так и католические богословы, а в первую очередь авторы академических курсов, рассматривали учение о душе как часть физики. Характерно это было для иезуитской традиции. Примером могут служить курсы профессора философии в Калише и Львове Марчина Лубенского и Томаша Эльжановского, преподававшего в двух упомянутых уже городах, а также и в ряде других, среди которых Познань, Краков и Каменец Подольский². Как в изданных в 1620 г. Лубенским «Положениях универсальной философии», так и в рукописи Эльжановского части *de anima* завершают разделы, посвященные физике.

Схожую ситуацию мы обнаружим при обращении к православным курсам, составленным (при бесспорной опоре на иезуитскую традицию) в 40-е гг. в Киеве. Преподаватель Киевского коллегиума, а впоследствии его ректор Иннокентий Гизель курс «Сочинение о всей философии», прочитанный им в 1645–1647 гг., завершал трактатом «О душе вообще». Предшествовали трактату о душе трактаты об элементах и о рождении и уничтожении. При этом Гизель излагал в основном учение о потенциях и силах души чувственной и разумной. Психология рассматривалась как часть курса

² См. об этом: [4].

натуральной философии и в конце XVII – начале XVIII в., например у Иосафа Кроковского (1687), Стефана Яворского (у которого в «Философском состязании» учение о душе располагалось между трактатом о «возникновении и гибели» и трактатом «о метеорах» 1691), Иннокентия Поповского (1699)³.

Кассиан Сакович учению о душе придает совершенно иное значение: он вписывает его в рамки сотериологии, о чем свидетельствуют как логика всего трактата, так и его первая и последняя фразы. Начинается трактат следующей фразой: «Наука и рассуждение о душе не только прекрасны, но и для знания и спасения нашего весьма необходимы» [6 s. 1] (здесь и далее перевод с польского языка мой. – Н. П.). Завершается он описанием тех трех мест, куда может попасть душа после смерти. Рассмотрение последним ада дает Саковичу возможность закончить трактат следующим назиданием: «Покайся пока у тебя есть еще на это время и задавайся вопросом не о том, где окажется душа того или иного человека, а о том где окажется твоя» [6 s. 167]. Подобная композиция не кажется случайной. В ней проявляется мнение Саковича о месте и значении учения о душе. Непонимание того, чем является человеческая душа и каково ее предназначение, приводит к трагическим последствиям: человек либо опускается до животного, либо впадает в гордыню, приписывая себе свойства ангельские или даже божественные. Таким образом, античному призыву «познай самого себя» придается сотериологическое значение. К проблемам спасения наш автор обращается неоднократно на протяжении всего трактата: например, в разделе о разумной душе и об уме как одной из ее сил Сакович постулирует ограниченность человеческих познавательных способностей. Не только конкретный человек, но и человечество в целом не может не то что познать всего, но и познать какой-то отдельной вещи (в частности, человеческой души). Однако это не вызывает у него беспокойства: все наши исследования, идущие «от удивления», несущественны. Человеку доступно знание о самом главном, т. е. о спасении [6 s. 77–78].

Как уже было сказано, в содержательном плане Кассиан Сакович испытывает колоссальное влияние латинского богословия. В ключевых моментах трактата он воспроизводит положения, заимствованные из аристотелевско-томистской традиции. Начинает он с классического определения «*anima est actus corporis*» и деления души, «принятого как философами, так и теологами», на растительную, чувственную и разумную части [6 s. 4–8]. Далее он переходит

³ См. об этом: [5].

к рассмотрению сил и способностей двух низших душ. Он пишет о питании, размножении и росте как силах души растительной, внешних (т. е. воображение, память и общее чувство) и внутренних (оценивающая способность) чувствах как силах души чувственной. В данных разделах Сакович достаточно жестко придерживается текста вопроса 78 («О частных силах души») «Суммы теологии» Фома Аквинского. Порой ему приходится опускать некоторые разделы, кажущиеся ему несущественными, или же, наоборот, приносить в текст дополнительные пояснения или примеры, не всегда, правда, корректные. Так, Фома, сопоставляя «оценивающую способность» животных с рассуждениями человека, ограничивается замечанием о том, что «...остальные животные воспринимают эти интенции только в силу некоего природного инстинкта, человек воспринимает их через посредство своего рода сопоставления идей. По этой причине сила, которая в других животных именуется силой естественного оценивания, в человеке известна как “размышление”...» и далее продолжает, что человек обладает также «“припоминанием”, т. е. такой памятью, которая с помощью силлогизмов ищет воспоминания о прошлом в соответствии с [конкретными] частными интенциями» [7 с. 87]. Сакович же иллюстрирует это положение на примере собаки и человека. Первая с помощью природной способности определяет, что этот человек враг, а человек выстраивает силлогизм: «Это Павел. Это враг. Павел – враг» [6 с. 25].

Подобная зависимость от Аквината обнаруживается и в разделах, посвященных разумной душе. Более того, в некоторых местах Сакович воспроизводит «Сумму теологии» очень близко к тексту. Так, например, обращаясь к сопоставлению человеческих душ и ангелов, Сакович приводит ровно те же возражения о единстве их природы, что и Фома. Удивительно то, что ответы на эти возражения Сакович дает уже совсем иные, чем Аквинат. В качестве примера приведем первое возражение и ответ на него.

Кроме того, Сакович создает текст, структурно отличный от соответствующих разделов «Суммы теологии». В одном тексте он объединяет фрагменты из разных частей этого сочинения Аквината, излагая их в такой последовательности, которая дает ему возможность привести читателя к выводу о значимости учения о душе для спасения.

Сакович собственными рассуждениями и пояснениями сопровождает также те фрагменты из «Суммы теологии», которые противоречили православному вероучению. В первую очередь мы можем это наблюдать в разделе об обосновании существования чистилища. В конце трактата, как уже было сказано, Сакович

	Кассиан Сакович [6 s. 54–55]	Фома Аквинский [7 с. 19–20]
Возражение 1	То, что для единой цели сотворено, имеет одну природу и сущность. Ангелы и души для одной цели, то есть для достижения вечного блаженства, созданы, а значит, к одному виду и сущности относятся	Кажется, что душа принадлежит к тому же виду, что и ангел. В самом деле, любая вещь определяется к своей надлежащей цели через посредство природы своего вида, благодаря которой ей присуща склонность к этой цели. Но у души и у ангела общая цель, а именно вечное блаженство. Следовательно, и вид у них общий
Ответ на возражение 1	Этот аргумент основан на определении ближайшей и естественной цели, тогда как вечное блаженство есть конечная и сверхъестественная цель	То, что для одной цели ангелы и души наши созданы, не является следствием того, что они одного вида и сущности. Так как к этой цели не одинаковым способом следуют: души в соединении с телом, а ангелы без тела

поднимает вопросы о состоянии и жизни души после смерти, в частности описывает три места, куда может попасть душа. Если существование первого и третьего мест – т. е. рая и ада – не подвергалось сомнению, то в отношении второго – т. е. чистилища – этого сказать нельзя. Сакович раздел о мытарстве начинает с констатации того факта, что «нет у нас никакого письменного свидетельства и доказательства о том третьем месте между небом и пеклом, которое латинники называют *purgatorium*, поляки – *czystcem*, а мы славяне – мытарством... однако мы молимся за усопших, жертвование за них делаем, служим за них литургии и две субботы в году посвящены их поминовению» [6 s. 154]. Далее следует рассуждение, о ком имеет смысл молиться: тем, кому открыто Царствие Небесное, это не нужно, более того: им люди молятся, прося помощи в делах земных. Участь же обреченных на вечные мучения человеческие молитвы не облегчат: так, никто не молится ни за Иуду, Ирода или Нерона, ни за самоубийц. Соответственно, должно существовать это третье место, откуда души могут быть освобождены благодаря молитвам живущих. Сакович заключает: «...можешь назвать это место, как хочешь, должен ты будешь признать, что таковое существует» [6 s. 156]. При этом в чистилище души с необходимостью претерпевают страшные мучения и в первую очередь через них, а не через человеческие молитвы получают спасение.

Схожая ситуация складывается в разделе о человеческом размножении в раю в безгрешном состоянии. На вопрос «Могло ли порождение в состоянии невинности осуществляться посредством соития?» Фома Аквинский дает положительный ответ, причем он оговаривается, что «...некоторые из ранних учителей, исследуя природу сопровождающей порождение похоти в нынешнем состоянии жизни, пришли к заключению, что в состоянии невинности порождение должно было быть [каким-то] другим. Так, по мнению Григория Нисского, человеческий род в раю прирастал иначе, ибо и ангелы прирастают числом не посредством соития, но благодаря действию божественной силы». Однако далее он пишет, что «такое мнение вряд ли можно считать обоснованным. В самом деле, грех не может ни прибавить, ни отнять то, что присуще человеку по природе» [7 с. 336].

Для Кассиана Саковича подобное несогласие с мнением Отца Церкви составляло уже серьезную проблему, и саму возможность подобного несогласия ему необходимо было обосновать. Посему Сакович вводит в свой текст пространное рассуждение о двух монахах: святом и умном. Если этим двум монахам задать вопрос, то первый, отличающийся благочестием, но менее ученый, ответит на него в соответствии со своими представлениями. Однако более совершенным будет ответ второго, менее благочестивого (и, скорее всего, как пишет Сакович, более молодого), но сведущего в науке, поскольку основываться он будет на знании богословия. Подобное происходит по причине того, что и один и тот же человек может себе противоречить, и разные люди способны высказывать противоположные суждения, благочестие же не дает возможности взвесить адекватно доводы сторон, а значит, и принять позицию, лучше обоснованную. В завершение своего рассуждения Сакович приводит в качестве примера догмат о непорочном зачатии Девы Марии. Несмотря на то, что текст Священного Писания нам о непорочном зачатии Девы Марии прямо не говорит, учитывая различные разумные доводы, мы будем склонны эту идею принять, но людей, догмат этот не признающих, мы все же не должны считать еретиками. Только после всех этих предварительных замечаний Сакович приходит к выводу: мы не оспариваем благочестие и учение Иоанна Дамаскина и Иоанна Злаотоуста, однако, принимая во внимание доводы других учителей церкви, мы должны признать, что размножение человека в раю должно было происходить через соитие [6 с. 110–112].

К вполне оригинальным можно отнести те фрагменты «Трактата о душе», в которых Кассиан Сакович упоминает актуальные проблемы православных в Речи Посполитой в 20-е гг. XVII в. Одно

из таких обращений будет непосредственно связано с вопросом, о котором только что шла речь. Сакович выступает в защиту православного богослова Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого, осуждаемого, в частности, за убежденность в том, что размножение в безгрешном состоянии должно было бы происходить тем же способом, что и после грехопадения прародителей [6 s. 116]. Стоит отметить, что решение о несоответствии творчества Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого православному канону было вынесено Киевским митрополитом Иовом Борецким в 1625 г., т. е. как раз в год издания «Трактата о душе».

Сам же Сакович делает очень острые выпады против иных православных авторов, в первую очередь против Стефана Зизания. Он обрушивается и с критикой на деятельность типографии братства Святого Духа в Вильно, в которой печатались книги, напичканные, с точки зрения Саковича, еретическими идеями [6 s. 141–142].

К этой группе критических высказываний Саковича можно отнести замечания в отношении некоторых обычаев, распространенных среди приверженцев восточного обряда. Сакович негодует, что «многие из наших (православных. – *Н. П.*) простаков разум и мудрость приписывают тому, у кого большая борода и длинные волосы, как у лошади. Тогда как обычно говорят: “волос длинный, ум короткий”» [6 s. 116–117]. Длина бороды и усов при этом затрудняет главное в жизни христианина событие – принятие святого таинства причастия, поскольку половина Крови Христовой остается как раз на бороде и усах, а порой даже капает с них на пол. Если же кто-то захочет подстричь бороду и усы, то сразу будет обвинен в папской ереси. То, что Сакович, выступая против запрета на бритье бород, называет это «нашим» обычаем, позволяет увидеть в нем ещё православного, несмотря на то что свою конфессиональную принадлежность автор не подчеркивает и судить о ней можно только по ряду косвенных признаков.

Православные и, шире, «русские» элементы в «Трактате о душе» встречаются редко. Безусловно, они наблюдаются как в содержании, так и на языковом уровне: в использовании понятий церковнославянского языка и приведения на нем цитат (в особенности в конце текста). Примерами могу служить такие русизмы, как «мытарство» [6 s. 154] или «самовластие» [6 s. 78]. Часто Сакович сопровождает те или иные польские понятия или названия русскими или церковнославянскими эквивалентами, записанными в большем числе случаев латиницей. Например, мы можем встретить следующее: «*słowo na wstąpienie Pańskie po naszymu na woznesenie Nospodnie*» [6 s. 141]. В данном фрагменте Сакович польское название

праздника Вознесения, то есть «wstąpienie Pańskie» (в современном польском языке «Wniebowstąpienie Pańskie») переводит на русский язык, но, как и во многих иных случаях, «Вознесение Господне» пишется не кириллицей, а латиницей – «woznesenie Hospodnie». Обращает на себя внимание также и тот факт, что вариант «woznesenie Hospodnie» Сакович называет «нашим» («po naszym»), в отличие от «чужого», польского «wstąpienie», что может являться косвенным свидетельством принадлежности Саковича к одной из церквей греческого обряда. Следует, однако, признать, что цитаты на латыни и латинские термины в трактате используются значительно чаще.

Анализируя список «авторитетных» источников, используемых Саковичем, мы можем констатировать его бóльшую «западность». В тексте мы не найдем ссылок ни на Григория Паламу (и на исихастскую традицию в целом), ни на русских православных авторов предшествующих эпох. Из греческих богословов будут упоминаться те, которые были признаны и Западной Церковью, в первую очередь Дионисий Ареопагит, Григорий Нисский, Иоанн Дамаскин, Иоанн Златоуст (ссылок на сочинения последнего будет в целом меньше, чем это было свойственно православным авторам данной эпохи как в Речи Посполитой, так и в Московском царстве).

Подводя итог, можно констатировать, что Сакович испытывал весьма серьезное влияние схоластики, и в первую очередь богословия Фомы Аквинского. Подобная зависимость, с одной стороны, являлась следствием полученного Саковичем образования, с другой – предопределяла дальнейший переход этого изначально православного автора сначала в греко-католичество, а потом и в католицизм.

Излагая учение о душе, Сакович заимствует многие положения из «Суммы теологии» Фомы Аквинского, однако меняет структуру текста. Эти изменения в серьезной мере вызваны представлениями Саковича о месте и значении данной части богословия, а именно тем, что Сакович, в отличие от ряда своих современников, не излагал учение о душе как часть физики, но рассматривал его в контексте сотериологии.

«Трактат о душе», несмотря на свою компилятивность и зависимость от томизма, является все же интересной попыткой введения элементов западной традиции в православный обиход. Успешность этой попытки оказывается, однако, сомнительной, о чем говорит сам тот факт, что Кассиан Сакович не остался в лоне православия, перейдя в итоге в католицизм.

Литература

1. *Estreicher K. Sakowicz Kassian Kalikst // Bibliografia Polska.* W 4 cz. Cz. 3. T. 27. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1929. S. 26–30.
2. *Szegda M. Sakowicz (Isakowicz) Kalikst, imię zakonne Kasjan // Polski słownik biograficzny.* W 51 t. T. 34. Warszawa, 1993. S. 343–345.
3. *Голубев С.Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. В 2 т. Т. 2. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1898. 164 с.
4. *Darowski R.* Studia z filozofii jezuitów w Polsce w XVII i XVIII wieku. Kraków: Wydział Filozoficzny Towarzystwa Jezusowego, 1998. 372 s.
5. *Стратий Я.М., Литвинов В.Д., Андрушко В.А.* Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. Киев: Наукова думка, 1982. 345 с.
6. *Sakowicz K.* Traktat o duszy. Kraków, 1625. 167 s.
7. *Фома Аквинский.* Сумма теологии. В 12 т. Т. 3. Киев; Эльга: Ника-Центр, 2005. 576 с.

References

1. *Estreicher K. Sakowicz Kassian Kalikst. V: Bibliografia Polska.* W 4 cz. Cz. 3. T. 27. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1929. s. 26-30.
2. *Szegda M. Sakowicz (Isakowicz) Kalikst, religious name Kasjan. V: Polski słownik biograficzny.* W 51 t. T. 34. Warszawa, 1993. s. 343-345.
3. *Golubev ST.* Metropolitan of Kiev Peter Mogila and his followers. In 2 vols. Vol. 2. Kiev: Tipografiya S.V. Kul'zhenko Publ.; 1898. 164 p. (In Russ.)
4. *Darowski R.* Studies in the Jesuit philosophy in Poland in the 17th and 18th centuries. Kraków: Wydział Filozoficzny Towarzystwa Jezusowego, 1998. 372 s.
5. *Stratii YM, Litvinov VD, Andrushko VA.* Description of the courses of philosophy and rhetorics of professors of the Kiev and Mohyla Academy. Kiev: Naukova dumka Publ.; 1982. 345 s. (In Russ.)
6. *Sakowicz (Sakovich) K.* Treatise on the Soul. Kraków, 1625. 167 s.
7. *Thomas Aquinas.* Summa Theologiae. In 12 vols. Vol. 3. Kiev; El'ga: Nika-Tsentr Publ.; 2005. 576 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья В. Пуминова, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; natalia.puminova@gmail.com

Information about the author

Natalia V. Puminova, PhD. in Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; natalia.puminova@gmail.com

Апокатастасис
в русской религиозно-философской мысли
последней трети XIX – первой трети XX в.
Статья вторая. От начала века
к русской эмиграции первой волны

Анастасия Г. Гачева

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, Россия, a-gacheva@yandex.ru*

Аннотация. Статья продолжает исследование темы апокатастасиса в русской философской традиции. В философии Серебряного века проблема всеобщности спасения появлялась в контексте споров о возможности/невозможности «Царства Божия на земле», а разделительность спасения и идея суда были главными аргументами в критике исторического христианства. В русском зарубежье вера в апокатастасис была характерна для круга мыслителей, группировавшихся вокруг журналов «Путь» и «Новый Град». Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский не признавали онтологичности зла и ада и стремились примирить идею апокатастасиса с христианским учением о свободе. При этом они апеллировали к опыту Ф.М. Достоевского, Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, утверждая, что объем спасения зависит не от Бога, а от человека, от его способности обратиться на Божьи пути, став соратником Творца в деле преображения мира в Царство Христово.

Ключевые слова: русская философия Серебряного века, русское зарубежье, апокатастасис, хилиазм, проблема свободы

Для цитирования: Гачева А.Г. Апокатастасис в русской религиозно-философской мысли последней трети XIX – первой трети XX в. Статья вторая. От начала века к русской эмиграции первой волны // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 146–159. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-146-159

Apocatastasis in Russian religious
and philosophical thought of 1870–1930s.
The second article. From the beginning
of 20th century to Russian emigration of the first wave

Anastasia G. Gacheva

*A.M. Gorky Institute for World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, a-gacheva@yandex.ru*

Abstract. The article continues the study of apocatastasis issue in the Russian philosophical tradition. In the philosophy of the Silver Age, the problem of the salvation equality arose in the context of disputes over the possibility / impossibility of the “Kingdom of God on earth”, while the selectivity of salvation and the idea of judgment were the main arguments in criticizing historical Christianity. In Russian abroad, the belief in apocatastasis was characteristic of a circle of philosophers grouped around the magazines “Path” and “New Grad”. N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, N.O. Losskii did not approve of the ontology of evil and hell and sought to reconcile the idea of apocatastasis with the Christian doctrine of freedom. In doing so, they appealed to the experience of F.M. Dostoevskii, N.F. Fedorov, V.S. Solov’ev, arguing that the volume of salvation does not depend on God, but on the person, his ability to turn to God’s ways, becoming a co-worker of the Creator in the matter of transforming the world into the Kingdom of Christ.

Keywords: Russian philosophy of the Silver Age, Russian abroad, apocatastasis, hiliasm, problem of freedom

For citation: Gacheva AG. Apocatastasis in Russian religious and philosophical thought of 1870–1930s. The second article. From the beginning of 20th century to Russian emigration of the first wave. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series.* 2018;2:146-59. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-146-159

Интересу к теме апокатастасиса в кругу мыслителей русского христианского возрождения способствовала не только литература, но и богословская мысль. Еще во второй половине XIX в. были изданы сочинения свт. Григория Нисского и Оригена,

давших «методологические обоснования метафизики всеобщего спасения» [1 с. 201], появились работы о них, в том числе исследование В.И. Несмелова «Догматическая система св. Григория Нисского» (Казань, 1887). А в 1914 г. вышла фундаментальная книга М.Ф. Оксююка «Эсхатология св. Григория Нисского», где подробнейшим образом разбирались взгляды на воскресение и апокатастасис одного из выдающихся Отцов Церкви. Впрочем, в 1900–1910-е гг. русских религиозных мыслителей, стремившихся преодолеть разделение Церкви и мира, внести христианский идеал во все сферы жизни и действия, больше интересовала тема миллениума, тысячелетнего царства Христова, как благой, совершенной эпохи истории, в которой последняя приносит свой плод Творцу [2], нежели тема апокатастасиса, лежащая за пределами исторического времени. Темы «церковь и мир», «церковь и государство», «церковь и культура» оживленно обсуждались на заседаниях религиозно-философских собраний и обществ, выносились на страницы печати. И все же, поскольку ставились они не в одной исторической плоскости, но сопрягались с темой «нового неба и новой земли», ступеню к которым и являлся миллениум, вопрос о том, все ли человечество станет жителем Иерусалима Небесного или только избранные и достойные, не мог не касаться умов и сердец мыслителей начала XX в.

Настойчиво и серьезно вопрос об объеме спасения поднимал В.В. Розанов. В свою критику исторической Церкви, «пассивного христианства», отрицающего ценность земного, требующего от человека лишь рабской покорности Богу, он включал и идею ада: «Каким образом из уст кроткого Иисуса вышли впервые слова об огненном наказании, о муке вечной, об аде. Конечно, если это пустое слово – то не страшно: а если подлинная истина будущей жизни, то от страха теперь же можно поседеть. Попробуйте подержать минуту палец над огнем и приложите к этому ощущению идею вечности» [3 с. 608]. Еще Достоевский не принимал образ Христа-Судии; еще Федоров подчеркивал, что этот образ – проекция наших собственных несовершенств, что, «грозя миру страшным судом» [4 с. 240], мы мыслим Бога по образу и подобию самих себя – злопамятных и жестоких сердцем; еще Толстой резко ополчался против представления о Боге как «судии и воздаятеле», заявляя, что идею вечного наказания можно принять либо самым грубым людям, либо только в детстве и отрочестве, имея от роду «пятнадцать лет», и выписывая из догматического богословия митр. Макария соответствующий пассаж о вечных муках, замечал: «Прибавлять к этому нечего. Одно чувство, которое я испытывал, выписывая это, есть чувство

ужаса и страха перед тем кощунством, которое я совершаю, переписывая и повторяя это» [5 с. 287]. И для Розанова костры инквизиции, на которых сжигали еретиков, «тюрьмы кесаря, казни королей» – попытка «предупредить земным огнем наступление вечного огня» [3 с. 608]. Христианство, узурпированное государством, обратившее веру в орудие власти, полагает мир не просто лежащим во зле, но фатально обреченным на гибель. Всю жизнь видит оно в отблесках адского пламени. В истории творится человеческий суд, за пределами времени ожидает суд Божий, и нет спасения бедному человеку «ни от муки небесной, ни от муки земной» [6 с. 30].

Свои слова об «огненном наказании» Розанов произнес в докладе «О радости прощения», сделанном на заседании Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге 4 мая 1909 г. А за несколько заседаний до этого, 24 февраля 1909 г. Н.А. Бердяев прочел доклад «Опыт философского оправдания христианства», посвященный книге В.И. Несмелова «Наука о человеке» (Казань, 1905–1906). Высоко оценив книгу как целостный «опыт философского построения религиозной антропологии», он коснулся одной из стержневых ее тем: темы искупления и спасения человека Христом и вытекающей отсюда темы апокатастасиса: «Несмелов с поразительной силой психологической интуиции отвергает страх адских мучений и ужас гибели как нехристианские чувства» [3 с. 494]. Прочитав самого автора «Науки о человеке»: «...Мы и простого грешного человека, разумеется, никогда бы не похвалили за такое, напр<имер>, дело, как если бы он вынул из могилы труп своего врага, чтобы по всей справедливости воздать ему то, чего он заслужил и не получил во время земной жизни своей. Тем более, конечно, великому и дивному в любви своей Богу не было бы никакой славы и чести в том, что Он воскресил бы умерших грешников только затем, чтобы показать над их жалким убожеством свою абсолютную силу и власть» [7 с. 354, 2-я паг.].

Опору надежды на всеобщность спасения В.И. Несмелов видит в любви. В превышающей всякое разумение любви Христа к миру, за который Он умер на кресте и воскрес. «По благородному учению Несмелова, – подчеркивает Н.А. Бердяев, – могут быть очищены и спасены и язычники, и умершие, и даже падшие духи» [3 с. 494], ибо все они суть Божье творение, а Бог предназначил бытие не для гибели, но для жизни вечной и совершенной.

Сам Бердяев во второй половине 1900-х годов был увлечен идеей христианской теократии [8], воплощающей на земле Божий закон. Соответственно, и тема апокатастасиса связывалась у него с темой миллениума, воплощающего в себе полноту Боговластия.

Полемизируя со знаменитым тезисом В.В. Розанова «Во Христе прогорк мир» [3 с. 149], Бердяев указывал, что христианство – религия просветления бытия во всей его полноте: «...в новый мир войдут все элементы нашего мира, но преображенные, ничто не уничтожится, но все просветлится» [3 с. 198]. При этом дело просветления бытия он не выносил в эсхатологическую плоскость, напротив – поставлял задачей истории, связывая решение этой задачи с раскрытием подлинного значения Церкви как «космической силы, обоженной души мира», которая должна объять собой все [3 с. 199], дабы не осталось за ее пределами ничего, кроме небытия.

Развивая тему апокатастасиса, русские христианские мыслители неоднократно апеллировали к своим духовным предшественникам: Ф.М. Достоевскому, Н.Ф. Федорову, В.С. Соловьеву. Так, А.Е. Жураковский в докладе «К вопросу о вечных муках», прочитанном в мае 1916 г. на заседании Киевского религиозно-философского общества, показывал, как жажда спасения всех, даже самых заблудших, проявилась у русских писателей-реалистов, и приводил ряд примеров из «великого пятикнижия» Достоевского (монолог Мармеладова, диалог Ивана и Алеши), подчеркивая веру писателя «во всеобщее прощение, примирение и спасение» [9 № 7–8 с. 78–79], а затем обращался к наследию Соловьева и Федорова, напоминая их идею условности апокалиптических пророчеств [9 № 7–8 с. 80]. Подобно трем великим современникам, он подчеркивал, что учение о вечных муках входит в противоречие с христианской заповедью о любви, которая «сопровождается жалостью ко всей твари, к злым и добрым и даже к демонам» [9 № 9 с. 65]. Под этими словами могли бы подписаться и Н.А. Бердяев, и С.Н. Булгаков, и П.А. Флоренский, и Е.Н. Трубецкой. Вера в вечность адских мучений, с их точки зрения, является прямым искажением христианства. Торжествует религия страха, а не любви, на первый план выдвигается образ Бога как карающего Судии. Чернота геенны, пламя озера огненного затмевают красоту Небесного Иерусалима. Однако, как замечает Бердяев, «Бог, сознательно допускающий вечные адские муки, <...> скорее походит на дьявола» [10 с. 230]. «Всей своей сущностью ад утверждает, что Бога нет» [11 с. 123], – вторит ему Е.Н. Трубецкой.

Трубецкой написал эти слова в книге «Смысл жизни», вышедшей в 1918 г., когда на пространствах России уже всюду полыхал пламень братоубийственного противостояния. Нация разделилась, философская мысль тоже оказалась разорванной между идеологическими, а после высылки философов и реальными берегами. В социальной мысли русского зарубежья 1920–1930-х гг. велись напря-

женные споры о путях России, о религиозных основаниях целостного, не ущербного устройства общества, а в богословской в центр внимания выдвигалась эсхатология и в тесной связи с ней – идея апокатастасиса. Примечательно, что ведущие мыслители русского зарубежья были убежденными сторонниками этой идеи. Ибо реальный опыт истории воочию показал, к каким земным страданиям приводит идея избирательности спасения. Будучи проецирована в повседневность, распространена на классы, сословия, идейные группы, национальные и государственные образования, она вносит в общество разделение и вражду, оправдывает насилие, дает одним группам право определять участь других, вплоть до смертного мучительного исхода. Философски и богословски утверждая правду апокатастасиса, мыслители русского зарубежья, группировавшиеся вокруг религиозно-философских журналов «Путь» (1925–1940) и «Новый Град» (1931–1939), соединяли ее с идеей ответственности за бытие, с требованием христианского делания в истории и культуре, с чаянием исправления путей человечества, коль скоро изберет оно для себя тот образ деятельной веры, который еще в XIX в. актуализировал Достоевский: «каяться, себя созидать, Царство Христово созидать» [12 т. 11 с. 177].

У каждого из мыслителей русского зарубежья неприятие идеи ада встраивалось в его собственную систему идей. Так, с точки зрения Лосского, вечное проклятие противоречит самим основаниям персоналистической метафизики, где потенцией личности, а значит, абсолютной ценностью и способностью «подняться до Царствия Божия» обладает не только человек, но все в бытии: «животное, растение, кристалл, молекула, атом и даже электрон» [13 с. 370]. Отец Сергей Булгаков считал признание вечного ада «кощунством в отношении к любви Божией и к Премудрости Его как Творца и Промыслителя» [14 с. 204]. Бердяев, фактически солидаризируясь с Федоровым, указывал, что идея ада является перенесенной на вечность проекцией человеческой злобы, между тем как Царствие Божие – не пространство сведения земных счетов, а «теозис, обожение твари» [10 с. 244]. А В.Н. Ильин соединял идею апокатастасиса с категорией «вечной памяти», той всеобщей памяти Божией, которая поднимает каждого умершего над бездной забвения-небытия, открывая путь и надежду на возрождение. При этом мыслитель подчеркивал, что навстречу вечной памяти Божией живущие должны устремить усилие человеческой памяти, личной и соборной молитвы, ибо «последние судьбы конкретного <...> “я”» [15 с. 7] зависят не только от Бога, но и от человека.

У деятелей русского зарубежья, как и у их собратьев Серебряного века, апокатастасис становится одним из оснований теодицеи и антроподицеи, основываясь на признании абсолютной благодати Божией и в то же время полноты человеческой любви. По мысли Бердяева, вопрос о том, преодолим ад или нет, должен быть адресован не Богу, а человеку – тем «лучшим», праведникам, святым, которые уже «обеспечили» себе райские кущи. Полнота праведности, как и полнота любви, состоит в невозможности «со спокойной совестью допустить», что грешники и нехристиане будут гореть в адском огне. Нет другого пути стяжания Царствия Божия, как «взять на себя их муку, <...> освободить их из ада. Нравственное сознание началось с Божьего вопроса: “Каин, где брат твой Авель?” Оно кончится другим Божьим вопросом: “Авель, где брат твой Каин?”» [10 с. 237].

Соединяя проблему апокатастасиса с проблемой зла, русские религиозные мыслители отрицали онтологичность последнего. Зло не является, с их точки зрения, сущностью твари. Это лишь ее состояние, причина которого заключается в самости, обособлении, гордынном отрицании Бога. Даже в предельном своем напряжении, в высшем градусе ненависти к Творцу и творению, адской жажде аннигиляции бытия зло, в отличие от добра, составляющего сущность Бога и мира, не абсолютно и не равновелико Творцу. Н.О. Лосский и С.Н. Булгаков подчеркивали, что сам «сатана есть личность, сотворенная Богом» [13 с. 368–369], а значит, «в своем бытии сохраняет Божественную его основу» [16 с. 575]. Все изначальные его свойства («сверхвременность, незамкнутость в себе, сверхкачественная творческая сила, свобода и т. п.») «суть добро, не разрушенное даже и падением этого существа и таящее в себе возможность возрождения его» [13 с. 369].

От непризнания онтологичности зла – прямой путь к отрицанию онтологии ада. Для Бердяева, Булгакова, Лосского «ад объективированный, как особая сфера вечной жизни, совершенно нетерпим, немислим и просто несоединим с верой в Бога» [10 с. 230], противоречит тому образу «полного ософияния» бытия, который дан в 22 главе Откровения. «Допустить вечность озера огненного в творении, – пишет С.Н. Булгаков, – значит признать непобедимость сатаны в его неизменности, а тем положить границу для Бога, который тем самым уже не может стать “все во всех”. Но это означает <...> окончательную победу сатаны, по крайней мере, в его собственном месте, во аде, вместе с непобедимостью сатанизма» [14 с. 281].

Защитники идеи апокатастасиса трактуют ад как свойство, а не субстанцию. В земной жизни он выражает состояние послегрехо-

падного мира, поврежденного смертью, и состояние человеческого сердца, объятая злой самостью, упорствующего на путях зла. А по воскресении адские мучения мыслятся – в духе свт. Григория Нисского – как процесс «более-менее длительного выжигания в себе прежнего земного греха, очищения и восхождения в соборное единство со всеми» [17 с. 910]. Подхватывая рассуждение старца Зосимы у Достоевского об аде как «страдании о том, что нельзя уже более любить» [12 т. 14, с. 292], Н.А. Бердяев подчеркивает: «Переживание адских мучений возможно для твари лишь поскольку в ней не померк окончательно образ Божий <...>. В адском мучении человека мучит не Бог, а мучит сам себя человек, но мучит себя Богом, Божьей идеей. Божественный свет является источником мучений, как напоминание о том, к чему призван человек» [10 с. 231].

Такая трактовка ада позволяет поставить вопрос о его преодолении – и в земной истории, и в «будущем веке»: через нравственную работу личности, свободно избирающей дело добра, через внесение евангельской заповеди о любви в жизнь, через умиротворяющую регуляцию слепых, смертоносных стихий, как то предлагал Н.Ф. Федоров, идеи которого особенно ценили философы русского зарубежья [18 с. 320–374]. И если в 22 главе Откровения рядом с обетованием «полного обновления твари» («И ничего уже не будет проклятого» (Откр. 21:4, 22:3)) звучат грозные слова о «боязливых, и неверных, и скверных, и убийцах, о любодеех, и чародеях, и идолослужителях, и всех лжецах», которых место вне Града Божия (Откр. 22:15), то они, уточняет С.Н. Булгаков, относятся не к новому, а к нынешнему эону, являются «грозным и беспощадным предварением грешников» [14 с. 225], призывом к покаянию и исправлению жизни.

Для русских религиозных мыслителей ад возможен лишь в одном случае: когда он избирается самим человеком. Здесь манифестация полноты свободы, данной личности Богом: человек вправе отказаться от Богообщения, предпочесть ему одинокое самостояние в бытии, сознательно стать на сторону зла. «Ад допустим в том смысле, что человек может захотеть ад, предпочесть его раю, может себя лучше чувствовать в аду, чем в раю» [10, с. 230], – пишет Бердяев. Бог простит всех, поясняет Булгаков, однако именно от человека зависит, принять или не принять «этот дар, ибо искупление дано для всех, но усвоение его оставляется на долю человеческой свободы и произволения» [19 с. 391]. Здесь та же логика, что и в рассуждениях старца Зосимы: «Ад, будут и гордые», те, что сами «не захотят войти» в «радость Господа» и «будут гореть в огне гне-

ва своего» [12 т. 14, с. 291]. Ад здесь связан с предельным обособлением, и эта обособленность оборачивается геенной. «Вечная гибель личности и есть ее пребывание в себе самой, ее нерастворимость, ее абсолютное одиночество» [10 с. 230], – эта мысль, позаимствованная у Достоевского Бердяевым, ключевая для понимания глубинной антропологической подкладки идеи вечного ада, выход из которого русские мыслители видят не в обособлении, но в единстве с другими личностями, в усилении «деятельной любви», преодолевающей атомарность.

В западном богословии первой трети XX в. противоречие между верой в благость и милосердие Божие и убежденностью в вечности ада разрешалось через так называемую концепцию «условного бессмертия» («кондиционализм») [20]. Сторонником этой идеи в русской философии был Е.Н. Трубецкой. Опираясь на соловьевскую концепцию всеединства, он трактовал отношения Бога и твари как движение ко «всеобщему, вечному дружеству» [11 с. 120], которое не может быть следствием принуждения, но становится реальностью лишь в результате свободного выбора тварных существ. А если этот выбор свободен, то неизбежно будут те, кто избирает зло, кто добровольно уходит на путь неправды, и вот они-то, воскреснув в Царствии Божиим, тут же отсекаются от бытия, так что адский огонь и мука его делятся, в сущности, один, правда предельный в своей интенсивности, миг. «Вечность ада, – подчеркивает Трубецкой, – есть вечность мига» [11 с. 128]. Однако, избавляя своих отпавших чад от бесконечных мучений в озере огненном, Сам Господь сохраняет в Своем «божественном всевидении» этот миг «второй смерти» тех, кто был изначально сотворен им для вечности [11 с. 122]. Как пишет С.Г. Семенова, «неотрефлектированно, подсознательно философ как бы наказывает самого Господа, похоронив в Нем одном горькое знание неполной удачи творения» [17 с. 911].

Против идеи кондиционализма решительно выступил С.Н. Булгаков. Он считал ее кощунственной по отношению к Богу-Творцу и подчеркивал недопустимость отождествления адского «сожжения с полным уничтожением» [14 с. 205]. Ему была близка точка зрения о. Павла Флоренского, который, созная антиномичность идеи апокатастасиса («Невозможна невозможность всеобщего спасения»/«возможна невозможность всеобщего спасения» [21 с. 209]), видел преодоление антиномии через различение в человеке воли и образа Божия. Страшный суд при этой трактовке полагается в отсечении злонаправленной воли от подлинного ядра личности, которая, будучи очищенной от греха, наследует Цар-

стве Божие. В том же направлении шел и о. Сергей Булгаков, пересматривая само понятие о «последнем суде»: этот суд, в его понимании, творит над собой сам человек, взятый в аспекте софийности, «которая есть онтологическая норма его бытия, и ею обличается собственное его тварное самоопределение как не соответствующее этой норме» [16 с. 483, 485]. Философ подчеркивал, что противники апокатастасиса механически переносят на новый эон реалии нынешнего смертного, пребывающего в обособлении мира. Между тем и богоборство, и богохульство, и «сатанинская ненависть к Богу» суть духовные состояния, «принадлежащие миновавшему веку, когда мир существовал в удаленности от Бога» [16 с. 500, 501]. Полнота всеединства, достигаемая в «будущем веке», исключает богоотступничество, равно как и другие проявления «низшей свободы». И праведники, стяжавшие райские кущи, и бывшие грешники находятся здесь «в общении любви, в церковном единении со всем человечеством. Царство Христово становится царством всепобеждающего вселенского добра, которое совершает свое возрастание к вечной жизни не только единоличным усилием, но в единении и соборности Вселенской Церкви» [16 с. 507].

Для о. Сергия Булгакова Царство Божие не статично, но динамично. Вмещающая его вечность «не есть мертвенность неподвижности, но неиссякаемый источник творческой жизни» [16 с. 507]. Царство Божие внутренне растет, расширяет объем, и это «возрастание в добре» есть одновременно и «изживание зла» [16 с. 507]. Близкую мысль выражал Н.О. Лосский, для которого воцарение нового строя мира представляет собой не «прыжок», но процесс, и на его первых стадиях «Царство Божие» и «психоматериальное царство» сосуществуют. Тем самым «падшие деятели», сохраняя всю полноту свободы, обретают возможность сделать благой, спасительный выбор и пусть не сразу, пусть постепенно, но стать «членами Царствия Божия» [13 с. 380]. Напоминая слова ап. Павла о Боге, который «хочет, чтобы все люди спаслись» (1 Тим. 2, 4), он убежден, что Господь «найдет способы увлечь всех достоинством добра» [13 с. 379].

В предыдущей статье мы приводили фрагмент из материалов к роману «Братья Карамазовы», где звучала тема апокатастасиса: «И станут тогда все Христовым делом, и явится Сам среди их, и узрят его и сольются с ним» [12 т. 15 с. 249]. Этот фрагмент – своего рода пролог к теме апокатастасиса в русской религиозно-философской традиции. Как нами уже отмечалось, «всеобщее покаяние, всепрощение и соединение в общем деле <...> меняет содержание

Второго пришествия – здесь уже не суд, а прощение и слияние друг с другом и со Христом» [22 с. 63].

Настрой на апокатастасис русская мысль сохранила в себе и в изгнании, более того – расширила требование всеобщности спасения на всю полноту сотворенного мира, на всю Вселенную, задав идее преобразования бытия в благобытие высокую нравственную планку: «Мое спасение и преобразование, – писал Н.А. Бердяев, – связано не только со спасением и преобразованием других людей, но также со спасением и преобразованием животных, растений, минералов, былинки, с введением их в Царство Божие. И это зависит от моих творческих усилий. <...> Человек – верховный центр мировой жизни, она пала через него и через него она должна подняться» [10 с. 249].

Подобно Федорову, Соловьеву и Достоевскому, мыслители русского зарубежья связывали тему апокатастасиса с историософской и антропологической темой, подчеркивая, что «конечные судьбы человечества зависят от Бога и от человека» [23 с. 7], что род людской призван уготовлять явление Царствия Божия. Они последовательно выступали против «фатального понимания апокалипсиса», противоречащего «христианству как религии Богочеловечества» [там же], и выдвигали федоровскую идею условности апокалиптических пророчеств как опору подлинного эсхатологизма, неразрывного с признанием человеческой свободы и творчества. В программной статье «Эсхатология и культура» Г.П. Федотов признавался, что эта идея стала для его современников «настоящим освобождением», и ставил «эсхатологию условных пророчеств», сочетающую «оправдание общего дела с упованием общего спасения», выше апокатастасиса как сугубо Божественной прерогативы, когда безграничное милосердие Божие «игнорирует момент личной свободы», спасая и тех, кто спасенными быть не желает [24 с. 53, 55, 56].

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709) и в ИМЛИ РАН.

Scientific research has been performed through the mediation and sponsoring of Russian scientific fund (The project № 14-18-02709) at the Institute of World Literature RAS.

Литература

1. Семенова С.Г. Тропами сердечной мысли. М.: ПоРог, 2012. 720 с.
2. Гачева А.Г. Идеал «Царства Божия на земле» в русской философской мысли: от Серебряного века до новгородства 1930-х годов // Соловьевские исследования. 2015. № 3. С. 80–98.
3. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах. В 3 т. Т. 1. М.: Русский путь, 2009. 680 с.
4. Федоров Н.Ф. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1995. 518 с.
5. Толстой Л.Н. Исследование догматического богословия // Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 23 / Толстой Л.Н. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 538–547.
6. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. 432 с.
7. Несмелов В.И. Наука о человеке. В 2 т. Репринт. Воспроизведение изданий 1905, 1906 годов. Казань: Заря-Тан, 1994. Т. 1. 418 с.; Т. 2. 438 с.
8. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1907. 233 с.
9. Жураковский А. К вопросу о вечных муках // Христианская Мысль. 1916. № 7–8. С. 78–93; № 9. С. 52–69.
10. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. С. 20–252.
11. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Канон, 1995. 480 с.
12. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
13. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. Основы теодицеи. М.: Республика, 1994. С. 316–389.
14. Булгаков С.Н. Апокалипсис Иоанна. Опыт догматического истолкования. М.: Православное Братство Трезвости «Отрада и Утешение», 1991. 352 с.
15. Ильин В.Н. Вечная память как дело Божие и вечное забвение как орудие князя века сего // Вестник РСХД. 1951. № 4. С. 2–8.
16. Прот. Сергей Булгаков. Невеста Агнца. М.: Общедоступный православный университет, основанный прот. Александром Менем, 2005. 656 с.
17. Семенова С.Г. Идея всеобщности спасения у Н.Ф. Федорова (в контексте христианской идеи апокатастасиса) // Н.Ф. Федоров: pro et contra. В 2 кн. Кн. 2. СПб.: РХГА, 2008. С. 904–926.
18. Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 400 с.
19. Прот. Сергей Булгаков. Агнец Божий. О Богочеловечестве. Ч. 1. Париж: YMCA-Press, 1933. 468 с.
20. Прот. С. Булгаков. Проблема «условного бессмертия» (Из введения в эсхатологию) // Путь. № 52. Париж, 1938. С. 3–23.
21. Свящ. Павел Флоренский. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. М.: Путь, 1914. 814 с.
22. Гачева А.Г. Творчество Достоевского и русская религиозно-философская мысль // Достоевский и XX век / под ред. Т.А. Касаткиной: В 2 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 18–96.
23. Бердяев Н.А. Война и эсхатология // Путь. 1940. № 61. С. 3–14.
24. Федотов Г.П. Эсхатология и культура // Новый град. 1938. № 13. С. 45–56.

References

1. Semenova SG. By paths of the cordial thought. Moscow: PoRog Publ.; 2012. 720 p. (In Russ.)
2. Gacheva AG. The ideal of God's kingdom on Earth in Russian philosophy (from The Silver Age to novogradstvo of 1930-s). *The journal "Solovyov studies"*. 2015;3:80-98. (In Russ.)
3. Religious and philosophical community in St. Petersburg (Petrograd). History, recollected in works and documents. In 3 vols. Vol. 1. Moscow: Russkii put' Publ.; 2009. 680 p. (In Russ.)
4. Fedorov NF. Collected works. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Progress Publ.; 1995. 518 p. (In Russ.)
5. Tolstoi LN. Dogmatic theology research. In 90 vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ.; 1957. Vol. 23. Dogmatic theology research. p. 538-47. (In Russ.)
6. Rozanov VV. Apocalypse of our time. Moscow: Respublika Publ.; 2000. 432 p. (In Russ.)
7. Nesmelov VI. The Science about the human being. In 2 vols. The reprint. Reproduction of the 1905, 1906 editions. Kazan': Zarya-Tan Publ.; 1994. Vol. 1. 418 p.; Vol. 2. 438 p. (In Russ.)
8. Berdyaev NA. The New Religious Consciousness and Community. Sankt-Peterburg: Izdanie M.V. Pirozhkova Publ.; 1907. 233 p. (In Russ.)
9. Zhurakovskii A. A few words about the eternal suffering. *Khristianskaya Mysl'*. 1916;7-8:78-93; 1916;9:52-69. (In Russ.)
10. Berdyaev NA. The Destiny of Man. Experience of paradoxical ethics. Moscow: Respublika Publ.; 1993. p. 20-252. (In Russ.)
11. Troubetzkoy EN. The Meaning of Life. Moscow: Kanon Publ.; 1995. 480 p. (In Russ.)
12. Dostoevskii FM. Complete works. In 30 vols. Leningrad: Nauka Publ.; 1972-1990. (In Russ.)
13. Lossky NO. God and the World Evil. Fundamentals of Theodicy. Moscow: Respublika Publ.; 1994. p. 316-89. (In Russ.)
14. Bulgakov SN. Apocalypse of John. Experience of dogmatic interpretation. Moscow: Pravoslavnoe Bratstvo Trezvosti "Otrada i Uteshenie" Publ.; 1991. 352 p. (In Russ.)
15. Il'in VN. The eternal memory as God's mission and the eternal oblivion as duke's weapon of Prince of the Age. *Vestnik RSKhD*. 1951;4:2-8. (In Russ.)
16. Prot. Sergii Bulgakov. Bride of the Lamb. Moscow: Obshchedostupnyi pravoslavnyi universitet, osnovannyi prot. Aleksandrom Menem Publ.; 2005. 656 p. (In Russ.)
17. Semenova SG. The idea of apocatastasis as it is said by Fedorov (in the context of the Christian idea of apocatastasis). V: N.F. Fedorov: pro et contra. In 2 vols. Vol. 2. Sankt-Peterburg: RKhGA Publ.; 2008. p. 904-26. (In Russ.)
18. Gacheva AG., Kaznina OA., Semenova SG. The philosophical context of Russian literature of the 1920-1930s. Moscow: IMLI RAN Publ.; 2003. 400 p. (In Russ.)
19. Prot. Sergii Bulgakov. The Lamb of God. On Divine-humanity P.1. Paris: YMCA-Press, 1933. 468 p. (In Russ.)

20. Prot. Sergii Bulgakov. The Conditional Immortality Issue.(From the introduction to Eschatology). *Put'*. 1938;52:3-23. (In Russ.)
21. Pr. Pavel Florenskii. The Pillar and Assertion of the Truth. An Essay in Orthodox Theodicy in Twelve Letters. Moscow: Put' Publ.; 1914. 814 p. (In Russ.)
22. Gacheva AG. Dostoevskii's works and Russian religious and philosophical thought. V: Kasatkina TA., editor. Dostoevskii and 20th century. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: IMLI RAN Publ.; 2007. p. 18–96. (In Russ.)
23. Berdyaev NA. The War and Eschatology. *Put'*.1940;61:3-14.(In Russ.)
24. Fedotov GP. Eschatology and the Culture. *Novyi grad*. 1938;13:45-56. (In Russ.)

Информация об авторе

Анастасия Г. Гачева, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; Россия, Москва, 121069, ул. Поварская, д. 25а; a-gacheva@yandex.ru

Information about the author

Anastasia G. Gacheva, Dr. in Philology, leading researcher, A.M. Gorky Institute for World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya st., Moscow, Russia, 121069; a-gacheva@yandex.ru

Экклезиологический аспект теологического нарратива в ранних работах С. Хауэрваса

Дмитрий Е. Коровин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dimkorovin1992@yandex.ru*

Аннотация. Теология в эпоху постмодерна пытается преодолеть методологические основания, свойственные эпохе модерна. Постлиберальная богословская традиция во второй половине XX вв. актуализировала использование нарративного метода в теологии. В статье рассматривается история развития и методология экклезиологической модели в ранних трудах современного американского теолога Стэнли Хауэрваса. Кратко освещается взаимосвязь и различие его нарративной методологии с постлиберальной богословской традицией (Г. Фрай, Д. Линдбек). Мы обращаем внимание на тот факт, что С. Хауэрвас делает акцент на практической значимости своего метода в противовес академизму постлиберальных теологов. Выделяются два этапа в развитии нарративного метода С. Хауэрваса: антропологический и теологический нарративы. В работе дается генезис каждого этапа с учетом экклезиологической проблематики. В данной статье автор показывает, как преобразовалась нарративная методология С. Хауэрваса при переходе с антропологического этапа к теологическому.

Также делается попытка разобрать методологию теологического нарратива в контексте одного из самых ключевых аспектов богословской концепции С. Хауэрваса – добродетели миротворчества/христианского пацифизма. Автор статьи демонстрирует, что именно принцип христианского пацифизма стал основанием для теологического нарратива в методологии С. Хауэрваса.

Ключевые слова: Стэнли Хауэрвас, постлиберальное богословие, нарративное богословие, экклезиология, христианский пацифизм

Для цитирования: Коровин Д.Е. Экклезиологический аспект теологического нарратива в ранних работах С. Хауэрваса // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 160–171. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-160-171

Ecclesiological aspect of theological narrative in early works of S. Hauerwas.

Dmitry E. Korovin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; dimkorovin1992@yandex.ru*

Abstract. Theology in the postmodern era tries to overcome methodological grounds of modernism. Postliberal theological tradition actualized the use of narrative method in the second half of the twentieth century. In the article early works on the history and methodology of ecclesiological model by contemporary American theologian Stanley Hauerwas is discussed. The article also talks about the correlation and difference of his narrative methodology with postliberal theological tradition (Lindbeck G., Frei H.). The article focuses on Hauerwas emphasizing the practical significance of his method in contrast to academic style of postliberal theologians. The growth of two stages of narrative method of Hauerwas are highlighted: the anthropological and theological ones. In the article the author shows how Stanley Hauerwas's methods altered from anthropological to theological. The work gives the genesis of each stage and takes into account the ecclesiological problems. The paper shows how narrative methodology of S. Hauerwas was transformed in the transition from the anthropological to theological.

Also, there is a try to investigate the methodology of theological theory in context of a key aspect of Hauerwas's theological conception – virtue of peace-making/Christian pacifism. The paper demonstrates how Christian pacifism gave ground for Hauerwas's theological narrative.

Keywords: Stanley Hauerwas, postliberal theology, narrative theology, ecclesiology, Christian pacifism

For citation: Korovin DE. Ecclesiological aspect of theological narrative in early works of S. Hauerwas. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy.Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;2:160-71. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-160-171

Введение

Теология, вступившая в эпоху постмодерна, в своих методологических поисках стремится найти выход за пределы историзма и рационализма, свойственных эпохе модерна. Новая эпистемология была нацелена на отрицание метанарратива Просвещения, отказ от базового акцента на человеческом разуме как основе знания. На основании этих предпосылок во второй половине XX в. в США сформировалось постлиберальное богословие. Оно в первую очередь представлено в трудах двух профессоров Йельской богословской школы¹ – Ганса Фрая и Джорджа Линдбека. Вдохновленные неортодоксией К. Барта и «языковыми играми» Л. Виттгенштейна, они попытались предоставить альтернативный путь в борьбе между консервативным и либеральным подходами в богословской традиции США. Основной принцип постлиберального богословия был сформулирован в ключевом тезисе работы Джорджа Линдбека «Природа доктрины»: «Вселенная поглощается библейским миром» [1 р. 135]. Другими словами, мы не должны адаптировать библейский текст к нашему миру, используя различные вариации современной эпистемологии. Библейский текст становится для христиан намного более реальным, чем эмпирический мир, который их окружает. В своей работе «Затмение библейского нарратива» («The Eclipse of Biblical Narrative») Ганс Фрай пояснил, что либеральный и консервативный методы разрушают авторитет Писания, т. к. они оба определяют библейское учение в форме доктрин и мировоззрений, что ставит само Писание во второстепенное положение по отношению к этим формам, которые стали новыми основаниями для христианской веры [2 р. 17]. Чтобы говорить о христианстве, необходимо напрямую обращаться к сюжетам Авраама, Марии и Иисуса Христа. Не существует какого-либо метанарратива, в котором эти истории могут быть поняты, как и не существует философских категорий, по которым их можно охарактеризовать [3 р. 697].

Один из младших представителей постлиберальной богословской школы – Стэнли Хауэрвас – также воспринял основные принципы Йельского богословия: критику модерна и использование нарративного метода. Но если Фрай и Линдбек были сконцентрированы на академической проработке своей богословской методологии, то Хауэрвас принципиальным образом показывал свою

¹ В итоге постлиберальная теология стала синонимична «Йельскому богословию», «Йельской богословской школе», «нарративной теологии».

заинтересованность исключительно в практическом применении своих наработок. Являясь изначально специалистом по христианской этике, а не теологом, Хауэрвас пришел к довольно сложной экклезиологической системе, в которой немаловажную роль играет нарративный метод. В нашей статье мы рассмотрим ключевые моменты в ранних работах Хауэрваса, посвященные нарративному методу и экклезиологии.

Антропологический нарратив

Стэнли Хауэрвас – современный американский богослов, один из самых влиятельных специалистов по христианской этике в англоязычном мире. Его исследования посвящены широкому кругу богословских проблем, в частности отдельным аспектам христианской этики, проблемам современного западного христианства, отношению христианства и политики. Также профессор Хауэрвас известен тем, что занимался разработкой нарративного подхода в своей богословской методологии. Нарративное богословие в его парадигме представляет собой своеобразный антипод систематическому богословию. Оно пытается освободить христианство от каких-либо оснований (в первую очередь от рациональных, а иногда и от догматических) и представить его в едином целостном повествовании. Нарративное богословие видит свою задачу в том, чтобы связать Писание, Церковь и жизнь отдельного христианина в единую историю.

Исследователи наследия мыслителя отмечают, что нарративный подход С. Хауэрваса в своей творческой эволюции имеет два периода: до 1983 г. и после. Шведский теолог Ан Расмуссон так описывает этот методологический поворот в работах Хауэрваса: «Если в ранних работах он концентрировался на феноменологических особенностях моральных поступков в свете христианской этики, то сейчас он начинает свои рассуждения с жизни внутри Церкви. Это привело к тому, что его не интересуют теории о добродетели, он занимается именно христианскими добродетелями. Он рассуждает более о христианской истории и историях, нежели чем о нарративной сущности личности. И именно Церковь, а не абстрактное сообщество, играет центральную роль в его богословии» [4 p. 178]. Сэмьюел Веллз, один из самых значительных исследователей трудов профессора Хауэрваса, подчеркивает различие этих периодов, называя ранний – «нарратив снизу», поздний – «нарратив сверху» [5 p. 42]. Он предлагает обозначить

первый как антропологический, подразумевая, что в этот период Хауэрвас сконцентрирован на связи личности и общества. А второй – теологический, т. к. в нем предполагается присутствие Бога в личной истории каждого человека.

В самом начале своего исследовательского пути, в работе «Характер и христианская жизнь»², Хауэрвас акцентировал внимание на целостности человеческой личности в христианской этике и выступал против подхода, предлагающего деление человеческих поступков на праведные и неправедные [6 р. 15]. Человек несет ответственность не за отдельные поступки, а за формирование своего характера (*character*), который в свою очередь и определяет каждый поступок человека. Здесь же и происходит зарождение его нарративного метода; показывая важность целостности христианского мировоззрения, Хауэрвас пишет: «...характер крайне важен в нравственном плане. Если он хорошо сформирован, то он может достойно связать наше прошлое с будущим» [6 р. 125]. В начале 1970-х годов Хауэрвас начинает впервые использовать нарративный подход, чтобы подчеркнуть идею целостности «характера» и нравственной жизни. Человек сформирован не правилами, а историями и метафорами, которые делают нашу жизнь целостной [7 р. 45]. Понимание жизни как истории нравственно полезно, поскольку оно напоминает нам, что жизнь имеет начало и конец [8 р. 169]. Но в этот период Хауэрвас также сторонится какой-либо богословской конкретизации и практически не упоминает Церковь. Характер и мораль можно понять только в контексте конкретной истории [9 р. 159]. Современный мир, по мнению профессора Хауэрваса, предлагает объективную мораль, которая обезличивает человека и нивелирует его личную историю. Хауэрвас предлагает не бороться с данным положением дел, а увидеть, что современный мир тоже является нарративом, который отказывается от своих традиций и видит себя вне категорий повествования [9 р. 175]. Другими словами, по мнению Хауэрваса, современный мир – это история, которая не видит своей целостности и цели.

Можно отметить, что в период «антропологического нарратива» Хауэрвас сконцентрировался на возможности дать человеку лучше понять себя и истоки своих поступков, а внутренние и сущностные вопросы христианства играли лишь вспомогательную роль в его методологии.

² Эта работа является докторской диссертацией С. Хауэрваса, которую он защитил в 1968 г. в богословской школе при Йельском университете (Yale Divinity School). Впервые была издана в 1975 г.

Теологический нарратив

Переходным моментом от антропологического нарративного подхода к теологическому могут служить некоторые идеи, изложенные профессором Хауэрвасом в сборнике эссе 1981 года «Сообщество с характером» («Community of Character»). Стоит обратить особое внимание на мысль из этой работы, в которой Хауэрвас утверждает: «Главная общественная задача Церкви – быть собой» [10 р. 10]. Здесь он подробно не поясняет, что такое Церковь, ограничившись лишь определением: Церковь – это люди, верующие, что мировой историей руководит Бог [10 р. 10]. Но в то же время Хауэрвас использует метод нарратива уже не для описания целостности и уникальности личности; он делает шаг в сторону определения особенности именно христианской истории, которая включает в себя такой феномен, как Церковь. Хауэрвас, описывая задачи Церкви, сводит их, по сути, к одной – ее самобытности: Церковь не должна способствовать решению социальных вопросов. Задача Церкви – помнить о своей сути и, исходя из этого, преобразовывать непосредственно сами вопросы и проблемы, которые существуют в обществе. Мыслитель также добавляет, что Церковь должна переосмыслить не только проблемы, но и общественные добродетели, такие как «доброжелательность, дружба и создание семьи» [10 р. 11], и заявляет, что Церкви необходимо уйти от обсуждения вопросов и проблем светского общества для выражения своей христианской уникальности. Из этого следует еще одна ключевая идея богословия Хауэрваса: задача Церкви – показать, что мир является миром [10 р. 10]. Это означает, что Церковь, провозглашая свой нарратив, отказывается от историй, которые диктуются в мире. И через это отрицание Церковь может показать самому миру, что он является историей, противостоящей истории, возглавляемой Богом. Как отмечает Д. Томпсон по поводу работы «Сообщество с характером»: «...в каждом тезисе С. Хауэрваса сделан акцент на социальном аспекте христианской этики, ее экклезиологической природе. Такое положение кардинально меняет индивидуалистический подход, показанный в работе “Характер и христианская жизнь”» [11 р. 18]. Хауэрвас в этой работе действительно меняет направление своего богословия – он делает переход от индивидуалистического понимания этики и рассматривает возможность христианской жизни исключительно в контексте общины. Более того, он довольно сильно акцентирует внимание на христианском отрицании индивидуализма как такового: «...христиане воспринимают индивидуалистическое понимание свободы как

рабскую зависимость человека перед своим «эго» и своими желаниями» [10 р. 130]. Отсюда – и две главные функции Церкви: изменять людей и нести свидетельство о вере в то, что мир сотворен и управляется Богом. Эти две функции в полной мере дают людям целостную историю, в которой они могут развиваться и осознавать себя. Он делает замечание, что люди, говоря о «церкви» в очень узком смысле, имеют в виду западный христианский мир и Римско-Католическую Церковь. Но это, по мнению мыслителя, не является полноценным описанием Церкви. Он считает, что Церковь – это в первую очередь люди, свидетельствующие о реальности Царствия Божьего. И такие люди появляются в каждом поколении [10 р. 108–109].

В 1983 году вышла работа Хауэрваса «Мирное Царство» («The Peaceable Kingdom»). В данной работе мыслитель впервые с полной уверенностью говорит, что главная христианская добродетель – это миротворчество, и провозглашает себя христианским пацифистом³. Мы не будем подробно разбирать концепцию христианского пацифизма Хауэрваса, а лишь рассмотрим, как появление этой идеи преобразило сам нарративный метод.

Во введении к работе «Мирное Царство» Хауэрвас проясняет свое критическое отношение к нарративному методу и нежелание, чтобы его богословие ассоциировали с ним: «В ходе своей работы я понял, что нарратив является крайне полезной концепцией. Но есть и другая сторона медали: эта концепция может стать приманкой для развития какой-нибудь богословской новинки (theological fad). Я не развивал и не собираюсь развивать нарративную теологию или теологию нарратива. Я даже не могу представить, как бы это могло выглядеть. Теология не производит истории: правильнее было бы сказать, что она критически осмысливает историю; или что эта традиция, воплощенная в сообществе, которое с учетом прошлого существует сейчас и смотрит в будущее. Следовательно, ошибочно думать, что нарратив занимает центральное место в моем подходе» [12 р. XXV]. Но здесь прослеживается общая тенденция нежелания Хауэрваса, чтобы его воспринимали как представителя какой-либо школы/богословского или философского подхода.

В «Мирном Царстве» уже полноценно говорится об Истинной истории, которая показана в Писании и продолжается в жизни Церкви. Стоит отметить важную особенность, характеризующую нарративное богословие Хауэрваса: оно противопоставляет себя

³ На формирование этой позиции у Хауэрваса преимущественно повлиял менонитский богослов Джон Йодер.

систематическому богословию. Христиане, по мнению Хауэрваса, живут не на основе отдельных постулатов и учений из Писания, а они сами, в своей жизни должны воплощать совокупность и продолжение Божьей истории. «Наша вера не основана на некоторых аспектах Бога, Иисуса Христа и Церкви, и наша мораль не исходит из этих аспектов. Мы воплощаем мораль в самих наших верованиях. Мы не разделяем веру и действия» [12 р. 16]. Другими словами, Хауэрвас снова, как и в этике «характера», делает акцент на целостности. Но теперь он пытается продемонстрировать эту целостность не в человеке, а во взаимосвязи христианского учения и христианской жизни, которые при теологическом нарративе практически неразделимы. Нарратив является единственным возможным путем для полноценного восприятия христианства.

Бог – имя нарицательное, оно профанируется вне Его истории. Понять Бога можно только через Его историю. Бог решил сделать нас участниками Своего существования. Наша жизнь – это дар от Бога. Задача христиан состоит в том, чтобы праведно принять этот дар от Творца. Только в такой связи христиане могут познать себя и Бога [12 р. 27]. Но эту историю нельзя просто увидеть и понять; необходимо стать учеником в сообществе, которое стремится жить праведно и придерживаться истории Бога [12 р. 29]. Церковь – это то место, где «история Бога воплощается, где ее слышат и рассказывают» [13 р. 101]. Все, что происходит в Церкви, служит этим трем действиям. Вне Церкви Священное Писание не может быть правильно понято и прочитано. Понимание Священного Писания в Америке, по мнению Хауэрваса, подверглось сильному искажению, т. к. в большинстве своем его читали в индивидуальном порядке, без необходимости духовного перерождения. «Они читают Библию не как христиане, и не как внешние, а как граждане демократического общества, которым достаточно просто “здорового смысла” для “понимания” Писания» [14 р. 15]. В Америке произошла своеобразная метаморфоза: значение и смысл библейского текста стало возможно определять вне Церкви, индивидуально. Американские граждане, читая Священное Писание, осознавали себя в первую очередь как граждане страны, а не как христиане. По мысли Хауэрваса, это привело к тому, что Библией они освятили свой гражданский статус и сам демократический строй. «В результате того, что Библия была изъята из Церкви и отдана в распоряжение сознанию индивидуальных людей, Писание стало принадлежать националистической идеологии. Америка стала христианской нацией, освященной Богом» [14. р. 32].

В этой связи Хауэрвас заново осмысливает понятие добродетели и конкретизирует особенность христианской добродетели:

«добродетели, которые помогут вспомнить и рассказать историю о распятом Спасителе» [12 р. 103]. Добродетель служит основополагающим инструментом, помогающим рассказать историю Бога и утвердить самобытность Церкви. Центральная христианская добродетель – миротворчество. Хауэрвас поясняет, что миротворчество должно быть именно в центре церковной жизни, т. к. эта добродетель не встречается в других сообществах. И сделав ее центральной, Церковь обретет самоидентичность и сможет осмыслить такие распространенные добродетели, как вера, надежда и любовь, уже исходя из своих принципов [12 р. 103].

Заключение

С помощью теологического нарратива Хауэрвас показал неразрывность христианской жизни и христианского учения, христианской этики и христианской теологии [12 р. 54–55]. Хауэрвас получил ученую степень по богословской этике и преподавал именно этику, но при этом он всю жизнь стремится доказать тождественность христианской этики и богословия, указывая на катастрофические последствия нарушения этой связи. И сердцевиной этого стремления к целостности христианской жизни является Церковь, т. к. только в ней может происходить Божественная история и могут быть воспитаны люди, которые поймут эту историю и станут ее свидетелями. В дальнейшем Хауэрвас делает вывод, что «всякая теология должна начинаться и заканчиваться экклезиологией» [15 р. 58].

Таким образом, Хауэрвас пришел от индивидуалистического понимания нарратива к теологическому, в котором ключевую роль играет церковное самосознание христиан. Но методологическая концепция Хауэрваса стоит на крайне радикальном требовании исполнения принципа ненасилия для всех христиан: хотя данный принцип свойственен лишь некоторым христианским течениям и сектам. Это показывает, что при попытке создать нечто объективное, что могло бы объединить христианскую этику и теологию, Хауэрвас привнес то, что для большинства христиан будет недопустимым.

Однако подобный акцент на такой радикальной идее, как христианский пацифизм, обусловлен самой структурой теологического нарратива. В поисках целостности отдельного человека Хауэрвас пришел к целостности церковной, которая сочетает в себе целостность как отдельного человека, так и мистической Церкви, воплощенной в христианах. Таким образом, теологический narra-

тив позволяет созидать целостность на трех уровнях: личном (целостность отдельной личности), религиозном (целостность отдельной личности определяется христианской самоидентичностью), метафизическом (христиане воплощают единую Церковь и через нее же приобретают свою личную целостность). Подобная структура существует в резком противопоставлении Церкви остальному миру. В данном случае противопоставление возможно только при использовании элемента, который бы созидал это противопоставление по отношению к остальному миру. Таким элементом в экклезиологической модели Хауэрваса стало миротворчество, в котором он видит сущность христианства.

Хауэрвас неоднократно замечал, что его богословская модель не dogmaticкая, довольно гибкая и находится в постоянном движении. Открыв для себя добродетель миротворчества, Хауэрвас на ее фундаменте создал свою экклезиологическую модель, которая воплотила в себе и прошлые наработки, связанные с антропологическим нарративом.

Литература

1. *Lindbeck G.* The Nature of Doctrine. Religion and Theology in Postliberal Age. Philadelphia: The Westminster Press, 1984. 142 p.
2. *Dorrien G.* The origin of postliberalism. A third way in theology? // Christian Century. 2001. Vol. 118 (20). P. 16–21.
3. *Comstock G.* Two types of Narrative Theology // Journal of the American Academy of Religion. 1987. Vol. 55 (4). P. 687–717.
4. *Rasmusson A.* The Church as Police: From Political Theology to Theological Politics as Exemplified by Jurgen Moltmann and Stanley Hauerwas. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1995. 422 p.
5. *Wells S.* Transforming fate into destiny. The theological ethics of Stanley Hauerwas. London: Paternoster Press, 1998. 210 p.
6. *Hauerwas S.* Character and the Christian Life A Study in Theological Ethics. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1994. 272 p.
7. *Hauerwas S.* Vision and Virtue. Notre Dame: Fides Publishers, 1975. 264 p.
8. *Hauerwas S.* Vision, Stories, and Character // The Hauerwas Reader. Durham: Duke University Press, 2001. P. 165–170.
9. *Hauerwas S, Burrell D.* From system to story: an alternative pattern for rationality in ethic // Why narratives. Reading in Narrative Theology. Eugene: Wipf and Stock Publishers, 1997. P. 158–190.
10. *Hauerwas S.* A Community of Character: Toward a Constructive Christian Social Ethic. Notre Dame: Notre Dame University Press, 1986. P. 197.

11. Thomson J. *The Ecclesiology of Stanley Hauerwas: A Christian Theology of Liberation*. Hants: Ashgate, 2003. 245 p.
12. Hauerwas S. *The Peaceable Kingdom*. Notre Dame: Notre Dame University Press, 1986. 208 p.
13. Hauerwas S. *Christian Existence Today*. Durham: The Labyrinth Press, 1988. 266 p.
14. Hauerwas S. *Unleashing the Scripture: Freeing the Bible from Captivity to America*. Nashville: Abingdon Press, 1993. 160 p.
15. Hauerwas S. In *Good Company: The Church As Polis*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1995. 268 p.

References

1. Lindbeck G. *The Nature of Doctrine. Religion and Theology in Postliberal Age*. Philadelphia: The Westminster Press, 1984. 142 p.
2. Dorrien G. The origin of postliberalism. A third way in theology? *Christian Century*. 2001;118(20):16-21.
3. Comstock G. Two types of Narrative Theology. *Journal of the American Academy of Religion*. 1987;55(4):687-717.
4. Rasmusson A. *The Church as Police: From Political Theology to Theological Politics as Exemplified by Jurgen Moltmann and Stanley Hauerwas*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1995. 422 p.
5. Wells S. Transforming fate into destiny. The theological ethics of Stanley Hauerwas. London: Paternoster Press, 1998. 210 p.
6. Hauerwas S. *Character and the Christian Life A Study in Theological Ethics*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1994. 272 p.
7. Hauerwas S. *Vision and Virtue*. Notre Dame: Fides Publishers, 1975. 264 p.
8. Hauerwas S. Vision, Stories, and Character. *The Hauerwas Reader*. Durham: Duke University Press, 2001. p. 165-70.
9. Hauerwas S, Burrell D. From system to story: an alternative pattern for rationality in ethic. *Why narratives. Reading in Narrative Theology*. Eugene: Wipf and Stock Publishers, 1997. p. 158-90.
10. Hauerwas S. *A Community of Character: Toward a Constructive Christian Social Ethic*. Notre Dame: Notre Dame University Press, 1986. p. 197.
11. Thomson J. *The Ecclesiology of Stanley Hauerwas: A Christian Theology of Liberation*. Hants: Ashgate, 2003. 245 p.
12. Hauerwas S. *The Peaceable Kingdom*. Notre Dame: Notre Dame University Press, 1986. 208 p.
13. Hauerwas S. *Christian Existence Today*. Durham: The Labyrinth Press, 1988. 266 p.
14. Hauerwas, S. *Unleashing the Scripture: Freeing the Bible from Captivity to America*. Nashville: Abingdon Press, 1993. 160 p.
15. Hauerwas S. In *Good Company: The Church As Polis*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1995. 268 p.

Информация об авторе

Дмитрий Е. Коровин, магистр теологии, аспирант философского факультета, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dimkorovin1992@yandex.ru

Information about the author

Dmitry E. Korovin, M.A. in Theology, graduate student of the Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; dimkorovin1992@yandex.ru

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *Т.Ю. Журавлева*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 29.06.2018.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 11,3. Уч.-изд. л. 10,7.
Тираж 1050 экз. Заказ № 292

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»
выходит 4 раза в год.
Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71126
Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!